

И.П. ЗЕЛЕНИН

ИСТОРИЯ
СЕЛА
УСТЬ-КАЧКИ

Иван Петрович Зеленин

*История села
Усть-Качки*

(Рукописи 1951 г.)

Пермь 2018

УДК 908
ББК 63.3 (235.55)
З 48

Зеленин И.П.

З 48 История села Усть-Качки (Рукописи 1951 г.) / Авт.-сост. О.Г. Гайдаш. – Пермь: Изд. Богатырёв П.Г., 2018. – 134 с. – ил.

Книга представляет собой издание рукописей усть-качкинского краеведа И.П. Зеленина (1882–1962), датированных мартом-апрелем 1951 г., и семьи учителей усть-качкинской школы Мышкиных. Авторский текст под редакцией О.Г. Гайдаша дополнен комментариями и отдельными документами.

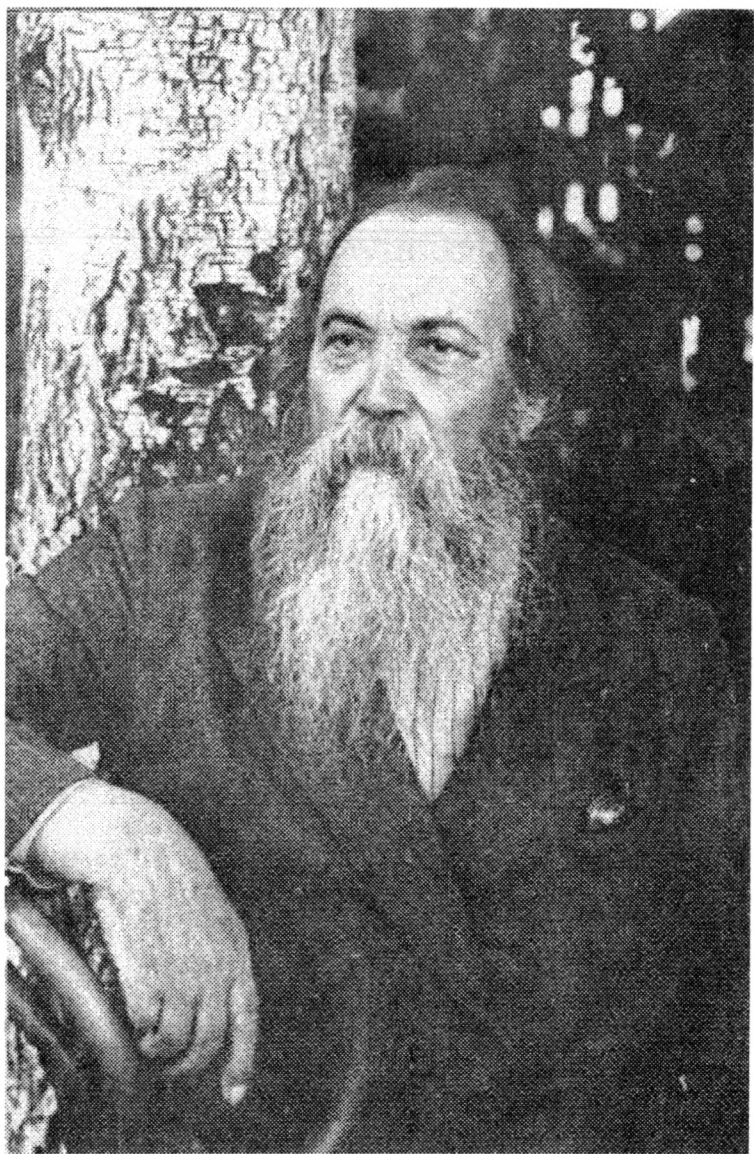
В книге описывается крестьянский мир села Усть-Качка XIX – нач. XX вв., с его общественным устройством, семейным укладом, повседневными заботами, нравами и обычаями, с отложившимися в коллективной памяти событиями и преданиями.

Книга предназначена для широкого круга читателей.

УДК 908
ББК 63.3 (235.55)

***Выражаем признательность д.и.н., профессору Г.Н. Чагину
за предоставленные материалы из фондов РГАЛИ***

© И.П. Зеленин, текст, 2018
© Н.А. Мышкин, текст, 2018
© О.Г. Гайдаш, составление, предисловие,
послесловие, комментарии и примечания, 2018
© Е.В. Чуйкина, дизайн обложки, макет, 2018

Иван Петрович Зеленин. Фото начала 1960-х гг.

Иван Петрович Зеленин

(Вместо предисловия)

С автором «Истории села Усть-Качки» я не был знаком. Мне было тринадцать лет, когда наша семья переехала в Усть-Качку из Перми. А за два года до этого, в 1962 году, Иван Петрович умер.

В 1960-е годы среди жителей села еще преобладали Зеленины – прямые потомки тех, о ком писал И.П. Зеленин, с кем водил дружбу, чьи личные истории и воспоминания вошли в «Историю села Усть-Качки». В обиходе и укладе жизни села тогда сохранялось многое из того, о чем писал Иван Петрович. Среди старых учителей нашей школы были те, кто близко знал его, а в школьном кабинете истории были предметы, собранные им для сельского музея. Так что уже тогда я кое-что о нем слышал. Много позже, закончив мединститут и вернувшись в Усть-Качку, я близко познакомился с учительницей Ираидой Ивановой Зелениной – дочерью Ивана Петровича. Из бесед с ней и другими старожилами села у меня постепенно складывался образ этого человека.

Иван Петрович Зеленин может быть отнесён к той, некогда широко распространённой породе сельских интеллигентов, по преимуществу сельских учителей, чья жизнь и деятельность большей частью протекала в родном городке или селе. Поднявшись благодаря самообразованию, они трудились на ниве народного просвещения в бурные годы мировых войн и революций. Некоторые из них приняли революционные перемены с энтузиазмом, другие были более сдержаны, видя в братоубийственном противостоянии пролог грядущих несчастий. По мере

сил продолжая свой труд они вместе со всеми переживали испытания и лишения своего времени. Труд был для них образом и смыслом жизни. Сами же они были нравственной опорой для тех, кто в ней нуждался.

Родился Иван Петрович Зеленин в 1882 году в крестьянской семье в деревне Усть-Качка, ставшей селом в 1893 году после постройки и освящения храма во имя Святого благоверного князя Александра Невского. Отец его – Зеленин Пётр Алексеевич, - коренной усть-качкинец принадлежал к роду, носившему прозвище Баламыгиных. Родовые прозвища были в обычае, так как большинство жителей Усть-Качки носило фамилию Зеленины. Кроме того у отца было и личное прозвище – Солдат. Служа в армии, он принимал участие в русско-турецкой войне и сражении на Шипке. Вероятно его воспоминания и рассказы о военной кампании и послужили основанием для этого прозвища. Мать – Евдокия Петровна, - происходила из усть-качкинской крестьянской семьи Вяткиных, которые родового прозвища не имели, так как Вяткиных в Усть-Качке было немного и их различали без прозвищ.

Семья Зелениных жила крестьянским хозяйством, так что крестьянский труд, уклад и обиход Иван Петрович сизмальства знал изнутри, что нашло отражение в «Истории села Усть-Качки».

Иван Петрович Зеленин закончил Усть-Качкинскую церковно-приходскую школу, а в 1908 году экстерном сдал экзамен на звание учителя начального училища. Учителемствовал в Пермском приюте детской ремесленно-земледельческой колонии, Усть-Качкинской начальной школе, Юговско-Гороблагодатной ремесленно-земледельческой колонии.

Одно время Иван Петрович был священником храма в Усть-Качке. Скорее всего, это было в 1920–30-е годы. Однако об этом периоде жизни И.П. Зеленина практически ничего не известно.

В 1940-50-е годы Иван Петрович занимался сбором экспонатов для музея истории села, который был открыт и некоторое время существовал в помещении сельского клуба.

Помимо всего И.П. Зеленин был художником-самоучкой. Оригинальных его картин не известно. По-видимому, он ограничивался копиями с картин русских художников.

В своё время, по молодости и по неопытности, я упустил возможность подробно расспросить Ираиду Ивановну Зеленину о том, как и когда пришла отцу мысль описать уклад жизни старинной Усть-Качки с её особым норовом, событиями и преданиями.

Черновики и подготовительных материалов к «Истории» практически не сохранилось. Две самодельные тетради с чистой рукописью текста «Истории села Усть-Качки» датированы автором мартом и апрелем 1951 года. При жизни Ивана Петровича рукопись была перепечатана на пишущей машинке и переплетена. Местонахождение и количество экземпляров машинописного текста «Истории села Усть-Качки» не известно. Поиски в фондах ГАПК и Пермского краеведческого музея результата не дали. Две упомянутые рукописные тетради были переданы мне Ираидой Ивановной и около сорока лет пролежали в ящике моего письменного стола. При подготовке рукописи к настоящей публикации я добросовестно от руки переписал её, чтобы в дальнейшем без нужды не трогать ветхие от времени листы, попутно незначительно поправив стилистику отдельных фраз и оборотов и написав комментарии к авторскому тексту. Несмотря на то, что с соответствии с современными правилами русского языка географические названия, употреблённые в сочетании с родовым словом, не склоняются, если род обобщающего термина *село* не совпадает с родом имени собственного *Усть-Качка*, я решил не исправлять авторское написание «История села Усть-Качки» на «История села Усть-Качка», полагая, что этим сохраняю некую авторскую, Ивана Петровича Зеленина, интонацию.

И.П. Зелениным были записаны свадебные обрядовые песни. Тексты песен были перепечатаны на машинке и переплетены. Вероятно они были приложением к «Истории села Усть-Качки». Сохранился один экземпляр свадебных песен.

После Ивана Петровича не сохранилось дневниковых записей, писем и всего того, что можно было бы назвать архивом. Уже почти нет людей, кто знал его лично.

Публикуемая «История села Усть-Качки» хранит тепло его души и является памятью о нём и обо всех усть-качкинцах как

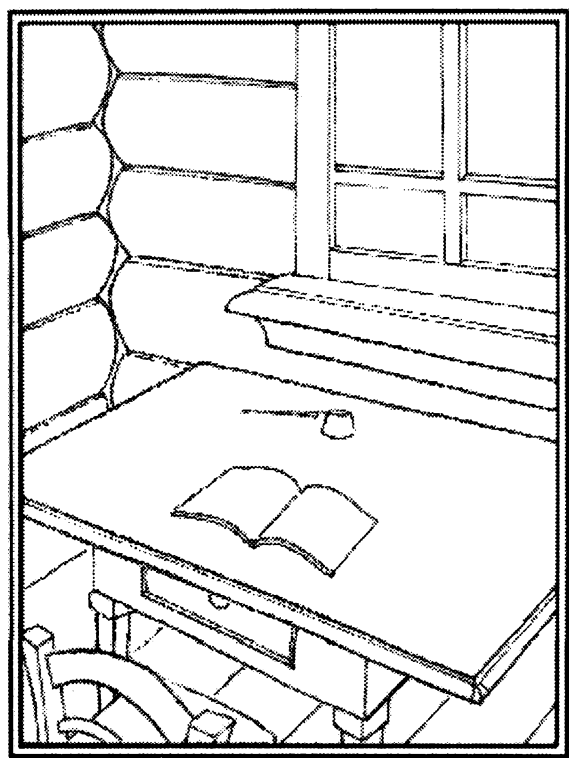
прямо упомянутых в «Истории», так и тех, кто незримо присутствует на её страницах.

О.Г. Гайдаш

P.S. При посредстве Ираиды Ивановны Зелениной мне был передан машинописный экземпляр «Воспоминаний о селе Усть-Качка бывшей Нижне-Муллинской волости Пермского уезда», датированный октябрём 1978 года. Авторами воспоминаний являются члены семьи Мышкиных, с 1914 по 1921 год работавшие учителями Усть-Качкинской начальной школы. Извлечение из этих воспоминаний я счёл возможным поместить в дополнение к тексту И.П. Зеленина.

Помимо этого публикуются документы, дополняющие текст «Истории села Усть-Качки»: выдержки из письма И.П. Зеленина бывшему воспитаннику детского клуба «Муравейник» Г.М. Двасу (1958 г.) и рукопись «Цели и задачи драматического кружка» (1920–1930-е гг.).

И. П. Зеленин

История села
Усть-Качки

Штетрадь первая

Март 1951 года

Первые поселенцы с. Усть-Качки

О первых жителях с. Усть-Качки документальных данных не сохранилось. Есть только устное предание, которое записано со слов старых жителей данного села, получивших это предание от своих отцов и дедов. Правдивость этого предания подтверждается многими дошедшими до нас фактами.

Вот, что говорит предание: В прежние-давние времена в г. Оханске был монастырь (мужской или женский предание умалчивает) [1]. По существовавшим в то время законам монастыри имели право иметь крепостных крестьян для обработки имеющихся у них земель и ведения монастырского хозяйства. В ведении означенного монастыря была земля, которую в настоящее время занимает с. Усть-Качка с ее усадьбами, полями и сенокосными угодьями. Для обработки этой земли монастырем были посланы монастырские крепостные крестьяне, которые поселились около устья реки Качки отчего и произошло название поселка УСТЬ-КАЧКА. Это были первые поселенцы из г. Оханска ЗЕЛЕНИНЫ [2] – прадеды данного села.

Впоследствии вышло распоряжение правительства об отмене крепостного права монастырских крестьян. Все крепостные крестьяне, находившиеся в ведении монастырей, должны были перейти в ведение государства и стали называться «государст-

венными» [3]. Но кличка за крестьянами Усть-Качки до настоящего времени осталась прежняя – «МОНАСТЫРЦЫ».

Государственные крестьяне имели свое административное управление, отдельное от помещичьих крепостных крестьян. Деревня Усть-Качка была одна среди окрестных помещичьих деревень [4], а потому ее приписали к административному управлению ШЕРЫНСКОЙ УПРАВЫ [5] тоже государственных крестьян. Впоследствии УПРАВА была переведена в Усть-Качку. Здание управы находилось около нынешней школы. Управу возглавлял выборный из крестьян, который имел административное название – ГОЛОВА.

После перехода из крепостного права крестьяне переживали тяжелый голодный год. Некоторые из жителей деревни Усть-Качки не смогли пережить нужды этого трудного времени без посторонней помощи и снова перешли в крепостничество к помещику в соседнюю деревню Луговую. Там дали им кличку УСТЬ-КАЧКИНЦЕВЫ. Впоследствии эта кличка перешла в фамилию [6].

После падения крепостного права управа в деревне Усть-Качке была упразднена. Крестьяне были приписаны к Нижнее-Муллинской волости, в ведении которой находились до формирования сельсоветов. Нижне-Муллинская волость состояла из 4-х нынешних сельсоветов: 1) Нижне-Муллинского, 2) Большакинского, 3) Заболотского и 4) Усть-Качкинского.

Земельные наделы монастыря, по-видимому, не все вошли в нарезку жителям Усть-Качки и излишки Камских лугов были отданы бывшим монастырским крестьянам, жившим в г. Оханске, которые владели ими до революции и отдавали Усть-Качкинцам в аренду. Название лугов до сего времени осталось прежнее – «ОХАНСКИЕ ЛУГА» [7].

Деревня Одина

Крестьяне - Усть-Качкинцы, жившие более свободно, были зажиточнее, культурнее и предприимчивее своих соседей – крепостных крестьян. Население Усть-Качки быстро росло. Данной

земли (как говорили «нарезной») становилось недостаточно. Население занималось расчисткой лесных массивов [8]. Часть крестьян выехала из Усть-Качки версты за три и поселилась на лесной поляне около Истока [9]. Новый поселок в обыденной жизни назывался ОДИНОЙ (от слов - один, одинокий) [10]. В административном отношении он значился как «Верх-Источный починок», но это название осталось только на бумаге, а в жизнь не прошло. В обиходе употреблялось название Одина, которое потом было закреплено официально. Этот поселок числился частью Усть-Качкинского сельского общества и имел земельные наделы совместные с крестьянами д. Усть-Качки.

Кроме Одины в Усть-Качкинском сельском обществе был еще поселок в одной версте от Усть-Качки – деревня ЗАМЕЛЬНИЦА. Такое название он получил от того, что действительно был за мельницей.

В 1890 году в Усть-Качке имелось 65 дворов, в Одине – 9 дворов, в Замельнице – 5.

Изыскание земель

Малоземелье побудило жителей Усть-Качки искать дополнительной земли-пашни и сенокосов. После падения крепостного права соседние деревни имели земельных наделов больше, чем наши деды. Усть-Качкинцы арендовали у соседних крестьян, особенно деревни Хмелевки [11], пахотную землю и сенокосы. Почти каждый Усть-Качкинский крестьянин имел аренду в Хмелевке, отчего Усть-Качкинцы становились зажиточнее, а Хмелевчане стали беднеть. Наконец Хмелевское общество было вынуждено своим сельским сходом постановить: прекратить арендную сдачу земель кому бы ни было, в том числе и Усть-Качкинцам. Это было в 90-х годах прошлого столетия.

Получив отказ в аренде хмелевских земель, Усть-Качкинцы все же стали искать выход в приобретении земли. Узнали, что есть свободный казенный сенокосный пласт за деревней Юрчимом под Верхними Муллами в 25 верстах от Усть-Качки под названием КРАСАВА и исходатайствовали его себе в надел.

Красавой Усть-Качкинское общество пользовалось вплоть до земельной реформы.

Общественные организации и производства

Все пашни и покосы обносились изгородью, которую ставил каждый домохозяин сообразно количеству занимаемой земли. На каждый участок изгороди домохозяин ставил свое ОГОРОДНОЕ ПЯТНО, т.е. условленные зарубки на кольях и жердях. Причем у каждого домохозяина было свое пятно, отличное от других хозяйств.

Привожу несколько примерных огородных пятен:

\\ // /// | \\/

Для наблюдения исправности изгороди выбирался АГОРОДНИК, на обязанности которого возлагалось периодически, и особенно после сильных ветров и бурь, обходить всё огорожье (изгороди) и о плохих уведомлять хозяина.

В деревне имелся общественный хлебный магазин – МАГАЗИЯ [12], из которого нуждающимся выдавалась хлебная ссуда до свежего урожая. Зерно в магазине хранилось двух культур – рожь и овес. Выдавалось так: выдавали из магазина не весом, а мерой – МАЛЕНКОЙ весом около 1 пуда. Выдавали «под гребло», то есть наравне с краями, а принимали маленку насыпанную с верхом «до отказа», половину верха сгребали сдатчику, а другую брали в магазин, как процент на утрату и прибыль. Для заведования магазином, выдачи и получения зерновых ссуд выбирался сельским сходом ВАХТУР [13]. Грамотных было очень мало, большинство безграмотных, но все же безграмотные вахтура вели учет ссуд своей «бухгалтерией». Вахтур брал две ЛУТОШКИ [14], одну для отметки ржи, другую для отметки овса. В порядке дворов крестьян-вахтур нарезал на лутошке огородные пятна каждого двора, отделяя каждое пятно от другого зарубкой. При выдаче ссуды вахтур ставил шилом на лутошке против огородного пятна двора заимщика

столько точек, сколько выдал маленок зерна. При возвращении ссуды вахтур ставил ножом на всех сделанных точках крест.

В несколько измененном виде велась запись и при уплате ПОДАТЕЙ (так назывались прежде налоги). Каждому крестьянскому хозяйству выдавался ПОДАТНОЙ ЛИСТ, на котором сельский писарь надписывал имя, отчество и фамилию плательщика, а сам хозяин-плательщик, чтобы не смешать этот лист с другими, ставил на нем свое огородное пятно. Годовая подать платилась в три срока. Сельский писарь каждую уплату вносил в лист цифрами, а для безграмотных помечал еще особыми условными знаками:

копейка	
гривенник	+
рубль	○
десять рублей	□

Например 12 руб. 43 коп. знаками выглядело так:

□ ○ ○ + + + + | | |

Усть-Качкинцы, свободные от крепостного права, могли свободно осуществлять свою инициативу. Чтобы не ездить далеко за несколько верст молотье свое зерно на муку они построили свою ОБЩЕСТВЕННУЮ МЕЛЬНИЦУ. Это была единственная крестьянская общественная мельница не только в уезде, но, кажется, и во всей губернии. После 1900 года по примеру Усть-Качки стали строиться общественные мельницы и в других соседних деревнях.

Постройка, ремонт и все другие работы по мельнице производились сообща силами населения. Каждый крестьянин должен был затратить рабочего времени – «мельничных дней» (нынешних трудодней) на дела мельницы пропорционально имеющегося у него земельного надела, который распределялся между крестьянами на «ревизские души» [15]. Сложные мельничные работы выполнялись посторонними мастерами за «мельничный хлеб» или общественные «мельничные деньги».

Вымолотая на мельнице мука распределялась на пай – ревизские души. Каждая выдача муки называлась ВЫТЯСКОЙ. В вытяску выдавали на ревизскую душу 1 пуд муки. Причем

предоставлялось брать муку любого сорта-культуры из следующих расчётов:

Основной единицей считался 1 пуд ржаной муки. За эту единицу можно было получить:

Пшеничной муки	30 фунтов
Ясной (ячменной) муки	35 фунтов
Солоду ржаного	30 фунтов
Солоду бражного	1 пуд 5 фунтов
Гороховой муки	1 пуд
Посыпки	1 пуд 10 фунтов
Мякины	10 маленок

Выдачу вытрясок вел выборный обществом БУСОВОЙ [16], который должен был следить и за исправностью мельницы. Запись выдачи вытрясок велась отметками на лутошках также, как и выдача хлебных ссуд из хлебного магазина.

На всю Нижне-Муллинскую волость была единственная начальная школа в селе Нижние Муллы. По деревням ходили старики, большей частью отставные грамотные солдаты и обучали крестьянских детей грамоте.

Невольно припоминается стихотворение В.Курочкина:

На лужайке детский крик –
Учит грамоте ребят
Весь седой ворчун-старик,
Отставной солдат.
 «Унтер не был бы, когда б
 Грамоте не знал.
 Дружно дети все зараз:
 Буки, аз! Буки, аз!
 Счастье в грамоте для вас...»

Так было и в Усть-Качке. До постройки школы здесь обучали детей старики - отставные солдаты – Лев Григорьевич и Василий Маркович. Насобирают человек 10-15 и учат их в домах крестьян понедельно. Причем где учитель учит, там и живет

очередную неделю, хозяин дома его поит и кормит, кроме того все отцы учеников дают ему малую толику денег.

Вторая в волости ШКОЛА была выстроена в Усть-Качке на средства архимандрита Григория [17], настоятеля Верхотурского монастыря, уроженца д. Усть-Качка. Работы: подвозка лесу, камня, кирпича, железа и проч. были выполнены местными жителями, а денежные затраты на покупку стройматериалов и постройку школы оплачивались архимандритом Григорием.

Первый год занятий в школе был 1889-й. Это была «Усть-Качкинская церковно-приходская школа». Первым учителем в ней был Павел Петрович Соколов, оставивший по себе хорошую память.

В 1895 году школа перешла в ведение Пермского Уездного Земства. Первым учителем от земства был Сергей Васильевич Проскуряков, человек образованный с широким кругозором.

В 1890 году на средства того же архимандрита Григория была начата постройка ЦЕРКВИ во имя Святого Благоверного Князя Александра Невского [18].

Для постройки церкви нужна была площадь, для чего решено было снести несколько домов. Население своими силами и на свои общественные средства перенесли с площади 4 хозяйства: Льва Романовича Зеленина, братьев Губиных – Петра Матвеевича и Семёна Матвеевича, и Зеленина Ивана Андреевича. На той же площади на берегу Камы стояла часовня, которая после постройки церкви была продана обществом в дер. Ключину (Журавли) [19].

В 1894 году церковь была освящена Пермским протоиереем Иоанном Будиным. Но служба в ней совершалась только по праздникам, так как она была приписной к Нижнее-Муллинской церкви. В 1896 году к ней был рукоположен 1-й священник Сергей Васильевич Проскуряков, учитель местной школы и 25 декабря того же года начинается постоянная церковная служба.

Первым церковным старостой был Александр Степанович Зеленин.

Фельдшерский медицинский пункт был во всей волости только один в селе Нижние Муллы. Врач был один на несколько волостей. Вся Нижне-Муллинская волость была приписана к

Култаевскому врачебному пункту. Медицинские работники были редки. Акушеров не было, их заменяли «бабушки-повивалки». Когда прививка оспы уже для всех была обязательной, медицинские работники еще не в силах были обслуживать прививкой всё население. От каждого сельского общества были посланы выборные крестьяне для обучения этому делу. Из Усть-Качки был послан и обучен крестьянин Прокопий Николаевич Губин (дедушка Ивану Михайловичу Губину), который и производил прививку оспы детям местных жителей. Крестьяне попросту называли его «Проня Воспица».

В 1898 году Пермской Уездной Земской Управой в с. Усть-Качке был открыт **ФЕЛЬДШЕРСКИЙ МЕДИЦИНСКИЙ ПУНКТ** (второй в волости). Вначале пункт помещался в школе. Одна из классных комнат была перегороджена забиркой, за которой и помещалась приемная и аптека. Впоследствии пункт был перемещен в частное приспособленное помещение. Первым фельдшером был Александр Петрович Загайнов.

С открытием школы грамотных в селе становилось все больше и больше. Чувствовалась потребность и тяготение к чтению. Книги можно было получить только в школьной библиотеке, но там их было ограниченное количество, да и не всегда можно было их получить, и к тому же потребности у населения стали шире. А книг нет. Многим хотелось почитать и газет, узнать новости, но ведь не каждый мог выписать газету, на это нужны были средства. У молодых крестьян, окончивших местную школу появилась мысль сделать это сообща. Тут пришел на помощь живший на даче в Усть-Качке пермский педагог Василий Михеевич Шулепов [20]. Он дал совет каким путем можно будет удовлетворить население печатным словом. По его совету была проведена подписка на создание денежного фонда для организации библиотеки.

Сельским сходом было постановлено ходатайствовать перед Уездным Земством об открытии **БЕСПЛАТНОЙ НАРОДНОЙ БИБЛИОТЕКИ - ЧИТАЛЬНИ**.

В марте месяце 1908 года было извещено, что губернской администрацией разрешено Пермской Уездной Земской Управе открыть в с. Усть-Качке просимую библиотеку.

Библиотека первоначально помещалась в доме крестьянина Петра Алексеевича Зеленина. Первым заведующим и библиотекарем был Иван Петрович Зеленин [21] с окладом жалованья за квартиру и за заведование 36 руб. в год.

Часто у многих крестьян чувствовалась нужда в деньгах. Хлеб, в случае нужды, он мог получить в «магазине». А вот денег негде было перехватить даже на короткое время. Был в городе Перми Кустарный банк [22], но он давал денежную ссуду только кустарям, а не рядовым крестьянам. Задумались наши мужички. Узнали, что есть такая финансовая организация – как бы вроде крестьянского банка, куда можно свободные деньги вложить, а при нужде денежную ссуду взять. Достали устав «кредитного товарищества». Просмотрели, познакомились с ним и решили хлопотать. Организовалось несколько (до 20 человек) мужичков-крестьян и стали ходатайствовать перед Пермским Губернским Земством об открытии в селе кредитного товарищества. Просьба их была удовлетворена. В 1911 году 15 февраля было открыто УСТЬ-КАЧКИНСКОЕ КРЕДИТНОЕ ТОВАРИЩЕСТВО.

Первое правление состояло из выборных крестьян – членов товарищества, принимавших активное участие в его организации. В него вошли: Иван Федорович, Алексей Семенович и Семен Иванович Зеленины. Первоначально кредитное товарищество помещалось в доме крестьянина Михаила Филипповича (Василия Филипповича?) Зеленина.

Эта организация была первая не только в волости, но даже в округе [23]. По примеру Усть-Качкинцев стали открываться кредитные товарищества и в других поселениях. Впоследствии такое же товарищество открылось и в волостном селе Нижние Муллы.

В 1908 году была организована ДОБРОВОЛЬНАЯ ПОЖАРНАЯ ДРУЖИНА.

Дисциплина и оборудование дружины были примерные. Частыми были показательные выезды и практика (без звона – набата).

Во время пожара в деревне Горшки в 1909 году дружина показала всю свою деловитость. Благодаря ей пожар был быстро ликвидирован. Бывшие на пожаре крестьяне на деле убедились в необходимости пожарной дружины и по примеру Усть-Качкинцев организовали в своих обществах добровольные пожарные дружины. И здесь Усть-Качкинцы были примером своей организованностью. Первым начальником дружины был крестьянин Николай Иванович Зеленин.

Летом 1908 года силами дачников, отдыхавших в Усть-Качке, был поставлен ПЕРВЫЙ СПЕКТАКЛЬ – пьеса А.Н. Островского «На пороге к делу». Руководителем и организатором был пермский педагог Василий Михеевич Шулепов. К участию в установке сцены была привлечена местная крестьянская молодежь. Постепенно ее стали привлекать и к выступлению на сцене. Спектакль ставился в ограде крестьянина Михаила Филипповича Зеленина.

Постановка спектаклей летом 1909 года все более и более сближала отдыхающих дачников с местной крестьянской молодежью, которая уже более активно работала по устройству сцены, а многие брали небольшие роли и выступали.

Общение крестьянской молодежи с дачниками, людьми культурными, облагораживало деревенских парней. Постановка пьес объединяла всех – городских и деревенских. Было общее дело. От крестьянских парней не было слышно вульгарных слов и ругательств. Они невольно подражали городским в вежливости, подтягивались. Видя это, дачники все ближе сходились с молодежью. Взаимность росла, от которой была только одна польза облагораживающая молодежь. Центром единения и взаимности был вышеупомянутый педагог Василий Михеевич Шулепов со своей супругой учительницей Клавдией Венедиктовной. Когда чета Шулеповых уезжала с дачи домой в Пермь, молодежь в знак благодарности поднесла им адрес с многочисленными подписями, букет цветов с подарками и торжественно провожала их до парохода.

В 1910 году, летом, был поставлен первый спектакль самостоятельно силами ДРАМКРУЖКА УСТЬ-КАЧКИНСКОЙ КРЕСТЬЯНСКОЙ МОЛОДЕЖИ – пьеса А.Н. Островского «В чужом пиру похмелье». Постановка была широко афиширована. Это было большой новинкой и в те времена исключительной редкостью. Было организовано катание на пароходе «Почетный гражданин» от Перми до Усть-Качки. Пермская публика приезжала прокатиться, а главное посмотреть на «крестьянский спектакль», который был поставлен в гумне, где теперь стоит столовая курорта. В риге была гримировочная, а перед ригой была поставлена сцена. «Долонь» (ток) гумна представляла собой зрительный зал. В одной из «мякинниц» помещался духовой оркестр, а в другой – чайно-закусочный буфет [24]. Всё было декорировано пихтовыми гирляндами и нарядными деревенскими половиками. Так было положено начало «драматической» деятельности крестьянской молодежи.

За это лето силами местного драмкружка Усть-Качкинской молодежи был поставлен ряд спектаклей из пьес А.Н. Островского. Спектакли ставились в благотворительных целях: в пользу местной бесплатной библиотеки-читальни, местной пожарной дружины, погорельцев Курашимского завода [25], приюта-колонии бедных детей.

Спектакли могли быть поставлены только с разрешения Уездного Полицейского Управления, с обязательством указания названия пьесы, ее автора, кто участвует в постановке, с какой целью ставится спектакль, после постановки представить в Полицейское Управление финансовый отчет. Ко дню постановки Полицейским Управлением обязательно посылался полицейский чиновник для надзора за порядком и благонадежностью.

Первыми членами драмкружка крестьянской молодежи были: Николай Григорьевич Зеленин (расстрелян белыми), Иван Тимофеевич Зеленин (умер в тюрьме у белых), Иван Дмитриевич Зеленин (погиб в первую германскую войну), Семен Алексеевич Зеленин (уже умер), Ксения Сергеевна Соснина (уже умерла), Александра Андреевна Зеленина (уже умерла), Раиса Ефимовна Зеленина (неизвестно где), Евгения Петровна Зеленина (неизвестно где), Федор Иванович Зеленин – в настоящее время проживает дома, работает на строительстве курорта. Рас-

порядителем и режиссером был Иван Петрович Зеленин (автор «Истории села Усть-Качки» – О.Г.), суфлером – Александр Иванович Долгополов, ценившийся артистами за умение «подавать реплики» во время игры.

Цены билетов были: сидеть – от 10 до 50 коп., стоять – 5 коп. Чистого дохода от спектакля приблизительно было 20–40 руб.

Село Усть-Качка отстоит от г. Перми (нынешнего г.Молотова) в 45–48 км.

В прежнее время сообщение с городом было только «гузом» [26]: летом на телеге, а зимой на санях. Бывали случаи, что кто-нибудь из крестьян воспользуется готовой подводой – пароходом, шедшим вверх по Каме с буксиром – баржами. Но надо было ждать такого парохода, который шел бы не быстро и к которому можно было бы легко причалиться.

Приготовит крестьянин повезти для продажи масла, сметаны, яиц и прочего разного, одним словом, что можно продать «не турасного» (небольшого по объему), не тяжелого, чтобы из лодки легко можно было унести на городской рынок [27]. Возьмет с собой и мережу [28], чтобы обратно не даром плыть, а по пути и порыбачить. Но это были редкие случаи. Больше ездили на лошадях.

Но вот в 1893 или в 1894 году приходит маленький пароходик. Дает гудок, пристает к берегу. Жители подходят к приставшему пароходу. Выходит среднего роста, плотный, пожилой, с большой бородой человек – хозяин парохода и объявляет собравшимся, что этот пароход будет ходить из Перми до Ново-Ильинска каждый день, по пути приставать в Усть-Качке и во всех других деревнях, стоящих на берегу Камы. Будет возить всех желающих в г. Пермь и другие деревни. Цена проезда 30 копеек. Передал печатное объявление, просил вывесить на видное место. Это была новость. Не особенно доверчиво отнеслось к этому население: «Ну где же ему будет возможно ходить каждый день из Перми до Ново-Ильинска, да ещё и обратно. Не успеть. Да и кто ездить-то будет? Раз съездил в лето и все тут. Не

обработать ему будет своих расходов. Походит, походит да и бросит».

Но пароход с этого времени аккуратно стал приходить в Усть-Качку каждый вечер из Перми, а ночью обратно в Пермь. Хозяин парохода заказал обществу выстроить мостки, чтобы приставать к берегу было бы лучше.

Так было положено начало речному сообщению города с деревней [29] маленьким пароходиком «Ильинец» и его владельцем Архипом Давидовичем Истоминым. Через год или два тем же пароходо-владельцем Истоминым был выпущен на линию много больший пароход «Водорез» с 1-м и 2-м классами. Была поставлена пристань, которой заведовал местный крестьянин Тимофей Иванович Зеленин. Впоследствии по линии Пермь – Оса курсировали большие 2-х этажные пароходы. Было два отправления. Цена билета от Усть-Качки до Перми была: палубный – 20 коп., 3-го класса (жесткий диван) – 30 коп., 2-го класса – 45 коп., 1-го класса – 60 коп. [30]

В связи с открытием пароходной линии в Усть-Качку стали приезжать жители г. Перми, снимать на лето ДАЧИ (квартиры у крестьян) [31]. Место для отдыхающих в Усть-Качке было подходящее. Природа богатая – лес, сосновый бор, поля, луга, Кама. Берег для купания чистый, плотный, ровный. Жители видели в дачниках материальную поддержку и были в них заинтересованы, получая за квартиру, без езды на рынок сбывая овощи и молочные продукты. Живя с «дачниками» старались удовлетворить их квартирные и продовольственные запросы, вести обиход своей жизни более культурно, чище, быть вежливыми, обходительными. Это был новый этап для жителей Усть-Качки.

Приезжали в Усть-Качку большей частью земские служащие связанные с деревней, были врачи, агрономы, педагоги, кооператоры и просто земские служащие. Бывали в Усть-Качке люди и других профессий и из других учреждений.

Жизненные запросы Усть-Качкинцев становились шире, взгляды на обыденную жизнь менялись. Потребностей в домашнем обиходе становилось больше. Наконец поднимаются вопросы снабжения местных жителей и дачников хотя бы самым нужным и необходимым, чтобы не за всем ездить в город. Отсюда и возник вопрос об организации ОБЩЕСТВА

ПОТРЕБИТЕЛЕЙ. Хотя в это время в Усть-Качке и были бакалейные лавки частных торговцев, однако они мало старались удовлетворить потребности покупателей. Когда же Усть-Качкинцы услышали про торговые кооперации, задумали создать таковую у себя. Дачниками был доставлен примерный устав. Группа крестьян познакомилась с уставом. Была произведена запись членов-организаторов. В результате ходатайства Устав был утвержден, общество разрешено. В 1912 или 1913 году было открыто **УСТЬ-КАЧКИНСКОЕ ОБЩЕСТВО ПОТРЕБИТЕЛЕЙ**. По открытии общества частные торговцы ликвидировали свою торговлю, передав все имеющиеся товары вновь открытому обществу потребителей. Помещение под лавку было снято у крестьянина Михаила Филипповича Зеленина. Внутреннее устройство было оборудовано личными силами членов нового общества. Паевой взнос был 10 руб.

В первое правление общества были избраны: Сергей Николаевич Соснин (расстрелян белыми), Семен Матвеевич Губин, Николай Нестерович Зеленин (уже нет в живых). Первым приказчиком был Иван Федорович Зеленин (уже умер). Надо отметить активное участие в организации и деле Общества Гуляева Александра Федоровича (местного псаломщика).

Настоящая организация общества потребителей была единственной не только в волости, но и в округе. По примеру Усть-Качки стали постепенно открывать общества и в соседних деревнях и волостях.

Среди деревни было болото со стоячей водой [32]. Из воды торчали кочки с пнями, по-видимому здесь когда-то был лес. Посреди болота была большая кочка. Это было гнездо. Здесь по летам жили лебеди и выводили птенцов. На зиму они улетали, а ранней весной вновь прилетали. Жители привыкли к прилёту этих птиц и каждую весну их поджидали. И как услышат их голоса: «клы, клы», приходили к болоту, бросали на воду хлеб. Лебеди доверчиво подплывали к берегу, брали и поедали брошенные им куски хлеба. Жители деревни зорко следили за тем, чтобы лебеди ни от кого не видели обид. Было интересно наблюдать, как лебеди выводят своих птенцов и ведут их по улице

деревни на Каму или на край деревни в согру [33]. Обыкновенно, почти всегда, шли таким порядком: впереди шел один из родителей, за ним шли лебедята, шествие завершал второй родитель. Усть-Качкинцы оберегали своих сожителей и при всяком удобном случае старались им бросить что-либо съестное, больше всего хлеб. Строго судили того, кто покушался их пугнуть. Часто залетали на болото и дикие утки.

Но вот появились в деревне приезжие из города «культурные» охотники, в сапогах с длинными голенищами, с изящными ружьями, с породистыми собаками. И эти «интеллигентные городские люди» не посчитались с традициями деревенских жителей, пошли в болото и из ружей стали бить прилетающую дичь. Достаточно было дать несколько выстрелов, чтобы лебеди навсегда оставили свое любимое гнездо-жилище, в котором несколько десятков лет выводили и растили детей, украшая своим плаванием озерко и доставляя своей жизнью жителям села столько удовольствия. Благодаря прихоти одного бесшабашного человека болото опустело навсегда.

В последующие годы многие из жителей сваливали в болото разный мусор и нечистоты, из-за чего оно производило весьма непривлекательный вид. К тому же болото разделяло село и было совершенно бесполезно. В 1918 году жители Усть-Качки постановили – болото осушить. По осушке болота выбрали уполномоченным Василия Тимофеевича Зеленина (конторщика). Был приглашен гидротехник Лучинин Николай Гаврилович, под руководством которого была произведена осушка болота.

Шел 1918 год. Первая германская война сильно отразилась на благосостоянии народа. Производства сокращались. Ощущался во многом недостаток. Также чувствовался сильный недостаток и в КИРПИЧЕ. Подносились печи, потрескались и обветшали трубы. Топить было небезопасно, а кирпича взять было негде. Население беспокоилось. Чтобы выйти из такого тупика решили кирпич делать самим.

Было избрано правление: Тимофей Семенович Зеленин, Александр Иванович Губин (уже умер), Николай Григорьевич Зеленин (расстрелян белыми) и Иван Петрович Зеленин (*автор*

«Истории села Усть-Качки» – О.Г.), который вел счетную работу.

Был установлен членский взнос – 5 рублей. И на собранные членские взносы приступили к постройке КИРПИЧНОГО САРАЯ. Место постройки и выработки кирпича было определено возле речки Хмелевочки [34]. Дружно взялось население за работу. В короткое время сарай был выстроен и покрыт соломой. Для резки и обжигания кирпича были приглашены мастера. Под их руководством была сложена обжигательная печь. Несмотря на то, что было потрачено время на строительство сарая, печи, приобретение и устройство всего оборудования в это лето было нарезано и обожжено хорошего, прочного кирпича около 70 тысяч. Население было обеспечено кирпичом полностью. Излишки были проданы нуждающимся соседних деревень.

Быт, нравы и занятия

Все вышеописанные организации говорят за то, что крестьяне Усть-Качки были люди предприимчивые, энергичные и были они развитее своих соседей – крестьян окрестных деревень. Это можно было объяснить тем, что наши деды не были подавлены вековым рабством крепостничества [35].

Занимались Усть-Качкинцы главным образом крестьянством. Но малоземелье заставляло изыскивать ещё побочных средств к существованию. В давнее время многие из крестьян «уезжали в дорогу», то есть уезжали далеко от дома по дальним дорогам возить товары гужевым обозным транспортом. Это было тогда, когда здесь не было железных дорог. А в последние годы в зимнее время работали ломовыми извозчиками в г. Перми.

В то время, когда пароходы имели топливом не нефть, а дрова, Усть-Качкинцы, особенно Одиновляне, занимались рубкой леса на дрова. Рубили помещику, выписывали от помещика и себе. Нарубят, разделают и привозят на ПЛОТБИЩЕ, которое было на берегу Камы против старого кладбища [36]. Пароходы часто останавливались, покупали дрова, а молодежь старалась

подработать на погрузке дров на пароход. Для этого у крестьян имелись специальные носилки. Цена ПЯТЕРИКА [37] была приблизительно 10-12 рублей. Погрузка пятерика с берега на пароход была около 1 рубля.

Живя около реки Камы, очень многие занимались рыболовством. И здесь у наших дедов было тяготение к общественности. Устраивали артельные НЕВОДА [38]. В артель входило человек 10-12. Был также артельно устроен ПАРОМ [39] для перевоза телег, лошадей и скота через Каму.

Даже КАБАК [40] был общественный, который сдавался частным виноторговцам. Вот про какой случай рассказывали старики в связи с кабаком: «Многие из жителей стали увлекаться выпивкой вина, упившись тащили что-либо из домашнего обихода и пропивали, были случаи пьянства и в рабочее время. Не нравилось это старикам, поэтому крестьяне решили кабак больше не сдавать в аренду виноторговцам.

Приехал прежний арендатор кабака, уговаривал крестьян сдать, прибавлял им арендную плату. Уперлись мужики на своем, не дают согласия. Тогда он велит своему «целовальнику» [41] (так назывались прежде приказчики-продавцы вина) принести полведёрка вина [42]. Мужички стали от вина отказываться, говоря, что всё равно не сдадут в аренду кабак. Но арендатор стал просить выпить не как подкуп к сдаче кабака, а как благодарность за прошлые годы и просит не отказаться от его угощения. На это мужички согласились. Выпили полведерка, виноторговец велит еще принести полведерка, говоря, что считает, что де мало отблагодарил мужичков. Когда все подпили, исчезли все препятствия к сдаче кабака прежнему арендатору. Так и было сделано, как хотел виноторговец». Кабак стоял против дома Валентины Петровны Зелениной (Путиловых) на берегу Камы. Берег тогда был большой. После, когда подбило водой яр [43], кабак был перенесён на другое место, рядом с домом Низовцевых. Кабак сдавался в аренду до «винной монополии» [44]. Но вот ликвидируются все частные винные заведения. Винная монополия вступает в свои права. Вместо прикрытого прежнего кабака, рядом с ним в доме Гаврила Алексеевича Низовцева открывается ВИННАЯ ЛАВКА. Торговля вином производится в определенное время, распивать в лавке не разрешается. Пьяным

и малолетним вина не отпускают, никаких вещей, кроме денег, за вино не берут.

На первое время пьянства как бы становится меньше. Но люди, привыкшие выпивать, привыкают к правилам «монопольки» и снова начинают постепенно втягиваться в свою прежнюю привычку, и пьянство по-прежнему пошло среди мужичков, особенно среди молодежи. В борьбе с пьянством Усть-Качкинцы стали ходатайствовать перед соответствующими учреждениями о ЗАКРЫТИИ ВИННОЙ ТОРГОВЛИ в с. Усть-Качка. Просьба была удовлетворена, винная лавка прикрыта. Самая ближняя продажа вина была в деревне Усть-Сыны, в десяти верстах от Усть-Качки. После закрытия «монопольки» пьянство значительно сократилось.

В последние годы в Усть-Качке появляются кустари: кузнецы, пимокаты, портные, овчинники, кожевенники, сапожники и др.

В очень редких случаях Усть-Качкинцы отходили на постоянные посторонние работы, но все же старались жить дома или, по крайней мере, около дома.

Усть-Качкинцы нрава были крутого, сурового; грубоваты, но честны; смелы и не мстительны. Любили выпить и погулять, но выпивали только в праздники, а в рабочее время быть пьяным было зазорно и от соседей неловко. Говорили: «Если хочешь выпить, есть на то праздник». Праздники справляли богато и весело. Были в праздники, хотя и не часто, печальные происшествия, позорившие Усть-Качкинцев, Случались драки, во время которых бывали даже убийства. В памяти сохранилось 3 случая убийств.

Были и такие явления, которые «черным пятном» ложились на жителей Усть-Качки. Был в Усть-Качке молодой парень по прозвищу «Петька Агей», сын Степана Петровича Зеленина (Батанкова). Жил Петька в Перми, занимался воровством, за это сидел в тюрьме. За воровство ему грозила ссылка, но сельское общество пожалело молодого парня, сжалилось над ним и приняло его к себе с условием, чтобы он исправился. Но «горбатого видно могила исправит». Немного пожил дома Петька. Пошел в

город и снова стал воровать. Больше не спросили крестьян. Со-
слали пожизненно в Сибирь.

Примеры честности

Молотьба хлеба раньше была зимой. Молотили в гумнах. Веялок не было. Веяли зерно на ветру в гумне или же вывозили на мельничный пруд. Разгребали снег на льду и провеивали зерно на ветру. Бывала погода безветренная или же со снегом, бурная. Провеивание задерживалось, а намолоченный хлеб в ворохах от каждого дня молотьбы увеличивался. Дни и ночи оставался на гумне ничем не запертым и даже не закрытым. Ворота на гумне не было. Были ворота в гуменник, да их обыкновенно заносило снегом. Стояло все поло (не закрыто). Не было случая, чтобы хлеб из ворохов терялся.

Нарубит крестьянин в лесу дров, сложит их костром [45], да и не увезет, забудет про них. Бывало дрова сгниют, но никто из посторонних не возьмет, разве только поругают: «Нарубил, сгноил и не увез».

Рыбаки наловят рыбы, посадят её в садок, а дверку садка завяжут веревочкой, чтобы рыба хвостом не открыла и не ушла. Так садок и плавает в Каме несколько суток, пока хозяин не продаст или не вынет рыбу из садка. Не было случаев похищения рыбы из садков, а таких садков на Каме было не один, не два, а может быть десяток или больше.

Выстирают бабы свое деревенское белье – рубахи, штаны, юбки, кофты и развешат их на шесты под окнами в улицу сушить, где они висят целыми сутками. И не боятся, что их кто-нибудь похитит, разве зимой снегом занесет.

Пожары

В памяти сохранилось четыре случая пожара Усть-Качки и один пожар деревни Одины. Большею частью пожары произошли от недосмотра за маленькими детьми.

Первый пожар был в 80-х годах прошлого столетия. Пожар был ночью от неизвестной причины. Сгорело три дома – Олешины, Петрунины и Маланины (*прозвища – О.Г.*).

Второй пожар был в 1893 году в мае месяце от недосмотра за малолетними детьми. Сгорело семь дворов. Пожар начался со двора Степана Петровича Зеленина (Батанкова). От него сгорели дома Михаила Захаровича, Ивана Львовича, Григория Гордеевича, Петра Екимовича, Сергея Семеновича Зелениных и Ивана Федоровича Вяткина.

Третий пожар был также от недосмотра за детьми в 1905 году. Сгорело три дома. Первоначально загорелся дом Алексея Семеновича Зеленина, а потом сгорели дома Ивана Алексеевича Зеленина (Степановых) и братьев Ивана Павловича и Василия Павловича Зелениных.

Четвертый пожар был в 1932 году и опять от недосмотра за маленькими детьми. Сгорело семнадцать дворов. Пожар начался в доме Федора Семеновича Губина. Сгорел соседний дом Семёна Матвеевича Губина, а потом ветром перекинуло огонь в улицу и загорелись дома Николая Ивановича Вяткина, Ивана Алексеевича Зеленина (Умного), Николая Семеновича Губина, Григория Ивановича, Ивана Петровича (Ермакова), Ильи Ивановича Сухих, Василия Тимофеевича Зеленина (дьякона), Степана Михайловича, Семёна Ивановича, Дмитрия Григорьевича, Михаила Васильевича, Федосьи Федоровны, Николая Петровича и нежилой дом Петра Адрияновича Зелениных.

В 1917 году в апреле месяце был пожар в деревне Одина от неисправности трубы. Пожар начался у Дмитрия Васильевича и сгорели дома Петра Михайловича, Алексея Филипповича, Петра Яковлевича, Андрея Евлампиевича, Петра Васильевича, Дарьи Прохоровны Зелениных. Ветром огонь перекинуло в другую улицу и сгорели дома Егора Михайловича и Ильи Васильевича Зелениных.

Эпизоды

Жители Усть-Качки привыкли видеть на Каме суда, идущие против течения только на гребях вёслами, под парусами или же

ведомые бурлаками на лямках. Пароходы были в диковинку, они были не усовершенствованы и издавали при ходе сильный шум, стук, грохот, к которым ещё не привыкло ухо зрителя. И когда появлялся на Каме пароход, выбегали на берег смотреть на новое судно [46]. Раз был такой случай во время страды. Жали в Польке [47], услышали какой-то скрип, стук. Кто-то крикнул: «Пароход идет». Все побросали серпы и побежали на берег Камы смотреть пароход. То не пароход шел, а ехал Зенко из лесу с дровами на немазаной телеге со скрипом, а из воза попал в колесо сук и стучал по пальцам (*стицам* – О.Г.).

В прежнее время крестьянские избы освещались лучиной. («Ты гори, догорай моя лучина, догорю с тобой и я...»). И редко, только по праздникам, зажигали в домах свечи. Но вот появилась ЛАМПА. Вот что рассказывает про неё старый портной Петр Исаакович Фофанов: «Прихожу я шить к Федору Петровичу Баламыге, где теперь живет Павел Петрович, и смотрю – на столе стоит особой формы бутылка на какой-то банке, а в бутылке горит огонь, да такой светлый, хоть под порогом деньги считай. Я спросил, что это за штука? Мне сказали, что это лампа, и горит в ней земляное масло, называется оно керосином. Меня очень удивляло, что свет в лампе можно держать какой хочешь. Весь вечер я просидел у лампы, любовался ею, то прибавлял, то убавлял свет. И наконец вздумал плюнуть на стекло, думал, что слюна на стекле зашипит, но хозяин вовремя заметил и меня предупредил, что стекло лопнуть может».

Лет сто тому назад к Усть-Качке были приписаны несколько семейств ЦЫГАН [48]. Населению было поставлено в обязанность следить за ними, чтобы они не уехали опять кочевать. Им был дан земельный надел за речкой Осиновкой, который и до сих пор называется «цыганским». Цыгане должны были его обрабатывать и огораживать. Вот что рассказывал мой дед: «Раз я иду мимо цыганского поля, вижу – цыган городит огород и острит у кола не комель, а вершину. Спрашиваю, зачем он острит вершину? Цыган отвечает, ходче в землю идет». Несмотря на охрану, цыгане сумели ночью со всем своим скарбом скрыться из Усть-Качки. Жили они, где теперь живет Степан Петрович Зеленин.

Занимаясь хлебопашеством, крестьяне дорожили навозом, который являлся единственным удобрением, а потому старались скота держать больше. Когда рождались телята, смотря по корму пускали на племя, а лишних резали, снимали шкуру, а мясо бросали, считали его поганым. По их мнению можно было есть мясо только с известного возраста. С низов приехал в Усть-Качку и остановился жить Низовцев, дед нынешних Низовцевых. Он узнал, что жители мясо молодых телят не едят, а бросают. Он предложил услуги: заколоть теленка, оснимать, шкуру возвратить хозяину, а мясо отдать ему. Крестьяне охотно отдавали резать Низовцеву телят. Он оснимывал, шкуру возвращал, а мясо брал себе и ел. За это население относилось к нему брезгливо. Говорили: «Ну и срамец же этот Низовцев, поганых телят сопёт [49]».

Наши деды при распределении чего-либо между собой не прибегали к весам или другой какой-либо мере, а делили на глаз. Вот примеры.

Рыбаки ловят рыбу неводом. Проходит день. Настаёт время дележа рыбы. Всю рыбу сортируют и раскладывают её на столько куч, сколько пайщиков этой рыбы. Обыкновенно 10-12 человек. Причём все пайщики-рыбаки участвуют в разложении куч-паёв. Стараются, чтобы пайи были равны. Во избежание пристрастия и обиды при дележе делают так. Одному из рыбаков завязывают глаза или отводят его от разложенной на пайи рыбы, ставят задом к ней – делают так, чтобы он не мог видеть, что будут делать далее. Молча к каждой куче-пайку рыбы кладут какой-либо предмет, например гальку, щепку, палку, бересто и т.д. Когда будет все готово спрашивают СЛЕПУНА (так назывался человек с завязанными глазами): «Галька кому? Бересто кому? и т.д.». Слепун называет одного из членов артели. После чего каждый брал свой пай сказанный слепуном.

Также было и с общими покосами. Часто несколько жителей, 10–12, получают от общества пласт арендного покоса и не делят его, а косят и гребут совместно. Такие покосы обыкновенно назывались – ОБЩИНОЙ. Когда сено сгребено, его делят на копны по числу пайщиков покоса. Причем также стараются

копнить, чтобы копны были одинаковы. Когда все готово, делят так же, как и рыбу. Такой дележь назывался СЛЕПОВАТЬ.

Примеры смелости и отважности

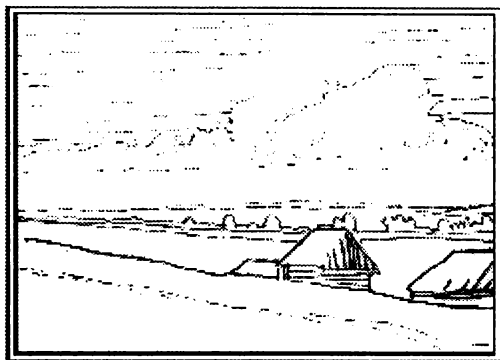
Рассказ крестьянина Петра Алексеевича Зеленина про свой переезд через Каму: «Весна, тает. Лед на Каме еще стоит. Воскресенье. День теплый, солнечный. Нам с Андреем Терентьевичем надо было перебраться из-за Камы в Усть-Качку домой. Дорогой думаем – стоит ли лёд? Подъезжаем. Лёд стоит. По случаю воскресенья на берегу Камы в Усть-Качке народу много. Спустились на Каму, едем по дороге. Смотрим, люди стоящие на берегу что-то машут руками, шапками, платками, слышим крик. Ничего не понимаем. Пожар? Не видно дыму. Драка? Люди стоят спокойно. Только кричат и машут как будто нам. Останавливаемся. И тогда только поняли по движущимся в деревне предметам, что мы плывем на оторванной льдине. Я кричу товарищу: «Кама идет! Мы плывём!». Я стал на ноги. Смотрю, а предо мной на дороге трещина с пол-аршина! Я крикнул на лошадь и ударил её кнутом. Видно и лошадь поняла беду. Живо перемахнула через трещину и быстро понеслась беспрекословно повинаясь моему управлению. Слышу крик с берега: «За Качку поезжайте, за Качку!». Вижу – льдина, по которой мы едем, упирается в берег за Качкой. Я направил лошадь к этому месту. Не отставая ехал за мной и мой товарищ Андрей Терентьевич. Благополучно выбрались на бичеву [50] за Качкой и поехали через мельницу домой».

Так же весной перед самым ледоходом уехал за Каму крестьянин Алексей Иванович Зеленин да там и задержался. Когда, возвращаясь, подъехал к Каме, то на Каме часть льда оторвалась и уплыла по течению вниз, а оставшийся лед стоял. Ехать по нему без дороги на лошади опасно. Можно обломиться, и тогда лошадь уже не спасти. Ждать, когда лед пройдет, долго. Алексей Иванович берет повод лошади, подвязывает к шее, уводит лошадь в воду, понуждает, направляя через Каму к берегу Усть-

Качки. Сам берет лёгкую жердь подмышку и идёт через Каму по льдине, а лошадь плывёт по воде. Так оба благополучно перебрались на свой берег.

Осень. На Каме ледостав. Льдины во всю Каму. Вот-вот встанет. Приезжает в отпуск из военной службы молодой человек, житель Усть-Качки, крестьянин Михаил Елисеевич. Слез с железной дороги [51] и пришёл на Закамский берег. Как попасть домой в Усть-Качку? Давно не был. Ехать через Пермь? Далеко. Ждать, когда Кама встанет? Долго. Постоял, подумал. Нашёл лёгких шестиков пару. Подождал плывущую льдину побольше, которая упиралась бы в шорох [52] усть-качкинского берега. Спустился на шорох, с шороха на плывущую льдину. Осторожно, скорым шагом с шестами подмышками благополучно перебежал всю льдину, с льдины на шорох своего берега. Так не помешал осенний ледоход молодому парню перебраться домой.

Привел пароход в Усть-Качку баржу для погрузки дров. Были выстроены мостки. Население, большей частью из молодёжи, грузили дрова, носили на носилках. И вот одна девушка, Пелагея Петровна Вяткина, отворачивая от носильщиков, оступилась и упала в воду. Вода была большая, половодье, место глубокое, течение быстрое, а она плавать не умела. Увидел это молодой человек – Евстафий Савинович Зеленин, не раздумывая долго, бросился с баржи в воду, схватил тонущую девушку за волосы и вытащил на берег. Девушка спасена!

Шетрадь вторая

Апрель 1951 года

Фамилии и прозвища

Усть-Качкинцы, будучи государственными крестьянами, до отмены крепостного права могли брать себе в жёны или мужья из соседних помещичьих деревень только с разрешения помещика с уплатой стоимости ВЫКУПА. Был единственный случай, когда усть-качкинский крестьянин Иван Михайлович Зеленин (дедушка Василия Тимофеевича Зеленина – конторщика) выкупил себе в жены из помещичьей деревни Вятские [53] крестьянскую девушку Евдокию Алексеевну, заплатив за неё выкуп помещику 30 рублей. Будучи замужем, она часто в своих разговорах с гордостью рассказывала, что она «выкупная».

Ввиду таких затруднений жители Усть-Качки женились на своих же усть-качкинских девушках, поэтому все жители были перепутаны родством по линии отца или матери. Посторонние фамилии в население не проникали, а были все Зеленины за редким исключением.

В 1890 году из 65 дворов Зелениных было 55 дворов и только 10 дворов было других фамилий, а именно: Сосниных 3 двора, Губиных 3 двора, Вяткиных 2 двора, Путиловых 1 двор и Низовцевых 1 двор.

Наши деды носили имена самые простые, по произношению лёгкие, народные: Василий, Алексей, Степан, Михаил и им по-

добные. Чаще всех встречалось имя Иван. Не только Иван, а Иван да ещё Иванович.

Привожу примеры за время 1895-1905 годы только совершеннолетних одной фамилии Зеленины.

1. Иван Иванович Батанков – прозвище.
2. Иван Иванович Петрунечкин – прозвище.
3. Иван Иванович Шлюха (старший) – прозвище.
4. Иван Иванович Шлюха (младший) – прозвище.
5. Иван Иванович (Ивана Львовича).
6. Иван Иванович (Ивана Сергеевича).

1. Иван Петрович Батанков – прозвище.
2. Иван Петрович Петрунин – прозвище.
3. Иван Петрович Олешин – прозвище.
4. Иван Петрович Петрунечкин – прозвище.
5. Иван Петрович Баламыга – прозвище.

1. Иван Алексеевич Мишагин – прозвище.
2. Иван Алексеевич Олекин-Харин – прозвище.
3. Иван Алексеевич Степановых – прозвище.
4. Иван Алексеевич Исакович – прозвище.

Имея одинаковое имя, отчество и фамилию надо было дать каждому какое-либо отличие. А потому к фамилии обыкновенно прибавляли ещё и прозвище – прозвание. В виду этого почти каждый род имел свое «прозвание – прозвище» [54]: Баламыгины, Батанковы, Маланины, Князевы, Петрунечкины, Мишагины, Устинины, Харины и другие.

Брак и свадебные обряды

После отмены крепостного права можно было брать себе в жены без всякого выкупа во всех прежних помещичьих деревнях.

Мужчины, достигшие возраста, женились, так как при крестьянстве неженатому жить было трудно.

Брак в жизни человека – дело большой важности, он налагал пожизненные семейные узы. По поводу брака много поговорок: «Женишься не на год, а на век», «Жена не лапоть, с ноги не сбросишь», «Самый немудрый, худенький поп повенчает, а самому хорошему не развенчать». Брачные разводы были исключительно редки. Разводить имел право только церковный Синод, находившийся в Петербурге. В памяти сохранился единственный развод крестьянина Василия Ивановича Зеленина с его женой Аграфеной Ивановной. Ходатайство его продолжалось около 10 лет. Поэтому к браку относились очень серьёзно и весьма своеобразно.

«Осторожнее жениться, ведь жена не рукавица, с белой ручки не стряхнешь и за пояс не заткнешь».

В прежние-давние времена задумают родители женить сына – соберут близкую родню и ведут совет: кого сватать, где лучшие девушки-невесты. По мнению многих крестьян лучше всех знали невест попы да нищие. Поп часто бывал по своему приходу, знал семейства крестьян и их детей. Нищие, ходя по сбору, слышали отзывы о молодых людях, женихах и невестах, а потому часто обращались к ним с разными расспросами, а к попам за советом.

Ценились невесты сильные, хорошие работницы [55]. Много внимания уделялось приданому невесты, а у жениха - зажиточности. С летами (возрастом) невесты и жениха, а также с их согласием считались мало, часто и совсем не считались. Нередки случаи были прежде, когда жена была старше своего мужа лет на 5–10.

Вот что рассказывал про свою женитьбу крестьянин Василий Алексеевич Зеленин (Баламыга): «Мне было 22 года. Ездил я в «дорогу». Уехали мы далеко за Екатеринбург. Возвратились домой после «Крещенья». По приезде, за чайным столом отец мне говорит: «Хорошо приехал, мы тебя уже давно поджидаем. Надо». Я спрашиваю: «Зачем я дома нужен?» В это время подходит мать с полотенцем и говорит: «Вот тебе «дары» от невесты». Далее мне объясняют, что за меня высватали невесту в деревне Азановой у «Тимы Азана», Ксенью. По разговору, тону и

взгляду я понял, что какие бы то ни было возражения напрасны, бесполезны».

Второй рассказ о своей женитьбе Михаила Прокопьевича Губина: «Была зима. Шло большое промежовенье (мясоед) [56]. Вечером я лёг на полати [57] «сумерничать». Отец с матерью лежали на печи [58]. Слышу, ведут между собой тихий разговор. Улавливаю слова матери: «Ну, что тебе сказали?» Отец отвечает: «Велели приехать в четверг. Тогда и руку дадут». Я догадался, что речь идёт о моей женитьбе, но спросить не посмел. Приходит четверг. Отец велит запрячь лошадь в «корзинку» [59]. Запрягаю, отворяю ему ворота, а когда он выехал, смотрю в которую сторону уехал свататься. Снова вечером я на полатах, а родители опять на печи. Прислушиваюсь внимательно. Слышу отец говорит матери: «Ну вот, сегодня и руку дали». Тогда я не мог сдержаться, спрашиваю, про кого они говорят. Мать отвечает: «Не век же тебе холостому быть, надо, чтобы кто-нибудь мне помогал. Тебя женить будем». Спрашиваю: «На ком?» Отец отвечает: «За горой у Прони Турая дочь Олёну высватал» [60]. В жизни её не видал, также и она меня. В первый раз я её увидал в просватанье, когда из-за навесы вывела её подружка-девушка. Я и тут не понял, которая из них невеста, но она была находчивее меня, протянула мне платок и стала рядом со мной. Я тогда только взглянул на неё и подумал, что это и есть моя будущая жена, с которой должен жить весь свой век».

Ещё один рассказ Александры Львовны Зелениной о том, как женился её брат Петр Львович. «Моему отцу, Льву Романовичу» – рассказывала Александра Львовна, – «нравилась в Замельнице молодая невестка Губиных, Татьяна Марковна. Высокая, здоровая, красивая, свёкру и свекрови покорная. А у Татьяны Марковны была ещё сестра-девушка Анна Марковна, которая жила у отца Марка Александровича в деревне Кухрята [61] за Камой». Время пришло Льву Романовичу сына, Петра Львовича, женить. Вот он и решил взять в жёны сыну Анну Марковну. Поехал Лев Романович за Каму в Кухрята к Марку Александровичу. Невеста понравилась. Стал сватать. Получил согласие. Был установлен день просватанья. Марк Александрович беспокоился, что жених не видел невесты: «А вдруг приедете на про-

сватанье, а он да и откажется. Позор! Неприятность!» Лев Романович его утешил и сказал: «Если мы приедем на просватанье и мой сын заартачится, бери, Марк Александрович, моего коня, на котором приедем, а мы в наказание пешком домой пойдём». Пришёл день просватанья. Лев Романович с женихом, с семейными: замужней дочерью Александрой Львовной (рассказчицей), её мужем Иваном Фёдоровичем, Губиной Татьяной Марковной (сестрой невесты) и её мужем Александром Ивановичем поехали к невесте в Кухрята на просватанье. Дорогой Иван Фёдорович спрашивает жениха, видал ли он невесту. Пётр Львович отвечает, что невесты не знает, не видал. «Как же ты думаешь, если она тебе не понравится?» – спрашивает Иван Фёдорович. «Если не понравится» – говорит жених, «у меня ведь ноги есть, дорогу домой знаю, шапку в охапку да и домой». Это услышал его отец, Лев Романович, и сказал: «Только не домой». Достаточно было этих двух слов. В них было слышно всё: непреклонная воля, решимость и бесповоротность. Говорить было не о чем. Всё понятно.

Приехали в Кухрята. Вечер. Темно, и в доме Марка Александровича огня ни в одном окне. Подошли к воротам – и ворота на затворе. Были удивлены. Уехать, не узнавши в чём дело, неловко. Остановились. Татьяна Марковна, как дочь Марка Александровича, стала стучать. Сразу появился свет во всех окнах. Выходят из избы. Растворяют ворота. Приветливо встречают, проводят в избу. В избе всё прибрано по-праздничному. Сообщают, что к приёму жениха и дорогих гостей всё готово. Поступили же так потому, что думали – могло всё случиться, так как жених не видал невесты. Немедленно была созвана родня невесты, девушки и «просватанье» началось. Варили пельмени, угощались, девушки пели песни. Всё прошло хорошо и весело. Когда возвращались домой, спросили жениха: «Как понравилась невеста?» Он отвечал: «Невеста понравилась. Приветливая, разговорная, только кофточка очень длинна».

Все пары в приведённых примерах в супружеской жизни были счастливы.

Свадьбы справляли богато, торжественно, весело. После сватовства соглашение закреплялось старинной традицией: за-

жигали перед иконами свечи, молились Богу. Родители друг другу «давали руку», а также давали руку и жених с невестой. Дали руку – значит официально дали согласие на брак. После этого обсуждалось – когда и как справлять свадьбу.

Назначался день ПРОСВАТАНЬЯ, который был официальным актом перед всей роднёй о том, что означенные молодые люди помолвлены и с этого дня называли их официально жених и невеста перед общественностью. Просватанье всегда было у родителей невесты. Сюда приходил жених со своими родителями и близкими родственниками. Созывались родственники невесты, подружки невесты, девушки. Готовили для угощения всегда пельмени, а со стороны жениха угощали вином. К столу, к гостям и к жениху невеста выводилась девушкой – близкой подружкой. Во время стола девушки пели величальные песни жениху, невесте и гостям. После стола были игры. Приглашённые на просватанье девушки оставались у невесты до свадьбы. Шили невесте приданое. Днём шьют, а вечером приходили молодые люди, обыкновенно с гармошкой, играли, танцевали [62]. Это называли ДЕВИШНИКОМ. Во время девишника, в условленный день, приходил к невесте жених со своими близкими товарищами, приносил ГОСТИНЦЫ, обыкновенно орехи, конфеты, пряники. Угощались все. Невеста угощала жениха, молодых людей и девушек чаем. После угощения были также игры, в которых чинно и степенно участвовали и жених с невестой.

Накануне свадьбы вечером к невесте приезжал или приходил жених с родителями и близкими родственниками на ОБРУЧЕНИЕ. Рассаживались в таком порядке: садились на «мужскую лавку», которая шла от порога к переднему углу, первым – жених, возле жениха его отец, далее мужчины из гостей жениха и невесты. На «женскую лавку», которая шла от переднего угла к печи – на середь [63], впереди, оставив свободное место возле жениха для невесты, садилась мать жениха, затем женщины из гостей жениха и невесты. Когда всё было готово из-за занавесы крёстная [64] выводила невесту и вручала её жениху. При этом все вставали, крестились. Жених подводил невесту к приготовленному для неё месту рядом с собой. Зажигали свечи перед иконами, молились Богу. Жених испрашивал у ро-

дителей невесты благословения ДЛЯ ОТКРЫТИЯ СТОЛА. Родители благословляли. Начиналась процессия, которая называлась ПОДХОДИТЬ К ВИНУ [65]. Жених брал вино, наливал рюмки, которые стояли на подносе. Поднос держала невеста. Подходили попарно, обыкновенно муж с женой, одиночки с кем-либо парой или по одному, брали рюмки, пили за здоровье жениха и невесты. Первыми подходили родители невесты, затем по очереди, установленной родителями невесты. После вина начинался СТОЛ. Первым кушаньем был рыбный пирог, затем жаркое, холодное, пирожное [66]. Во время столования девушки пели величальные песни жениху и невесте, родителям жениха и другим гостям. После стола жених, простившись с родными невесты, уходил со своим родителями и родственниками домой. Невеста провожала жениха до ворот ограды. В это время девушки старались принести в избу приготовленную ржаную солому, чтобы невеста, воротясь с прощания с женихом, не ступила ногой на голый пол. Принесённую солому расстилали по всему полу. Начиналась игра и возня молодых парней с девушками, это называлось СОЛОМУ МЯТЬ. После игры невеста садилась в передний угол, где ей обыкновенно была приготовлена постель. Вокруг неё садились девушки и начиналось ВЫТЬЁ [67]. Пелась заунывная, прощальная с девичьим житьём под отцовским кровом, песня. В это время невеста свою косу завивала вокруг одной руки и крепко держала, а другой рукой держалась за стол, за которым сидела. В песне пелось про девичье беззаботное житьё, была просьба к родителям не отдавать её в чужую семью, не отказывать ей от родительского крова. В знак отказа от родительского крова отец от дочери отодвигал стол, а девушки отнимали и расплетали косу. Невеста при пении прощальных слов песни падала на шею отца, а потом матери, братьев, сестёр, прощалась с ними и девичьим житьём. Смотришь на этот обычай и невольно роняешь слёзы, поэтому и называлось расплетение косы вытьём. После вытья никаких игр не бывало. Невеста с расплетенной косой ложилась спать.

ДЕНЬ СВАДЬБЫ. У жениха и невесты идут приготовления к угощению гостей. У жениха собирается-формируется ПОЕЗД, который поедет к невесте столовать, а потом в церковь венчаться. Поезд состоял из следующих лиц: самое почётное место за-

нимал ТЫСЯЦКИЙ, обыкновенно крёстный жениха, из женщин – СВАХА, крёстная жениха, а далее были и другие две-три свахи. После тысяцкого из мужчин были два человека – БОЛЬШИЕ БОЯРА. Если гостей у жениха было много, то и МАЛЫЕ БОЯРА, тоже двое. Затем, большей частью молодые люди, ДРУЖКИ. Их, смотря по количеству гостей, бывало двое или четверо. Тысяцкий был главный администратор поезда, он отдавал распоряжения. Дружки следили за исправностью и готовностью всего. Все движения дружки сопровождались ДРУЖЕНЬЕМ – особыми заученными приговорами под рифму. Вот поезд готов. Садятся за стол в таком порядке: на мужской лавке в переднем углу жених, рядом тысяцкий, большие и малые бояра, на скамьях дружки. На женской лавке рядом с женихом сваха, далее другие свахи. Налегке закусывают, чтобы встать и выехать из-за хлеба-соли. Посылают дружек к невесте, узнать – готовы ли к приёму поезда, а также приготовить места для жениха и его приезжих гостей. К приезду дружек гости невесты занимают все места за столом. Когда дружки приезжают, свободных мест нет и они ВЫКУПАЮТ МЕСТА, угощая вином сидящих за столом гостей невесты. После угощения гости встают и освобождают места для поезда жениха. Девушки приносят ленточки и прикалывают их к плечам дружек. Дружки одаривают девушек за ленточки и со значками-ленточками возвращаются обратно к жениху. Гости, поезд жениха, вставши из-за хлеба-соли и помолившись Богу, одеваются в путь. Жених, поклонившись в ноги своим родителям, затем крёстному и крёстной, благословляется венчальными иконами Спасителя и Божьей Матери поочерёдно всеми. Поезд для поездки к невесте готов. Едут в следующем порядке: впереди дружки. В их повозке у лошади поддужные колокольчики и бубенчики. За ними бояре с венчальными иконами, потом жених с тысяцким, затем сваха – крёстная жениха и другие свахи. Приезжают к невесте, раздеваются и садятся на выкупленные дружками места в таком же порядке, как сидели за столом жениха. При этом рядом с женихом остаётся свободное место для невесты. Готовят – одевают невесту. Дружка вынимает из привезённого сундука зеркало, на зеркало ставит ботинки, кладёт гребень и мыло, с приговорами-

друженьем идёт за занавесу. Всё готово. Родители и крёстная благословляют невесту привезёнными боярами венчальными иконами. Невеста перед получением благословения кланяется в ноги родителям и крёстной. Распахивается занавес. Торжественно, с благословением, отец выводит невесту к поезду жениха. Все встают. Зажигают перед иконами свечи, молятся. Жених отводит невесту на приготовленное место рядом с собой. Дружка испрашивает благословения у родителей невесты ХЛЕБ-СОЛЬ НАЧАЛОВАТЬ. Родители благословляют. Начинается столование. Первым всегда подается рыбный пирог, затем холодные, жаркие, пирожные. Все кушают, кроме жениха с невестой, перед которыми, как и перед всеми лежит хлеб и столовые приборы. Они готовятся к великому таинству: ВЕНЧАНИЮ, во время которого им будет приготовлена общая чаша blessed вина, и перед которым они воздерживаются от всяких яств, хотя бы принять её на голодный в знак готовности принять общую чашу своей супружеской, чистой, приятной и лёгкой жизни. Во время стола девушки поют величальные песни жениху, невесте, тысяцкому, боярам и дружкам, на которых лежит обязанность поддерживать весёлое настроение гостей. Гости дарят девушек за песни деньгами. По окончании стола все встают, молятся, а жених с невестой, кланяясь в ноги родителям, совместно склонив головы, получают благословение венчальными иконами. Поезд отправляется в церковь К ВЕНЦУ. Невеста едет со своей свахой – крёстной позади жениха. Когда молодые уезжают к венцу, в это время привозят к жениху ПРИДАНОЕ и, обязательно, постель [68]. От венца возвращаются в дом отца молодого, теперь уже не жениха, а мужа. Здесь их родители встречают хлебом-солью. Дают им обоим трижды откусить этого хлеба, благословляют привезёнными венчальными иконами. Потом, по старинному обычаю, молодую ОКРУЧИВАЛИ – заплетали распущенные волосы на две косы и надевали головной убор: шамшуру, кокошник, наклку или платок. Начинается свадебный стол после венца. Вначале ПОДХОДЯТ К ВИНУ, как и в обручение, поздравляя новобрачных с ЗАКОННЫМ БРАКОМ. После вина столуют. Вечером, после столования, свахи устраивают молодым ПОДКЛЕД - постель, где-либо в клети или в отдельной комнате. В головы ста-

вили кадку с зерном пшеницы [69], что б молодые жили сыто и в довольстве. Когда молодые раздевались, молодушка должна была разуть своего мужа, снять с него сапоги. Молодой, обуваясь к венцу, клал в сапоги деньги. Молодушка, разув молодого, вытряхивала деньги и брала себе.

Свадебный пир продолжался обыкновенно три дня. Второй день празднования называли БОЛЬШОЙ СТОЛ. Приезжали родители невесты со своими родственниками. Молодые встречали родителей невесты, приветствуя земным поклоном, испрашивая их родительского благословения на супружескую жизнь. Родители благословляли и высказывали молодым пожелания. Начиналось угощение, празднование большого стола.

Третий день празднования называли ПИРОЖНЫЙ СТОЛ. Этот день был последним днём пира. Молодая всю родню молодого мужа одаривала подарками – ДАРАМИ, сшитыми на девишнике девушками. Дары были обыкновенно из своего вытканного холста, пестряди, холстинки (холстинка – очень тонкий, в клеточку или в полоску холст). Рубашки мужские и женские, пестреные штаны, полотенца. В последнее время дарили покупные платки. Получив дары, гости надевали подарки на себя и на лошадях в праздничной упряжи – на дугах ленты, колокольчики и бубенцы, распевая песни, катались по деревне. Многие из гостей рядились скоморохами и ходили по дворам. Вечером был последний стол. После угощения гости разъезжались по домам.

Год крестьянина

Весной, как сойдет снег и согреется земля, начинался весенний сев. В первую очередь сеяли горох. После гороха начинали сеять и другие яровые культуры. Сев обыкновенно бывал около 1–15 мая по старому стилю. 9 мая был местный праздник – «Николин день». Вошло в поговорку: «Николу севом не объедешь, или в начале, или в конце заденешь». После «Николы» садили в огороде овощи: картофель, морковь, свёклу, репу, капусту, огурцы. Картофелю уделяли мало внимания,

больше ухаживали за капустой. Репы садили много, даже сеяли её на поля – не для скота, а для стола. Загораживали отдельные земельные участки, которые называли РЕПИЩА. Больше других овощей запасали на зиму репы. Устраивали зимние хранилища, которые назывались «репная яма». В репную яму ссыпали на зиму и другие овощи.

В конце сева яровых сеяли ЛЁН, который старались сеять на новом месте – НАВИНЕ.

Обработка земли была трудна. В прежнее-давнее время СОХИ все были деревянные. Железа было мало, да и было оно дорого. Оковывали у сохи только наконечники – РАСОХУ [70]. Повой, который придерживал рассоху и подтягивал к оглоблям, был не железный, а верёвочный. Этим верёвочным повоем регулировалась глубина вспашки. Надо глубже пахать - повой делают послабее, надо мельче - подовьют, скрутят. Для укрепления сохи были кругом вколочены клинья. При пахоте рассоха не шла ровно, а «дрыгала». Нужны были крепкие руки, чтобы держать правильно соху «за рогаль». Многие для облегчения рук привяжут к рогалю верёвку, чаще всего опояску, да и наденут её на шею. Идёт пахарь за сохой, держит её шеей да руками. Пашня была неровная, скорее изрытая, чем вспаханная.

Позже появились сохи, почему-то названные КУРАШИМКИ [71], с железными САБАНАМИ [72]. Они при пахоте шли ровно, не «дрыгали», управлять ими было легко. Как понравились эти новые сохи! Пахари говорили: «Нынче пахота – игрушка, паши больше охоты». С появлением новых сох-курашимок земля стала обрабатываться лучше. Урожай значительно повысился.

После весеннего сева мужчины поправляли изгороди, ПАХАЛИ ПАРЫ, вывозили на поля навоз, хотя в Усть-Качке предпочитали возить навоз по санному пути, РУБИЛИ (ГОТОВИЛИ) ДРОВА. У заботливого хозяина работы хватало.

Женщины в это время возились с кроснами. Ещё в марте месяце готовили к основе пряжу. Делали особые КВАСИЛА – сыворотка с гущей и квасным мелом. Квасили моты пряжи, после сушили их на солнце, отчего пряжа становилась более белой, нежной. Готовую выбеленную пряжу наматывали на ТЮРИКИ [73] и носили на сновалку. Основывали на нужную

для вида ткани – холста, полотна, скатерти ОСНОВУ [74]. Потом устанавливали ткацкий станок – КРОСНА [75]. Подготовив всё, ткали. К страде [76] – сенокосу, хозяйкам надо было приготовить всё нужное: холста для рубах, пестряди для штанов, полотенцев-рукотерок для домашнего обихода; мешки, полога для хозяйства, портянок для обуви. Да и половики нужны будут.

Натканые холсты ещё надо было выбелить, а то они грубы. Холсты несколько раз мочили, колотили их палками, расстилали на чистую полянку, где больше солнца. От солнечного света холсты становились белее. Потом их синили и шили из них рубахи и штаны. Последнее время холсты окрашивали в красный и другие цвета.

Женщинам до начала страды работы много. Надо в огороде поспеть – выполоть, полить. Надо с кроснами управиться. Кроме того за скотиной уход – коров подоить, на волю и с воли пригнать. А там ещё мелкий скот – телята, овцы, свиньи, за ними уход, да ещё куры с цыплятами – и тут нужен дозор. Да надо что-то из белья сшить, в страду будет не до того. За работой и хлопотами время незаметно проходит. Вот уж и «Петров день» (29 июня по старому стилю). Крестьяне собирают кое-что продать, больше всего из молочных продуктов накопленных за пост, едут в Пермь. В этот день в городе «Петровская ярмарка». Продают привезённое, покупают косы, серпы, точила, топоры и кое-что из съестного: чаю, сахару, крупы – на страду.

С 8 июля, «Прокопьева дня», начинается СТРАДА – сенокос. Впоследствии стали начинать с «Петрова дня». Косили наши деда КОСОЙ-ГОРБУШЕЙ [77]. Косить было трудно, нагибаться нужно было низко. Косьба была гораздо труднее жатвы. В 80-90-х годах появляются КОСЫ-ЛИТОВКИ [78], которые быстро распространяются и вытесняют косы-горбуши.

С 20 июля – «Ильина дня» начинался покос в Камских лугах. До этого косили свои наделы, придворные покосы. Во время сенокоса в Камских лугах приезжало много из соседних деревень. Старались одеться в праздничную одежду. Весь Камский луг «кишел» народом. К «первому Спасу» (1 августа по старому стилю) при хорошей погоде луга очищались. Работа на сенокосе заканчивалась.

Настаёт ЖАТВА. Жнут рожь. Надо было тут же приготовить семян для посева «озимового» и после 1-го августа старого стиля в хорошую погоду в поле видны расчищенные молотильные ТОКА [79]. Это молотят рожь на семена. Семена готовы. Со «среднего Спаса» (6-го августа старого стиля) начинается СЕВ ОЗИМОВОГО.

После ржи жнут ЯРОВОЕ. Особенно было трудно жать ЯЧМЕНЬ. Раньше он был простой – четырёхгранный, солома была хрупкая. Если его просмотришь и дашь ему перестоять, ячмень сильно крошится. Когда приходила пора жатвы ячменя, оставляли всякую работу. Жали ячмень, чтобы не опоздать, не окрошить. Бывали случаи, что в жар нельзя было его жать – сильно крошился. Тогда жали его по росе – рано утром или поздно вечером. Ячмень вошёл в поговорку. Если кто-либо куда торопился, говорили: «Чего торопишься, ведь не ячмень ломится».

Закончено ЖНИТВО. Сжатый хлеб при хорошей сухой погоде складывают в КЛАДЬ – скирдуют. Сложенные клады огораживают ОСТОЖЬЕМ. Когда всё заскирдовано, огорожено, пускали в поля скот.

Одновременно с уборкой хлеба на полях убирали и ЛЁН. Рвали, снопы вешали на ВЕШАЛА – сушить. Когда лён просыхал, семя околачивали. Осенью, когда пойдут ИНЬИ, расстилали лён рядами на покосных полянах, где не ходил скот. Лён лежал до тех пор, пока от стебля не будут легко сходить волокна. Потом его собирали, сушили в чёрных банях, МЯЛИ в специально для этого сделанных МЯЛКАХ, отделяя волокна льна от КОСТРИГИ. После уборки овощей крестьянки занимались дальнейшей обработкой льна. Горсти измятого льна ТРЕПАЛИ, ЧЕСАЛИ, ПАЧЕСАЛИ. Получались сорта КУДЕЛИ: ОТРЕПИ – самый худший, последний сорт, ИЗГРЕБИ – низший сорт, ПАЧЕСИ – средний сорт и, наконец, самый лучший сорт – ВОЛОКНО. Многие из хозяек устраивали ПОМОЧИ обделявать лён: трепать, чесать. Для этого созывали соседок. Днём поработают, вечером после угощения погуляют. Такие помочи назывались КОПОТИХОЙ. Когда куделя была обработана, женщины всю зиму занимались прядением. Пряли ВЕРЕТЕНОМ на ПРЕСНИЦЕ или на станке, который называли ПРЯХОЙ [80].

Напряжённые нитки наматывали на ТАЛЫКУ или МОТОВИЛО. Снимали – получался МОТ, от слова мотать, наматывать. Каждые намотанные 3 нити называли ЧИСМЕНКОЙ. Тридцать чисменок составляли ПАСМО. Мот обыкновенно состоял из 10 пасом. Каждое пасмо в моте было отделено завязкой. Такой счёт был нужен для определения ОСНОВЫ и вычисления потребности в пряже на нужный холст. Вся обработка кудели, пряжа, установка кросен, ткань лежала на обязанности женщин.

Мужчины после полевых работ ходили в лес, рубили дрова и как только выпадал снег, по первому санному пути старались измолотить 2–3 ОДНОРЯДКИ хлеба. Однорядкой считали ПОСАДКУ в ОВИН [81], в который уходило ржи около 10 БАБОК, ярового около 30 бабок [82]. Надо было на первое время запастись хлебом и кормом для скота. Когда санный путь устанавливался, старались вывозить навоз из дворов, чтобы не замёрз, а потом и из конюшен. Часто для вывозки навоза устраивали помочи. После работы на помочи, вечером, угощались и гуляли. После вывозки навоза, пока снег еще не глубокий, нужно было увезти из лесу дрова. Затем следовала возка сена с покосов. Потом опять молотба. Сушить зерно, смолоть на мельнице на муку, съездить с продажей в город. В такой работе проходила вся зима. Заботливый хозяин всегда находил работу по хозяйству. Есть пословица: «Дом не велик, да спать не велит». Одна работа кончается, другая уже ждёт. Так и идёт круглый год.

Праздники

Неделя вся проходила в работе. В воскресенье для всех был ОТДЫХ. Несмотря ни на какую нужную работу, зимой и летом, и в страду крестьяне в воскресенье не работали – отдыхали. Так же праздновали и свои местные праздники. Каждое поселение устанавливало само свои МЕСТНЫЕ праздники. В году было 2–4 таких праздника. В Усть-Качке было 4 местных праздника: Николин день – 9 мая, Александров день – 30 августа, Казанская – 22 октября, Трёх святых – 30 января (даты указаны по старому стилю). Местными они назывались потому, что праздновались

только в данной местности. К местным праздникам приезжали гости – родственники и близко знакомые из соседних деревень. Хозяева готовились к этим праздникам, принимали и угощали приезжих гостей. Праздник длился 2-3 дня. Усть-Качкинцы взаимно отгащивали у своих родственников и знакомых в их местные праздники.

С особой торжественностью праздновался праздник ПАСХА. Встретить его старались в чистой избе, а потому к этому дню мыли в помещении всё: потолок, стены и пол. Молодёжь устраивала качели, водила хороводы. Праздновали также ВОЗНЕСЕНИЕ и ТРОИЦУ. В неделю после Троицы бывает заговенье на «Петров пост». По местному его называли ЧЕСНОКОВО ЗАГОВЕНЬЕ. В Камские луга приходила молодёжь из Усть-Качки и соседних деревень: Качки, Хмелёвки, Луговой. Приезжали также из-за Камы и НА ПЕРЕВОЗЕ, так называли место на этом берегу против реки Сюзьвы, водили хороводы. Сбор народу в лугах был большой. Одевались в лучшие наряды. Здесь присматривались и женихи, и невесты.

Вот что рассказывал про этот праздник крестьянин Михаил Филиппович Зеленин: «День этот все ждали с нетерпением. Этот день был единственным, когда собиралось столько молодых парней и девушек. Я был уже женихом. Мне купили синего сукна на «сибирку», борчатку [83]. Очень мне хотелось к этому дню сшить себе такую хорошую обнову. Хотелось пощеголять. Других посмотреть и себя показать. Пришёл портной. Скроил. Сложил, да так и не сшил. Как я был огорчён! Молил Бога, чтоб день был тёплый да жаркий. Вот настает «чесноково заговенье». И действительно день хороший, тихий, какого я ждал. Да ведь сибирку-то показать надо, а она не сшита. Вижу – идёт молодёжь из деревень в одних рубахах, а через плечо несут завязанные в гарусные опояски [84] сложенные сибирки. Увидав это, я, недолго думая, складываю свою несшитую сибирку, завязываю её своей гарусной опояской, беру через плечо и иду с молодёжью в луга. Так и сходил на праздник с несшитой сибиркой».

Чесноковым заговеньем этот день назывался потому, что в этот день заговлялись на Петров пост [85]. Посты наши деды соблюдали строго. К этому времени старых овощей уже не было, а свежие ещё не поспевали. Жители старались на этот пост

запастись чесноком, который обильно рос в Камских лугах в диком состоянии [86]. Ходили в луга его рвать. Принесут домой, нарежут мелко, истолкут, разведут квасом и едят.

Зимой торжественно праздновали праздники – РОЖДЕСТВО и КРЕЩЕНИЕ. Время между этими праздниками называлось «святками». Было принято на святках играть в «жмурки», ходить «ряжеными», «гадать» («Раз в крещенский вечерок девушки гадали...»). После святок наступал «мясоед», который по местному назывался БОЛЬШОЕ ПРОМЕЖГОВЕНЬЕ. Тогда игралось много свадеб. Преимущественно женились в это время.

В конце «мясоеда» праздновалась МАСЛЯНИЦА – народный праздник. Этот праздник обычно начинали праздновать с обеда четверга и продолжался он пятницу, субботу и воскресенье. Устраивались «катушки» [87], катались на лошадях с колокольчиками, бубенчиками и лентами на дуге. Ездили в соседние деревни, а из деревень в свою очередь приезжали сюда. В воскресенье вечером с первым ударом колокола «к вечерне» катание на катушке и лошадях прекращалось [88].

Будничный и праздничный стол

Жители Усть-Качки питались неплохо. В будни хлеб был всегда ржаной, редко ячменный (ясный). В «мясоеды» обед состоял из мясной и молочной пищи. Мясо было не у всех и не всегда. Молочные же продукты были у всех и почти безвыходно, так как каждый домохозяин держал 2-3 коровы. Коз в деревне совсем не было. В большом употреблении было «кислое молоко», особенно летом. Его брали с собой в поле и на сенокос. Также часто варили молочную лапшу, жарили яичницу, готовили капусту с мясом, капусту с яйцом, картофельные и калезные, а иногда и морковные каши. Весной, перед весенним севом ходили на поля собирать песты, попросту – «пестики» [89]. Из них готовили «селянку» [90] и пироги.

С появлением «самоваров» чай быстро привился к Усть-Качкинцам. Каждый день утром, до работы пили «чай». Причём

чай пили всегда натуральный, большей частью «прессованный» или так называемый «кирпичный». Сахару употребляли мало.

До появления самоваров утром ели что-либо горячее. Варили капусту с нарезанной из сочной лапшой. Почему-то это кушанье называли КОЛОБКИ. Заваривали из ячменной муки кашу-заваруху или разогревали вчерашние каши. Варили гороховый кисель. С появлением самоваров всё это заменил чай. Чай ещё тем был хорош, что напившись его утром, днём не так долила жажда. Вечером после работы также ставили самовар. Соседние крестьяне Усть-Качкинцев называли «водохлёбами». Любимым кушаньем населения Усть-Качки были пельмени: в мясоед - мясные, в пост - капустные.

Вот что рассказывала одна старушка-жительница Усть-Качки: «Прежде посуды было мало. Редко было и вилок. Настряпают пельменей. Станут варить. У столешницы на столе один конец приподнимут, подложат под него полено, а под нижний конец поставят ведро. Сваренные пельмени кашиком [91] выкладывают на голую столешницу. Вода стекает в подставленное ведро. А пельмени берут ложкой и едят».

Пельмень – слово пермяцкое. Пель – ухо, нянь – хлеб. Первоначально название было вероятно «пельнянь». В переводе на русский – ухо хлебное.

В праздники стол изобиловал разными яствами. Хлеб был всегда пшеничный, в последние годы белый. В Пасху непременно в каждом доме были крашеные яйца и творог со сметаной, и много было других мясных и молочных кушаний. В последние годы готовили «сырную пасху» и «куличи».

В другие великие и местные праздники готовили разные мясные и молочные кушанья. Обыкновенно было так: первым кушаньем всегда был рыбный пирог, за ним холодные мясные, потом жаркие блюда, каши, кисели, блины, оладьи. Готовили также вкусный напиток «травник». Приготавливали его из сусла [92], настаивали со смородиновым листом и наквашивали. Из сусла же делали «пиво» с хмелем.

В «постные праздники» все мясные блюда заменялись рыбными. Остальные кушанья приготавливались с растительным, «постным», маслом.

В обыденное воскресенье в мясоед обыкновенно стряпали картофельные «кулики» и тоненькие шаньги, или же ясные шаньги. Обед в воскресенье готовили изысканнее будничного.

В посты, которые соблюдались строго, а также в «среду» и «пятницу» каждой недели готовили постную пищу. Заурядными кушаньями были: тёртая редька, капуста, горошница, кисели – ржаной, гороховый и разные каши с постным маслом. Нередко в пост варили сусло. Готовили блюда из сушёных и солёных грибов – икра, пироги, а также из сушёных парёнок [93] с суслом.

Каждое «заговенье» [94] на пост, особенно на рождественский и мясопустное заговенье (в воскресенье на Масляницу), в каждом доме стряпали пельмени или пирожки, которые называли «жареники».

В Масляницу мясо не ели. Всю неделю была «рыбная пища». Пекли рыбные пироги, варили уху, жарили и из рыбы делали «холодное». Каждый день стряпали «блины» и «оладьи» и «сдобные калачики».

Одежда

Одевались наши деды прежде очень просто, но тепло. Мужчины носили рубахи из синего холста [95] и пестрянные штаны [96], в праздники – рубахи из тонкой холстинки или бумажной пестряди. Женщины носили белые или синие рубахи с набивной юбкой [97] и «дубасом» [98]. В праздники носили «сарафаны» с фартуком и шерстяным поясом.

Весной и осенью в рабочую пору одежду носили «сукманную», из самотканного сукна. Оsnуют льняную пряжу, а ткут шерстяной ниткой. Когда холст выткан, клали его в корыто, заваривали кипятком и топтали ногами. От горячей воды и топтания холст скатывался и получалась плотная, прочная и в то же время тёплая «сукманина» [99]. Её обычно ткали из чёрной шерсти. Если ткали белой шерстью, то сукманину окрашивали в синюю или чёрную краску. Из обыкновенной сукманины шили «понитки» [100]. Делали и лучший сорт сукманины. Для этого основу делали не льняную, а шерстяную. Из этой сукманины

шили праздничную одежду. Первоначально её носили по праздничным дням, а когда подносится, то уже надевали и в рабочее время. Потом, когда появлялись проносы на плечах и локтях, её обшивали синим холстом и называли «тяжелком» (от слова - тяжёлый). Из лучшей сукманины шили праздничные «борчатки», «сибирки». Шили и верхнюю, дорожную одежду: «армяки», «зипуны», «бешметы» [101] с большими воротниками, а рукава обшивали кожей. Из овчин шили «полушубки» (лёгкие шубы), шубы, тулупы.

Основной обувью в рабочее время прежде были «лапти» [102]. Во всё время года. Летом лапти обували с лёгкими белыми холстяными портянками, а зимой с шерстяными носками, чулками или «скутами» (из сукманины). В праздники зимой надевали «валенки», а летом женщины надевали ботинки, а мужчины сапоги. Позднее вошли в обиход в будничное время у женщин «коты», а у мужчин «бахилы» [103].

С расширением мануфактурного производства крестьяне постепенно меняют свою холщёвую одежду на «базарскую» - мануфактурную. Мужчины в воскресные и праздничные дни одеваются в ситцевые рубашки и матерчатые шаровары, женщины – в кофты и юбки. Мужчины шьют суконные борчатки (сибирки), курточки (татарки), женщины – пальто и также курточки (татарки).

Долгое время в праздничной моде у мужчин были: сибирка, жилет, «плисовые» шаровары, «фланелевая» рубаша, а у женщин и девушек – «кашемировые парочки» [104] (юбка и кофта) малинового или голубого цвета с обшитыми воротниками и рукавами, на головах кашемировые же «подшалки».

Зимой головными уборами у мужчин прежде были меховые шапки, летом – самодельные катаные шляпы. Позже появляются «фуражки» и, редко, фабричные шляпы.

Замужние женщины на головах прежде носили «шамшуры», «кокошники», «наколки» [105], платки. Верхним головным убором были шали и подшалки.

Появились «галоши», которые поначалу имели значение украшения, щегольства. Покупали глубокие резиновые галоши. Их носили в сухую, не только тёплую, но даже жаркую погоду, а в грязь, боясь запачкать, снимали.

До открытия общества потребителей торговли мануфактурой не было. По деревням ездили торговцы «красным товаром». Последним торговцем был татарин «Михайла Михайлович». Попросту его звали «Мишка-татарин».

Он разъезжал с мануфактурой, заходил в каждый дом, предлагал товар. В случае надобности приносил просимое в котомке, развязывал и показывал товар. Покупатель выбирал и покупал. Если у покупателя не доставало денег для уплаты, давал в кредит. Так же по домам ходили разносчики – продавцы «галантереи». Их по-деревенски называли «мелочники».

Религиозная обрядность

Жители Усть-Качки в прежнее время были религиозными. Церкви не было. Была «часовня». Выбирался «часовенный староста», на обязанности которого было звонить, отпускать свечи, следить за исправностью часовни.

В воскресные и праздничные дни староста звонил «к часам». Приходили молящиеся. Из них кто-либо грамотный читал «часы». Люди ставили свечи, молились. Если же среди приходящих не было грамотных и не кому было читать часы, молились про себя, молча, ставили свечи, клали земные поклоны. Проходило время молитвы в глубоком молчании и тишине. Когда времени проходило порядочно, за которое чтец мог бы прочесть часы и по мнению старосты пора молитве кончиться, он выходил на середину часовни, делал поклон перед иконами и говорил: «Здорово молились». Это означало конец молитвы. Давали звон «во вся» и молящиеся расходились по домам.

После открытия церковно-приходской школы по праздничным и воскресным дням часы читались учениками, летом в часовне, а зимой в школе. Когда была выстроена церковь, то чтение часов и молитвенные обряды переносятся в церковь. Так было до священнической службы.

Церковное пение преподавали в школе. В школе пели общие молитвы и в церкви праздничные богослужебные песнопения. Пели на слух. В 1905 году жил в Усть-Качке регент Евста-

фий Павлович Ширяев, человек знающий свое дело, но с недостатком – любил выпить. Обыкновенно его звали «Странствующий регент» или «Евстафий Пьяныч». Он первый ввел нотное пение и положил начало организации церковного хора. Благодаря церковному хору развивалась любовь к пению среди народа и крестьянской молодежи.

В прежнее время всякое дело начиналось молитвой. Начнут сеять яровое, озимовое, приглашают священника и идут с иконами на поле служить «полевой молебен». Соберутся мужички «пруд прудить» на мельнице. Это считалось большим, важным делом. По знаку старосты или бусового садятся все по местам, кто где и как может сесть. И по знаку же старосты все встают, оборачиваются лицами на восток, молятся. После молитвы принимаются за дело. Поедет кто-либо из членов семьи в «дальний путь», соберётся вся семья и перед тем, как выйти из дому, садятся чинно по местам, зажигают свечи перед иконами, встают и молятся. С пожеланиями благополучия провожают уезжающего. В домашнем обиходе перед обедом собираются все домашние в дом, моют руки, садятся на лавки. Накрывают на стол. Когда к обеду всё готово, по знаку старшего все встают, молятся и чинно садятся за стол. Во время еды разговоров избегали, «не полагалось». После обеда также все вместе вставали, молились и расходились по своим делам.

Как произошли прозвища

«Прозвища» – Петрунечкины, Мишагины, Романовы, Харинны, Маланины и другие подобные им произошли от имён и прозвищ их родоначальников.

Относительно происхождения других прозвищ привожу несколько примеров.

Прежде готовляли пьяный вкусный напиток, который называли «баламыгой». Фёдор Васильевич Зеленин любил этот напиток. Случалось кому-либо пригласить его в гости или попросить что-либо сделать, он спрашивал: «Есть ли баламыга?».

Про него говорили: «Он без баламыги никуда, а за баламыгу всё готов сделать». Так и прозвали его «Баламыгой».

В семье Петра Фёдоровича Зеленина был маленький сын Петя, который звал своих братьев – «братан», иногда «братанушко», но правильно выговорить не мог и у него вместо братан выходило «батан», а вместо братинушко – «батинушко». Когда Петя вырос, то за ним осталось прозвище «Батинушко», впоследствии перешедшее на потомков – «Батанковы».

Дед нынешнего Алексея Николаевича Зеленина – Бибича, Фёдор Никитич, служил в Петербурге в лейб-гвардии. Вспоминая свою военную службу, он часто с гордостью говорил, что получил одобрение по службе от самого генерала «Дибича». Отчего и получил прозвище «Дибич», в дальнейшем перешедшее в «Бибич».

В Нижних Муллах был когда-то волостной писарь Абрам Трофимович Ермаков. Он приезжал летом в Усть-Качку и крестьяне часто его видели в белом пиджаке. Пиджаков в деревне не было, крестьяне носили самую простую, и чаще всего, самодельную одежду. Волостной писарь в глазах населения был «большой человек» - начальник. Случилось ехать в Пермь молодому парню – Петру Львовичу Зеленину. Там он купил себе белый пиджак. Парень он был на моде. Приехавши домой, он в первое же воскресенье надевает его и идёт на гулянку. Видя его одетого в модный белый пиджак, молодёжь с завистью говорила: «Ну и Петруха. Как оделся, как писарь Ермаков». С того времени начинают звать его «Ермаков», а впоследствии и его детей – «Ермаковыми».

Летом частенько приезжал из Перми к своим родственникам в Усть-Качку мелкий чиновник – Пётр Ильич Ясырев. Он был болен ногами и ходил на костылях. Несмотря на тёплую и сухую погоду носил глубокие резиновые галоши. Будучи ещё молодым Фёдор Яковлевич Зеленин, как-то наскоро надев на босую ногу глубокие резиновые галоши, вышел на угор к молодёжи. Увидев его кто-то из молодёжи заметил: «Ты что же в такую погоду, как Ясырев, надел глубокие галоши?» Слово было сказано метко. Так и осталось за Фёдором Яковлевичем до сего времени прозвище «Ясырев».

В деревнях, а также и в Усть-Качке, дети, а иногда и взрослые играли (изредка играют и в настоящее время) «в бабки». (Смотри картину Маковского «Игра в бабки»). Бабки считали попарно, «гнездами». Гнездо состояло из двух бабок: большой – «панка» и маленькой – «шлюшки». (Сокращённое – «шлюхи».) В обыденной крестьянской жизни, желая изобразить какой-либо предмет маленьким, часто называли его «шлюшкой». В этом названии чувствовалось что-то плюгавенькое, небольшое, маленькое.

У нынешних братьев, Ивана Ивановича и Михаила Ивановича Зелениных – Шлюх, бабушка, Евгения Клементьевна, была родом из-за Камы из деревни Малушковой. Отец её, Клементий, был маленького роста, отчего и получил прозвище «Шлюшка» или «Шлюха», связанное с названием маленькой бабки-шлюшки. Это прозвище перешло в Усть-Качку его внуку и правнукам, которым они прозываются и до сих пор.

А вот другой рассказ о происхождении этого прозвища. Иван Иванович – отец вышеупомянутых Ивана Ивановича и Михаила Ивановича был человек крупный, высокорослый. Раз ему пришлось корчевать пни. Пни были совсем маленькие. На это ему заметили, что он, будучи ростом как «панок», занялся выкорчёвыванием таких «шлюх». Может быть его прозвище произошло от этого случая.

Фирша *(Случай из прошлого)*

Когда по Каме не ходили пароходы, движение на реке было малое и редкое. Часто на лодках проезжали вольные, бродячие люди, большей частью бежавшие от крепостного права или от других каких-либо невзгод, или сотворившие какое-либо преступление. Проезжая мимо прибрежных деревень они делали на них набеги, грабили, а кто сопротивлялся, убивали. Часто жителей мучили, совершали над ними разные пытки. Награбленное грузили на свои лодки и отчаливали. Были такие набеги и на

Усть-Качку. Своим появлением разбойники наводили страх на местное население. Жители деревень, если увидят их приближение на лодках, старались лучшее своё имущество запрятать, а сами скрывались. Тяжело жилось жителям прибрежных деревень. Но вот один человек в Усть-Качке, крестьянин по имени Филипп, попросту Фирша, обладавший большой физической силой и ловкостью, набирается смелости вступить в борьбу с непрошенными гостями-разбойниками. Благодаря своей недюжинной силе с кучкой мужиков разбивает приехавших бродяг и обращает их в бегство. Население, видя победу Фирши, воодушевляется, а разбойники уже бояться так смело нападать на Усть-Качку. Прежде чем сделать набег они посылали разузнать дома ли Фирша и, если дома, набег не делали. Часто Фирша сам нападал на разбойников из засады. В нескольких тайниках у него хранилось разное оружие для обороны, а также был лук со стрелами, которым он хорошо владел. При каждом сражении Фирша был победителем. Чтобы с ним покончить разбойники решили его выследить и напасть врасплох. И вот они нападают на него неожиданно, когда он был в поле один. Им удаётся Фиршу скрутить и связать. Когда Фирша в их руках и связан, жители Усть-Качки им не страшны. За все невзгоды, которые причинил им Фирша, они хотят его привести домой, помучить, отобрать у него всё и в конце, заявляют ему, «наденут на него красную рубашку», то есть зарежут. Связанный Фирша покорно пошёл с разбойниками домой. По дороге дошли до того места, где у него было спрятано оружие и лук со стрелами. Фирша остановился и заявил, что двигаться в таком положении он больше не в силах и попросил ослабить ему верёвки, чтобы иметь возможность двигаться дальше. Разбойник видит, что он связан по рукам и ногам, окружён со всех сторон и, таким образом, опасности для них нет. Стали ослаблять верёвки. Неожиданно для всех Фирша рванул руками и тут же положил несколько человек. Побежал к тому месту, где у него хранились лук со стрелами, и стал пускать стрелы в разбойников. Разбойник растерялся и побежали. Так им не пришлось покончить с Фиршей. Теперь Фирша стал для них ещё большей угрозой. Благодаря

Фирше набеги стали редки и не так опасны, и в конце совсем прекратились.

*Родословный список
домохозяйств деревни Усть-Качка за 1890 год [106]*

1. «Андреевичи»

Родоначальник – Андрей Алексеевич Зеленин

Дворы: 1. №17 Иван Андреевич

2. №23 Фёдор Андреевич

2. «Баламыгины»

Родоначальник – Фёдор Васильевич Зеленин

Дворы: 1. №6 Пётр Алексеевич

2. №22 Степан Петрович (Степановых)

3. №28 Иван Петрович (Батанков)

4. №29 Василий Фёдорович

5. №30 Яков Алексеевич

6. №32 Иван и Николай Фёдоровичи

7. №33 Василий Алексеевич

8. №48 Иван Петрович (Баламыга)

9. №50 Алексей Иванович

10. №58 Степан Петрович (Батанков)

3. «Вяткины»

Родоначальник – Дмитрий Иванович Вяткин

Дворы: 1. №46 Фёдор Дмитриевич

2. №61 Иван Фёдорович

4. «Гришины»

Родоначальник – Григорий Дмитриевич Зеленин

Дворы: 1. №35 Иван Григорьевич

2. №37 Петр и Иван Петровичи

3. №41 Александр Степанович

5. «Губины»

Родоначальник – Николай Андреевич Губин

Дворы: 1. №3 Прокопий Николаевич

2. №16 Семён Матвеевич

3. №15 Матвей

д. Замельница 4. №3 Иван Николаевич

6. «Ивановские»

Родоначальник – Иван Алексеевич Зеленин

- Дворы:
1. №9 Захар Иванович
 2. №11 Степан Васильевич
 3. №31 Прокопий Иванович
 4. №40 Иван Петрович (Оленин)
 5. №43 Василий Александрович (Устинин)
 6. №59 Сергей Иванович
 7. №60 Михаил Захарович

д. Замельница 8. № 1 Василий Иванович

7. «Маланины» *(карандашом надписано – родоначальница Маланья – О.Г.)*

Родоначальник – Пётр Зеленин

Двор: 1. №36 Иван и Василий Петровичи

8. «Мишагины»

Родоначальник – МихайлоЗеленин

Дворы: 1. №18 Павел, Елисей и Егор Дмитриевичи

2. №19 Иван Алексеевич

9. «Низовцевы»

Родоначальник – АлексейНизовцев

Двор: 1. №27 Гаврило Алексеевич

10. «Одиновские»

Родоначальник – Василий Данилович Зеленин

Дворы: 1. №13 Михаил Филиппович

2. №20 Павел Александрович (Мурашов)

3. №21 (Мих. Ив.) Алексей Семёнович (Мишин)

4. №44 Павел Семёнович (Вяткин)

5. №63 Сергей Семёнович

11. «Петрунечкины»

Родоначальники – Пётр и Фёдор Никитичи Зеленины

Дворы: 1. №7 Фёдор Никитич

2. №10 Адриан Сергеевич

3. №42 Иван Петрович

4. №47 Никита Сергеевич

5. №53 Сергей Петрович

12. «Петровы»

Родоначальник – Иван Петрович Зеленин

- Дворы: 1. №24 Пётр Иванович
2. №62 Иван Львович

13. «Путиловы»

Родоначальник - Андрей Терентьевич Путилов

- Двор: 1. №38 Матвей Андреевич

14. «Романовы»

Родоначальник – Роман Семёнович Зеленин

- Дворы: 1. №14 Лев Романович
2. №64 Григорий Гордеевич
3. №2 Яков Гордеевич
4. №4 Пётр Гордеевич

15. «Соснины»

Родоначальник – Егор *(зачёркнуто)* Василий Зиновьевич
Соснин

- Дворы: 1. №1 Василий и Захар Дмитриевичи
2. №12 Иван и Андрей Николаевичи
3. №45 Владимир Николаевич

д. Замельница 4. №5 Сергей Николаевич

Павел Николаевич *(дописан карандашом)*; *(Сергей Николаевич и Павел Николаевич объединены фигурной скобкой, указывающей на Николая Григорьевича – вероятно отца – О.Г.)*

16. «Харины»

Родоначальник – Егор Харитонович Зеленин

- Дворы: 1. №2 Савин Егорович
2. №51 Алексей и Макар Александровичи
3. №57 Нестор Александрович
4. №65 Евстафий Савинович

17. «Яковлевичи»

Родоначальник – Яков Никифорович Зеленин

- Дворы: 1. №4 Еким Константинович
2. №25 Семён Яковлевич
3. №39 Алексей Яковлевич

«Не установлено родства»

Все Зеленины

- Дворы: 1. №8 Василий Дмитриевич (Пугачев)
2. №26 Михаил Андреевич (Путилов)
3. №34 Егор Ефимович

(Егоршина - посл. буква неразборчиво.)

4. №52 Иван Андреевич (Демин? – неразборчиво.)
5. №54 Яков и Григорий Макаровичи
6. №55 Иван Михайлович

«Дворы, не имеющие земельного надела»

- Дворы: 1. №5 Фирулёв Фома Матвеевич
2. №49 Анна Николаевна (Митюшиха)
3. №56 Анастасия Васильевна Зеленина

Рукописи, не вошедшие в основной текст «Истории села Усть-Качки»

Трудные годы

В 1872–73 годах житель Усть-Качки крестьянин Андрей Петрович Зеленин (Алёша) торговал скотом. Осенью он пригнал из-за Камы табун скота, загнал в свой огород. Рядом с ним жил крестьянин Иван Романович Зеленин, у которого скот также выходил в огород.

Среди пригнанного из-за Камы скота были больные, которые заразили соседних коров. В то время у жителей Усть-Качки колодцев не было и в зимнее время скота выгоняли на водопой на Каму, где скот пил из одной специально сделанной проруби, а потому заразная болезнь распространилась и на других коров деревни. Ветеринаров в то время в деревне не было. Позже, в 1905 году на весь Пермский уезд был один ветеринарный фельдшер. Ветпункт находился в Лысьве, можно ли было думать о ветеринарной помощи. Что было предпринято, так это то, что был объявлен карантин в Усть-Качке. На все дороги ведущие в Усть-Качку были поставлены посты, которые не пропускали проезжающих на лошадях. Из-за отсутствия ветеринарной помощи многие хозяйства деревни потеряли коров, а некоторые хозяйства и вовсе остались без скота.

Такая же болезнь повторилась в 1886–1887 годах.

Неурожай 1891 года

В этот год весна была очень ранняя. Ледоход на Каме прошёл в марте месяце. Первый пароход пришёл 25 марта по старому стилю. От сильного солнцепёка и ветров земля высохла, год был засушливый. Урожай составил 1/5 обычного. Но горохи, которые были посеяны ранней весной, дали хороший урожай. Население питалось горохом. Ржаной хлеб был редкостью. Мало было собрано и корма для скота. Крестьяне пытались продать лишний скот живым весом или мясом. Поэтому на рынке было очень много мяса. Цены на мясо сильно пали. Например телятина дошла до 2 коп/фунт (5 коп/кг), скотское мясо (говядина) – 3-4 коп/фунт (8-10 коп/кг). Крестьянин Степан Петрович Батанков купил коня, хотя старого, но вполне работоспособного и заплатил за него 3 рубля. Продержал его целое лето, сделав на нём всю полезную работу. Николай Фёдорович Зеленин купил рабочую лошадь – кобылицу за 9 рублей. Зато цены на хлеб неимоверно поднялись с 30 коп до 1 руб. 80 копеек за пуд. Это были цены небывалые для того времени.

Японская война

В 1904 году была объявлена война России с Японией. Объявление её многих удивило. По мнению жителей Усть-Качки Россия была могущественной державой, имея большое войско и хорошее вооружение, а Япония считалась страной не культурной и малограмотной. Даже в газетах писали, что Россия «закладывает шапки» Японию, не только оружием. Из Усть-Качки было мобилизовано 5 человек. Но ход военных действий в Манчжурии показал совершенно другое. Военный министр Куропаткин, командовавший войсками в Манчжурии, был снят, вместо него был назначен генерал Виневиц. Гибель адмирала Макарова, падение Порт-Артура в корне изменило представление о непобедимости России. Авторитет русского правительства пошатнулся, а пришедшие с фронта солдаты говорили о неподго-

товленности русских войск к войне, с недовольством говорили, что русский солдат в своём чёрном мундире служил хорошей мишенью для японцев, тогда когда японские солдаты были в одежде защитного цвета. Даже такая деталь не была учтена военным командованием. Впервые в этой войне массово применили пулемёты.

Недовольство русского народа выразилось в революции 1905 года. Испуганное правительство издало «манифест» о свободе. Вот что рассказывал крестьянин Иван Яковлевич, приехавший из города Перми.

- Тысячная толпа народа, учащейся молодёжи подошла к дому губернатора, вызвала его из квартиры и приказала идти вместе с ними к тюрьме, освободить политических заключённых. Так и было сделано. Вышедших из тюрьмы народ приветствовал, обнимал, «качал».

Все эти рассказы сильно подействовали на жителей Усть-Качки. Узнав о свободе крестьяне поехали в помещичью лесную дачу рубить лес, так как была большая нужда в ремонте строений, а лесничество помещика было парализовано. Манифест о свободе вскоре был отменён, наступила реакция. Несколько крестьян было арестовано и увезено в тюрьму, в которой они просидели несколько месяцев. Там их допросили, настрашали и отпустили.

Проникновение нелегальной литературы

Часто в Усть-Качку приезжал к своей сестре Клавдии Михайловне Дроздовой её родной брат, учитель Пермского Ольгинского начального училища [107] Александр Михайлович Сапожников. Он привозил революционную литературу, листовки, брошюры, которые тайно распространял среди населения. Большой интерес произвёл акафист графу Витте, а также иллюстрации: «один с сошкой, семеро с ложкой». Александр Михайлович часто привозил листовки напечатанные на шапирографе [108], от которого ему пришлось пострадать. Раз Александр Михайлович писал листовку копировальными чернилами и

сильно запачкал руки. Выйдя на городскую улицу он встретился с полицейским, который обратил внимание на его руки, остановил его и увёл его в полицейское управление. На квартире Сапожникова был произведён обыск и Александр Михайлович был арестован. Доставка литературы временно прекратилась.

Летом того же года другая сестра Александра Михайловича приезжает к своей сестре Клавдии Михайловне с молодым, с болезненным лицом, человеком, которого звали Футлик [109]. Устраивают прогулки за Каму с самоваром, куда уезжает на лодках и молодёжь. Среди лугов в укромном хорошем месте стоит самовар с трубой, из которой валит дым. Постлана скатерть, на скатерти чайные стаканы и чашки. Незатейливая закуска вроде печёных яиц, хлеба и копчёной воблы. Вокруг сидит молодёжь, среди них Футлик читает литературу о земельной реформе, о незаконном пользовании помещиками землёй. Таким образом в Усть-Качку снова проникает подпольная литература, которую тщательно хранили в бане на потолке под крышей, закрыв досками. По мере надобности брали её и осторожно давали читать. Активными читателями являлись – Сергей Николаевич Соснин, Иван Иванович Зеленин (Ивана Сергеевича), Николай Григорьевич Зеленин, Василий Сергеевич Зеленин, Иван Тимофеевич Зеленин, Василий Тимофеевич (конторщик) Зеленин, Александр Алексеевич Зеленин, Иван Дмитриевич Зеленин (Дмитрия Григорьевича), Федор Иванович Зеленин и другие. Из Усть-Качки брошюры и листовки проникли за Каму в деревню Шилову. Эта молодёжь устраивала ночные рыбалки. Разводили костёр, варили уху. Приглашали из Усть-Качки активных читателей. Здесь происходили беседы и читки, знакомились с революционным движением в России и борьбе за свободу.

Июль месяц 1907 года. Однажды я сижу в своей комнате и слышу голос в ограде: «Здесь живёт Иван Петрович?». Я выхожу в ограду и вижу очень скромно одетого молодого человека с болезненным бледным лицом. Отвечая на его вопрос говорю: «Вот я и есть Иван Петрович». Он называет себя – Александр Никифорович Усталов. Дальше говорит, что он слышал, что я ищу репетитора для подготовки на звание учителя начального

училища и, что он может предложить свои услуги. Я и Александр Иванович Долгополов, живший у нас на квартире, договариваемся с оплатой, предоставляя ему стол и квартиру. Начинаем заниматься. Мы сразу почувствовали его знания и умение преподавать материал.

Раз сидим за занятием. В окно видим - идёт урядник [110] и направляется к нашему дому. Наш репетитор встаёт и выходит за ограду навстречу уряднику. Оба уходят на берег на лавочку, о чём-то говорят. После непродолжительного времени урядник уходит и Александр Никифорович возвращается. Такая картина повторялась раза два-три. Мы были озадачены и старались быть с А.Н. в своих разговорах осторожными. Однажды А.Н. уезжает на пароходе в Пермь. Без него приходит урядник и спрашивает Усталова. Мы отвечаем, что он уехал в Пермь. Видим тревогу на лице урядника и спрашиваем зачем ему нужен А.Н. Урядник отвечает, что А.Н. Усталов – политический заключённый и, что по заключению медицинской комиссии ему нужен отдых и отдых в деревне. Под залог и поручительство он выпущен из тюрьмы для поправки здоровья и находится под гласным полицейским надзором, за который отвечает урядник. Приезжает А.Н. Усталов. Мы сообщаем ему обо всём происшедшем. Он нам тогда объяснил, что урядник сказал нам правду. Он сидел в тюрьме вместе с Александром Михайловичем Сапожниковым, который и направил его к нам. Нередко мы устраивали прогулки в лес. Брали с собой одну-две бутылки пива, несколько бутылок фруктовой воды и копчёной воблы и отправлялись на «пикник», куда приходила и молодёжь. А.Н. никакой литературы с собой не брал, а поговорить любил. Он говорил о революционном движении, о неизбежности революции и падении царской власти. Особенно он любил петь революционные песни, учил им молодёжь, которая быстро заучивала тексты песен и их мотив. Помню разучивали песни: «Отречёмся от старого мира», «Вставай проклятьем клеймённый», «Вихри враждебные веют над нами», «Вы жертвою пали», «Смело товарищи в ногу» и другие.

Раз был такой случай. Воскресный вечер. Молодёжь катается по Каме на лодке. Проплывая мимо села запели: «Вихри враждебные веют над нами». В это время сидел на лавочке живший на даче земский начальник Николай Александрович Дьячков.

Услышав эту песню он заволновался и стал спрашивать сидевшую рядом учительницу Марию Ивановну Удинцеву – кто это поёт. Мария Ивановна поняла, что всё это может кончиться большой неприятностью и сказала, что на это не надо обращать внимания, ведь это «зелёная» молодёжь, которая не вникает в смысл песни, а что взбредёт ей на ум, то и поёт. Сейчас поёт революционные песни и тут же запоют «Боже царя храни». Так и случилось. Плывшие на лодке заметили на берегу сидящего в форме земского начальника и тут же запели «Боже царя храни». Земский начальник улыбнулся и успокоился.

Благодаря библиотеке население росло в культурном отношении, а подпольная литература и революционные агитаторы повышали политическую сознательность. Когда молодёжи приходилось близко сталкиваться с дачниками, жившими в Усть-Качке на даче, особенно при общей работе над постановками спектаклей, дачники отзывались о молодёжи весьма лестно. Говорили: «Усть-Качкинская молодёжь особенная – выдержанная, культурная».

Наводнение в 1914 году

При весенних разливах реки Камы вода заходит в Усть-Качку сзади по реке Качке и речке Осиновке и заливают низменные места. Таким образом, при большом разливе Камы, Усть-Качка со всех сторон бывает окружена водой и обращается в остров. В это время без лодки в Усть-Качку попасть нельзя. Много пашни бывало залито вешними водами, оттого посев яровых запаздывал. Приходилось сеять только после ухода воды, не своевременно. Урожай получался низкий. Часто затопляло и рожь, которая от этого вымокала. Большие весенние разливы Камы приносили Усть-Качкинцам в полеводстве большой ущерб. Уносило полевые изгороди, что доставляло много дополнительного труда. В это время население было отделено водой от полей. Во время весеннего сева приходилось всё необходимое для обработки пашни и посева переплывать «за воду».

Поэтому заблаговременно всё нужное перевозили в деревню Замельницу, как то: семена, сохи, бороны, телеги, корм для лошадей и самих лошадей. Рано утром на лодках уезжали в Замельницу, кормили лошадей, накормивши лошадей отправлялись в поле, а вечером по окончании работ возвращались в Замельницу. Давали на ночь корму лошадям и переправлялись на лодках через «полой» домой.

Много лет бывали большие воды. Очень большая вода была в 1902 году, но самая большая из них была в 1914 году. Низменность по речке Осиновке от села преграждалась возвышенностью, которая проходила за упомянутым раньше болотом, где когда-то летом жили лебеди. Как болото, так и часть села были по уровню много ниже холма, который как бы отгораживал их от низменности р. Осиновки. В 1914 году весенняя вода стала сильно подниматься всё выше и выше. Со стороны Осиновки уровень воды был уже выше уровня болота и низменности нынешней улицы Октябрьской. Вода подошла к вершине холма, отделявшего болото и село. Таким образом холм стал служить плотиной. И когда вода совсем стала угрожать проливом в низменные места села, население стало делать насыпь, чтобы удерживать воду. Но это требовало больших затрат как рабочих рук, так и времени. Жители были предупреждены, что если где-либо вода прорвётся через плотину, то население будет извещено набатом в большой церковный колокол. Надо сказать, что на этом холме, где теперь проходит ул. Пролетарская, в то время стояли гумна с большими обмётами соломы. Вода напирала всё сильнее и сильнее и удержать её было уже не в силах. В более слабом месте она с шумом ринулась в болото. Население было извещено условным набатным звоном. Жители, которым угрожала опасность, были своевременно к этому приготовлены и всё, что ещё оставалось не пристроенным поспешно старались убрать и перенести на более высокое и безопасное от наводнения место. Вода быстро заполнила болото, а потом пошла и по улицам – нынешней Октябрьской, Ленина, Красной площади. Своим сильным течением вода снесла из гумён в болото обмёты соломы, которые кружась плавали среди села. В нынешней улице Октябрьской были потоплены дома начиная со Степана Алексеевича Зеленина и Владимира (...) Соснина до половины

усадьбы Семёна Ивановича и Сергея Семёновича Зелениных (ныне Апполинарии Ларионовны). По нынешней улице Ленина были в воде дома Петра Матвеевича и Семёна Матвеевича Губиных. [111]

Молотьба хлеба

Молотьба хлеба производилась частью осенью, когда нападает снег и установится санный путь, а больше всего молотили зимой. Хлеб привезенный из кладей (скирдов), чтобы обмолачивался легче и чище нужно просушить. Для этого сооружали овины и риги.

Овин устраивался так: выкапывали в размер овина яму, спускали в неё сруб. Эта часть называлась «подовинником». Над ямой ставился второй сруб несколько большего размера. Это и был собственно овин. В передней стене устраивали одно окно, в которое подавали снопы для посадки в овин. Над ямой настилался пол, который в то же время служил подовиннику потолком. В овине наравне с подоконником устраивались «колосники». Для этого клались два бревна (балки). Одно у передней стены, второе у задней. На них во всю длину овина укладывали колосники (шесты, жерди) на расстоянии один от другого приблизительно сантиметров 15-20. На колосники сажали снопы колосьями вниз. Когда овин был весь засажен снопами окно плотно закупоривали соломой. В овин уходило приблизительно 10 бабок ржи, а ярового около 30 бабок. Такая посадка называлась «однорядкой». После заполнения овина начинали сушить. Под овином разводили очаг. Для «теплоты», так назывался очаг, готовили особую дрова – «подовинники», длиной около 90 см и обязательно берёзовые или ольховые, очень редко осиновые или липовые, так как от них мало жара. Никогда подовинники не готовились из хвойных пород, так как от них при горении было много искр, а это было небезопасно. Несмотря на предосторожности всё-таки нередко случались пожары овинов. Когда хлеб в овине высушивался начинали молотить. Молотили вручную молотилами (цепами). Обыкновенно в мо-

лотье участвовало четыре человека.

Рига устраивалась по-другому. Ставились стены риги, крылась крыша, настилался потолок. Внутри помещение жердями разделялось на две половины. Жерди перегородки подгонялись не плотно, т.е. «в реж». Большая половина предназначалась для посадки снопов, меньшая – для топки. В каждой половине устраивались плотно закрывавшиеся двери. В большей половине настилали пол и устраивали колосники как в овине. Но здесь снопы садили иначе – колосьями вверх. В малой половине пол был земляной. Здесь с небольшим заглублением устраивалась топка – печь очень сходная с банной печью-каменкой, но большего размера. В ней разводили теплоту и сушили посаженный хлеб. Дым и жар задерживался потолком и расходился по всей риге. Когда прогорали дрова, наплотно закрывали обе двери, чтобы лучше просушивался хлеб. А после также приступали к обмолоту.

До появления веялок обмолоченный хлеб провеивали на ветру в гумне или же вывозили на мельничный пруд, где разгребали на льду снег и устраивали так называемое «веяльное гумно». С появлением веялок, которые быстро распространились среди населения, веяльные гумна исчезают.

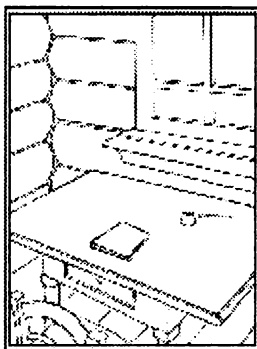
В 90-х годах прошлого столетия начинают появляться деревянные молотилки, первоначально ручные, потом с конным приводом. Они были громоздки и требовали частого ремонта. Впоследствии их заменили заводские железные одно- и двухконные молотилки. Молотила (цепы) постепенно уступают место машинам, которые идут на смену ручному труду крестьянина. С появлением молотилок появилась потребность и в зерносушилке, которая была выстроена в Замельнице.

Случай из Гражданской войны

Не все смогли избежать мобилизации. Многие были взяты в ряды белой армии. Вот что рассказывает Александр Сергеевич Соснин про своих братьев Андрея и Якова, и бывших с ними Петра Ивановича Зеленина (Зайчика) и Ивана Фёдоровича Зеле-

нина (Фёдора Екимовича). Все они были в одном взводе. Вместе с армией отступали по направлению к Сибири. Около Лысьвы была остановка. Недалеко от этого места жила сестра братьев Сосниных, Мария Сергеевна. Все четверо сговариваются выждать удобную минуту и сбежать из армии, найти Марию Сергеевну, у ней скрыться и пробыть время отступления белых. Подождали удобного случая, скрылись в лесу, а ночью пришли к Марии Сергеевне. Она увела их в лес, где они устроили себе шалаш из ветвей и там жили. Пищу приносила им Мария Сергеевна.

Отступление белых продолжалось. Спустя несколько дней Мария Сергеевна видит, что идут войска красных, а среди них встречает своего соседа по Усть-Качке Тимофея Фёдоровича Зеленина – брата Ивана Фёдоровича. Она сообщает ему о брате и остальных скрывающихся. Тимофей Фёдорович ей говорит, что позади белых уже нет и что из лесу можно выходить, опасность миновала. Скрывающиеся выходят и направляются домой. Идут к полотну железной дороги. Видят, что идёт поезд, но идёт очень тихо. Каменного угля не было, топливом служили дрова, и не сухие, а сырые. Пару нагнать было трудно. Иван Фёдорович обещает остановить поезд. Все над ним смеются. Он подходит к полотну, снимает фуражку, низко кланяется и подаёт знаки остановиться. Поезд останавливается. Иван Фёдорович объясняет, кто они и просит взять их на поезд. Машинист разрешает. Все четверо садятся в вагон и едут до станции Сылва. В Сылве берут лодку и по рекам Сылве, Чусовой и Каме приплывают домой.

Приложения

*Извлечения из «Воспоминаний
о селе Усть-Качка...» семьи Мышкиных,
Рукопись. 1978 г.¹*

Воспоминания о селе Усть-Качка Нижне-Муллинской волости Пермского уезда

1978 г. Октябрь

...В период с 1914 г. по октябрь 1921 года мы жили в селе Усть-Качка и в этот период, но в разные годы все мы: Мышкина Ольга Александровна (ныне Овсянкина), Мышкин Николай Александрович, Мышкина Мария Александровна, некоторое время работали учителями Усть-Качкинской начальной школы. Здесь же несколько ранее работал учителем наш старший брат Мышкин Владимир Александрович (умер в 1945 году)...

...Думается, того, что мы написали в своих воспоминаниях, достаточно, чтобы иметь некоторые представления об Усть-

¹ В публикации сохранены авторские стиль, пунктуация и орфография.

Качке дореволюционного периода и в период существования Советской власти...

...Свою известность Усть-Качка получила после Октябрьской революции - в тридцатые годы, когда здесь были обнаружены богатые источники сероводорода и иодоброма, однако мало кто знает какой была Усть-Качка в дореволюционное время.

Усть-Качка входила в состав Нижне-Муллинской волости, Пермского уезда и губернии.

Расположена в шестидесяти верстах от г. Перми вниз по Каме, а «по горам» это расстояние составляло сорок верст. Ближайшая железнодорожная станция была «Шабуничи» - в двадцати верстах от Усть-Качки. В летнее время сообщение с городом было по Каме на пароходах «Истомина». Это были три колесных парохода «Усердный», «Ильинец» и «Дельфин». «Усердный» был одним из лучших пароходов. Пароходы имели специальное отправление из г. Перми до гор. Осы и обратно.

В селе Усть-Качка были: начальная школа, церковь, библиотека, фельдшерский пункт и потребительское общество. Нужно отдать должное организованному в 1910 году потребительскому обществу, которое благодаря умелой постановке дела, завозило большое количество нужных товаров, как продовольственных, так и промышленных. Кроме того членам-пайщикам по окончании года выдавались дивиденды.

Село Усть-Качка, расположенное на левом берегу многоводной красавицы Камы, при впадении в нее небольшой речки «Качки», насчитывало приблизительно около ста двадцати дворов.

Село делилось на две части – верхний конец и нижний конец. Разделяло его расположенное посреди села небольшое болото, в котором водились караси и когда-то обитали красавицы лебеди. Обе части села были почти равными.

Население Усть-Качки составляли крестьяне, как говорили, выходцы из крестьян Оханского уезда. Все крестьяне были малоземельными, так как имели очень мало подушного надела. Объяснялось это тем, что Усть-Качка была как-бы прижата к берегу Камы и далеко отходить от ее берегов было некуда, т.к.

почти совсем рядом в четырех-пяти верстах от нее были большие деревни: Качка, Гамы, а затем Хмелевка, Горшки и др. В силу этих обстоятельств крестьяне не были зажиточными. Многим из них не доставало урожая своего хлеба и его приходилось покупать. В подавляющем большинстве хозяйств было по одной лошади, одной корове и две, три овцы. Некоторые из крестьян имели побочный заработок в виде рыболовства, у них имелись рыболовные снасти - мережи, частики, бредни, шашковые снасти, наметы. Более крупные рыболовные принадлежности, такие, как невод, имелись у рыболовов на паях, когда они человек десять-двенадцать объединялись и приобретали невод, которым и добывали разнообразную рыбу.

Надо сказать, что рыбы в р. Каме было много это: головли, лещи, сорога, налимы, язи, стерлядь, а иногда попадал и сом.

Искусство рыболова передавалось из поколения в поколение и, как правило, часть мужского населения была втянута в рыболовство не только из побуждений коммерческих, но и число любительских соображений. Особенно этим увлекалось подрастающее поколение. Помимо рыболовных принадлежностей, каждый рыбак имел свою лодку и садок.

Подавляющее большинство жителей села носили фамилии «Зеленины». Дабы иметь какое-то различие между семьей одного «Зеленина» и семьей другого «Зеленина» применялось в таких случаях не называть данную семью по фамилии, а по присвоенному и укоренившемуся с незапамятных времен ПРОЗВИЩУ, например: «Мишагины», «Алекины», «Маланьины», «Санушковы», «Петруничкины», «Левушковы», а Иван Иванович Зеленин именовался просто «Шлюха». Некоторые из присвоенных прозвищ имели как видно основание называться по родословной, например: «Левушковы». В своей родословной эта семья имела дедушку, которого звали Лев Романович. Это был довольно крепкий старик, с прекрасной памятью, один из долгожителей села Усть-Качки, умерший в возрасте ста лет. По его имени все последующее поколение стало называться «Левушковы». Подобное основание в присвоении прозвищ видимо относилось и к другим семьям. Однако из этого правила были и исключения: в селе был некто Иван Яковлевич Зеленин, имевший в селе небольшую бакалейную лавку. В его обиходе до-

вольно часто употреблялось слово «именно», но его он полностью не произносил, а говорил только «менно», откуда его семья получила прозвище «менно», которое и употреблялось в повседневных разговорах, когда это касалось данной семьи.

Так в селе и принято было в упоминаниях о той или иной семье или главе семьи употреблять не «Николай Иванович Зеленин», а просто «Мишагин». Или не «Нюра Зеленина», а «Нюра Мишагина», причем такими были разговоры не только среди взрослых, но и среди детей, которые привыкали к этому, с того момента, когда овладевали «русским языком».

Лишь весьма немногие жители имели другие фамилии, это были: «Вяткины, Губины, Низовцевы, Соснины, Путиловы», но таких было немного, и поэтому они в обиходе не меняли своих фамилий, т.е. не имели «прозвищ».

В целях изыскания рабочих заработков, некоторые жители в зимний период уезжали «На отхожие промыслы» в г. Пермь, где занимались на своих лошадях извозом - как говорили «Работали в ломовой», что означало, что они перевозили разные грузы, в различных организациях – особенно в торговых фирмах, в некоторых промышленных предприятиях и тому подобное.

Впрочем были и такие семьи, которые извозом занимались не только сезонно, но и постоянно. Так, семья братьев «Маланьиных», состоявшая из четырех взрослых братьев, в составе семей которых одно время насчитывалось двадцать два человека, и живших под одной крышей. Двое из братьев этой семьи постоянно работали в «Ломовой», имели в Перми свой дом. В летний период они приезжали в Усть-Качку лишь в разгар полевых работ - в весенний период и на уборку сена и хлебов. Такие отхожие промыслы значительно пополняли семейный бюджет, что разумеется было большим подспорьем.

Впрочем, упоминая о всяких побочных заработках, которыми занимались Усть-Качкинцы, нужно заметить, что в этом сказывалось их трудолюбие. Большинство жителей стремилось благоустроить свои жилища (одни приукрашивали дома, другие создавали крытые дворы, делали наружную обшивку домов и покраску их). Внутри дворов укладывали булыжник, который на

берегу Камы собирали в избытке, таким образом двор был мощный.

Особенно старались устроить «вторую избу», где обычно в летний период размещались «дачники».

Несмотря на малоземелье в каждом крестьянском дворе, помимо зерновых культур (ржи, ячменя, овса, пшеницы, гороха) сеяли лен. Льноводство издавна было привито, как неперенное занятие в крестьянском дворе. Эта культура обрабатывалась исключительно женским трудом, начиная с его уборки в поле. После уборки льна, шла целая серия отдельных видов обработки льна – обмолот, расстил льна, мялка льна, трепание льна, чесание льна и последующие работы: пряжа льна, а вот после этого, устанавливались «красна». Это своеобразный агрегат, с помощью которого из льняной нитки ткали, получая прекрасный холст, который в каждом дворе был также необходим как и хлеб. Льняное семя в основном шло на выработку масла, которое в каждой семье было неотъемлемой частью продуктов питания. Помнится, что это масло было ароматичным и прекрасным по своим вкусовым качествам.

Как уже говорилось выше, упомянутая работа со льном была на плечах женщин и девушек, которые сначала зимнего периода и до весны занимались его обработкой. Некоторые виды работ со льном было принято выполнять коллективно. Обычно в зимний вечер, желающие принять участие в таком коллективе собирались в какую-нибудь избу с пряжами и пряли лен. Такие сборища назывались «субпрятки – посиделки». Здесь каждая женщина или девушка старались сделать одна больше другой и дать самую тонкую нитку. Это своего рода было соревнование. Субпрятки сопровождалась беседами, а в большинстве песнями. Так длинная морозная уральская зима у женщин проходила в далеко не легком, но необходимом труде, развивая в них прилежание к труду и стремление к своего рода искусству. Холст в крестьянской семье являлся необходимым, поскольку из него шили сарафаны, шаровары, юбки, рубашки, и т.п.

Мужское население в этот период занималось заготовкой дров, вывозкой их с места рубки, подвозкой сена с лугов и соломы с гумна в свои дворы.

Особое время обычно по первопутку (ноябрь-декабрь), отводилось вывозке навоза из дворов на поля. После зимнего периода навоз вывозился второй раз в году в конце мая-начале июня, т.е. после проведения весеннего сева.

Навоз в те времена был единственным удобрением полей, поэтому данной работе в каждом дворе отводилось время. В большинстве вывозка навоза производилась «Помочами», когда несколько хозяйств объединялись, благодаря чему в течение одного дня весь навоз со двора был вывезен. Затраченный труд всегда себя оправдывал. На удобренных землях урожай, был отменным.

В Усть-Качке было «Земельное общество», которое объединяло непосредственно Усть-Качку и деревни («Одина» и «Замельница»). По мере надобности созывались сходы, где решались жизненно-важные для общества вопросы. Так сельским сходом еще в 1878 году было принято решение о постройке школы, которая в центре села стоит до сего времени. Позднее - также была выстроена общественная мельница, возле которой образовалось поселение, получившее название «Замельница».

В 1913–1915 гг. был выстроен кирпичный сарай, в продукции которого население крайне нуждалось. Выработка кирпича производилась силами населения только в летний период и обеспечивала потребности всего общества.

После революции, (точно не помню), но видимо в 1919-1920 гг. у кого-то из жителей возникла мысль зажечь в селе лампочку «Ильича». Эту инициативу поддержали большинство на сходке и приняли решение приобрести ДИНАМО-машину, которую купили где-то в Перми и установили на мельнице. От водяного колеса Динамо-машина, вращаясь, вырабатывала электрический ток. Силами того же общества были поставлены столбы, а по ним протянута проволока и лампочка «Ильича» загорелась в Замельнице и в селе Усть-Качка. Это было одним из больших событий в жизни Усть-Качки в после революционный период и по существу большим торжеством.

Давно принято считать, что одной из первых в Пермской губернии лампочка «Ильича» в деревне загорелась от электростанции «Гарюхалиха», что в Оханском районе. Верно, что «Га-

рюхалинская» станция была построена в сельской местности одной из первых в нашей губернии, но лампочка «Ильича» там загорелась позднее, чем в Усть-Качке.

Среди жителей села были отдельные семьи, о которых хотелось бы сказать особо, вот семья Зеленина Ефима Ивановича и его супруги (второй) Натальи Алексеевны. У них в семье было шесть сыновей и три дочери. Семья многодетная, но земельный надел у Ефима Ивановича был не большой. В хозяйстве имелась одна рабочая лошадь и две коровы. Семейная обстановка сложилась так, что необходим был побочный заработок и вот Ефим Иванович устраивается «Бакенщиком» для обслуживания знаменитой матушки - Камы. В его обязанность входило в течении всего навигационного периода расставлять баканы, указывающие путь речным судам или как принято говорить у речников показывать «Фарвахтер реки». С наступлением сумерек на каждом бакане требовалось ставить керосиновые фонари соответственно на красном бакане «Красный фонарь», а на белом бакане «Белый фонарь. С рассветом фонари требовалось убирать.

Участок обслуживаемый Ефимом Ивановичем, составлял примерно пять километров. Выше села он начинался чуть выше устья реки Сюзьва, а по течению реки у «Незабудки» [112]. Средством передвижения у Ефима Ивановича, была двух весельная лодка, борта которой наружной стороны были окрашены в красный цвет, что означало, что эта лодка имеет «Служебное назначение», а не просто любительская или рыбатская. Помимо обслуживания баканов, которых на этом участке было три пары, требовалось обслуживать также «Привальные» - перекатные столбы. Эти столбы устанавливали на крутых изгибах реки на высоком берегу, когда фарвахтер меняет свое направление от одного берега к другому или когда в данном месте имеется перекат, в таких случаях, путем опознавательных знаков на столбе указывается глубина переката. В ночное время на этих столбах также зажигались огни. С помощью таких указателей судоводитель в любое время суток имел ориентир ведения судна, что обеспечивало безаварийное судовождение. Не трудно представить каков труд был бакенщика, который с ранней весны и до поздней осени должен был два раза в сутки бывать у каждого бакана и привального столба, чтобы установить фонари или уб-

рать их, для чего требовалось на весельной лодке ежесуточно преодолеть путь в пределах до двадцати километров.

Однако случалось и так, что в неуказанное время баканщик выезжал для устранения аварий, случавшихся после того, как проходившее судно задевая бакан сдвинуло его с места, после чего его требовалось поставить на прежнее место. В таких случаях суточный пробег лодки баканщика увеличивался. Следует добавить, что работа баканщика каждый раз менялась, в зависимости от состояния погоды. Часто случалось, что Кама бушевала – ходили гребни – лил проливной дождь, а баканщик должен выполнять свои обязанности в срок. Не легкой и трудной была работа Ефима Ивановича, а если к этому добавить, что он еще имел земельный надел и, следовательно, обрабатывал землю, то станет ясно, что это человек был «Героем своего времени». После того, как подросли сыновья, труд Ефима Ивановича заметно облегчился. Работа баканщика за этой семьей оставалась несколько десятилетий. Подрастая, дети Ефима Ивановича, учились в школе, которая от их дома находилась как принято говорить в «двух шагах». Все дети получили начальное образование. Семья была дружной и трудолюбивой, старшие сыновья Павел и Григорий помогали отцу в обслуживании баканов. Дочери были надежными помощницами матери.

С приходом Октябрьской революции, сыновья Ефима Ивановича, Павел и Григорий, а также дочери Мария и Лидия были активными участниками в общественной жизни. С организацией союза молодежи в селе Усть-Качка, Павел, Григорий, Мария и Лидия, были одними из первых в числе членов союза молодежи. Все они участвовали в постановке спектаклей, причем к выполнению ролей относились со всей серьезностью. Помнится мне, пишущему эти строки, такой эпизод. По установившейся традиции, члены союза молодежи, участвовавшие в драмкружке, постановке спектаклей, занимались не только в своей школе, но и выезжали в соседние деревни – Качку, Хмелевку. Большинство пьес, разученных к постановке были из репертуара А.Н. Островского. С такой постановкой однажды зимой на трех лошадях мы поехали в Качкинскую школу. Разумеется, ехали с присущей молодежи, задором и веселостью.

Одна из лошадей, которой управлял Павел Ефимович, начала отставать от других и он решил её подстегнуть. После удара возжами, лошадь нанесла задними ногами ответный удар Павлу Ефимовичу. Я, и еще несколько человек ехали в этих санях. Мы сразу обратили внимание, что с Павликом что-то не ладно, а вскоре заметили кровь на его губах и одежде, говорить он ничего не мог, мы все были перепутаны о случившемся, однако решили все же ехать вперед, т.к. до школы оставалось не далеко. Остановившись у школы, мы под руки вывели Павлика. Учительницы школы, куда мы вошли, сестры Козырины – Софья Александровна и Ольга Александровна, оказали первую помощь. Проверка показала, что у Павлика нет пяти зубов – три верхних и два нижних (передних). Разумеется, о постановке спектакля не могло быть и речи, и тем более, что Павлик выполнял одну их ведущих ролей. Настроение у всех было подавленное и мы решили немедленно возвратиться домой, объявив, что спектакль не состоится. В дороге завели разговор, кто и как сообщит о случившемся родителям Павлика.

Разговор с родителями было поручено вести мне, как старшему, возглавляющему группу кружковцев. Было обусловлено, что мы заработаем средства для вставки зубов. Подъехав к воротам Ефима Ивановича, (это было часов около девяти вечера) мы, несколько юношей и девушек вместе с Павликом вошли в дом Ефима Ивановича. Сам Ефим Иванович был уже в постели – лежал на полатах. Однако, когда мы вошли в дом, его насторожило, то, что мы рано возвратились, и поэтому он задал вопрос «Почему мы не доехали до Качки?». Такой вопрос для нас был неожиданным. Собравшись с мыслями мы ответили, что дорогой Павлик что-то заболел, поэтому возвратились. Ефим Иванович спустился с полатей и спросил: – «Пашка, что с тобой?» – Ответа не последовало. Павел только шепелявил. В разговор включилась мать, до сего времени сидевшая за прялкой. Она сразу увидела кровь на одежде и энергично начала допросы. Пришлось сказать что, как было. Родители довольно крепко были обижены – немало ругали своих детей-любителей сцены, а позднее попало и нам, которые здесь присутствовали. Решили, что фельдшера (в селе был фельдшерский пункт) сегодня можно

не вызывать, т.к. боль утихла и кровь больше из десен не сочилась.

После веских эпитетов в наш адрес со стороны Ефима Ивановича мы как-то пытались оправдываться, а затем со всей серьёзностью заявили, что мы как члены союза молодежи будем зарабатывать средства, чтобы зубы Павлику вставить. После успокоения в семье, мы вышли из дома. Будущее показало, что мы сдержали свое слово и заработали деньги от спектакля для вышеуказанной цели. В семье Ефима Ивановича от первого брака было трое детей – дочь Раиса Ефимовна и сыновья Василий Ефимович и Иван Ефимович. Вскоре, после смерти матери, они отошли от дома и жили самостоятельно. Дочь, Раиса Ефимовна вышла замуж и вместе с мужем уехала на Камчатку, где и жила до смерти.

После второго брака в этой семье были:

Дочь – Анна, Мария.

Сын – Павел, Григорий, Андрей.

Дочь – Лидия.

Сын – Анатолий, Николай, Василий.

В настоящее время из этой семьи живут и здравствуют: Мария, Лидия и Василий. Всех остальных уже нет в живых, причем двое из братьев Андрей и Анатолий погибли на фронтах отечественной войны.

Братья Григорий Ефимович и Василий Ефимович, после Октябрьской революции получили среднее образование и работали первый - литератором в редакции Краснокамской газеты «Звезда», а второй учителем в Усть-Качке. В данное время Василий Ефимович находится на пенсии. Своих детей у Василия Ефимовича не было, он усыновил и воспитал приёмных детей: Зину, которой было восемь лет и Николая в возрасте 3 лет. Тот и другой получили образование.

Работая с малых лет на реке Григорий Ефимович получил простудное заболевание, в связи с чем его здоровье было сильно подорвано, в этом отдавал он себе отчет, о чем в одном из стихов с сожалением писал. Мне удалось сохранить это стихотворение, вот оно:

«Раздумья у реки»

Я снова встречаю весенние зори
И слышу гусей, улетающих в даль.
С тоской обнимаю сирень на угоре
И яблонь, одетую в снежную шаль.
 Умчится за лес говорливая стая,
 Но в небе звенит ее радостный зов,
 Расстратил я силы, по свету скитаясь,
 И юность моя не повторится вновь.
Одрябло все тело, повысохли ноги,
И только глаза не тускнеют одни.
Сию я над Камой, как сыч одинокий,
Свои доживая последние дни.
 Гляжу на реку, на кудрявые лозы,
 А ветер мне шепчет: «прощись, не забудь»
 Из глаз моих льются горячие слезы
 И капают на тощую впалую грудь.
В пути, обгоняя плотов караваны,
Спешат на Москву голубые суда,
Летят самолеты в далекие страны,
Но мне от реки не уйти никуда.
 Когда соловей свои песни отсвищет,
 В колхозах Прикамья цветы отцветут,
 Мой труп земляки отнесут на кладбище,
 Горячие ветры следы заметут.

Г. Зеленин. Село Усть-Качка.

С большой горечью приходится вспоминать о безвременной кончине дорогого Гриши.

Ефим Иванович умер в возрасте 64 лет в 1922 году, а его жена Наталья Алексеевна умерла в возрасте 66 лет в 1935 году.

Из состава этой семьи, кроме Василия Ефимовича, в данное время в Усть-Качке живут Мария Ефимовна, овдовевшая в 1953 году. Она вырастила и воспитала большую семью. Там же живет и младшая сестра Лидия Ефимовна. Детей у неё не было и семейная жизнь сложилась не удачно. С открытием в селе ку-

рорта Лидия Ефимовна поступила туда на работу. Откуда и вышла (на) пенсию.

Примечательно, что обе сестры несмотря на свой возраст и все житейские невзгоды, до сих пор не состарились душой. И всегда активно принимают участие в художественной самодеятельности села. В этом сказывается их привязанность к общественной деятельности с тех пор, как они на пороге юношества принимали участие в работе союза молодежи.

Хотелось бы упомянуть еще об одной семье, главой которой был Алексей Семенович Зеленин, его жена Александра Михайловна. В составе их семьи были:

Сыновья: Степан, Александр, Семен, Иван, Евгений.

Дочь: Анна.

Обыкновенная крестьянская семья была дружной и трудолюбивой. Жили они в доме на односторонней улице, тянувшейся по берегу Камы, в нижнем конце. Старший, Степан Алексеевич, в след за женитьбой был отделен и начал жить самостоятельно, во вновь выстроенном доме. В первые годы Советской власти он был одним из первых председателем сельсовета, а позднее при организации колхозов, председателем колхоза. Степан Алексеевич жив и по сей день, ему 95 лет, живет он с дочерью в прежнем доме. Весной 1978 мне довелось с ним встретиться. Меня поразила его память — некоторые события, относящиеся к первым годам революции, до подробностей он помнит хорошо. Несмотря на то, что мы с ним не встречались более 30 лет, он меня сразу узнал и назвал по имени и отчеству.

Второй сын, Александр, получивший образование в сельскохозяйственном училище, работал агрономом. В Отечественную войну погиб на фронте. Семен Алексеевич окончил счетоводные курсы и вначале работал счетным работником, а затем диспетчером на заводе им.Свердлова в г. Перми. Иван Алексеевич, запомнившийся как заядлый гармонист, оставался в хозяйстве и занимался земледелием. По состоянию здоровья он не был в Армии в годы Отечественной войны, но был в трудовой Армии и выполнял должность бригадира в рыболовецкой артели, созданной при одном из военных заводов. Самый младший сын Евгений был довольно любознательным юношей. При организации союза молодежи

жи, будучи учащимся Усть-Качкинской начальной школы в 1917 году вступил в этот союз молодежи и был его энергичным членом. В числе первых сельских юношей из села Усть-Качки в двадцатых годах он поступил в землеустроительный техникум, по окончании которого работал начальником районного управления по землеустройству. Несколько позднее Евгений Алексеевич окончил Московский межевой институт, по окончании которого работал директором животноводческого совхоза (в Челябинской области, а затем, переехав в г. Пермь, работал начальником отдела землеустройства при Губернском (областном – О.Г.) управлении сельского хозяйства. Одновременно по совместительству в качестве преподавателя вел работу в Пермском сельхозинституте. Из облсельхозуправления Евгений Алексеевич по старости лет вышел на пенсию. Вскоре, по выходе на пенсию, Евгений Алексеевич умер. Два сына Евгения Алексеевича и дочь получили высшее образование. Сыновья – инженеры работают в Москве в научно-исследовательских институтах. Дочь работает педагогом в пединституте.

Дочь Анна Алексеевна была самой младшей в семье. Она была общей любимицей, пользовалась вниманием со стороны своих братьев. Девушка была скромной, одной из успевающих в школе. Так же как и братья, тянулась «к знаниям». Одной из первых сельских девушек в двадцатых годах, поступила учиться в гор. Пермь. Здесь она окончила химико-технологический факультет при госуниверситете, после чего ряд лет работала ассистентом по химии в пединституте и сельхозинституте. Позднее она возглавляла на одном из заводов химлабораторию. В данное время Анна Алексеевна на заслуженном отдыхе, живет в г. Калининграде у своей дочери. В числе первых девушек села Усть-Качки она состояла членом союза молодежи, была очень активной и интересующейся происходящими событиями в те времена. Одно время исполняла работу библиотекаря, энергично участвовала в работе по ликбезу.

Некоторое время сторожем школы в селе Усть-Качка состоял Зеленин Елисей Дмитриевич, в простонародии его звали «Елёса». Это был мужчина выше среднего роста в возрасте более 50 лет с большой окладистой, с рыжеватым оттенком боро-

дой, с такими же усами. Он был неграмотным, неграмотной росла и его дочь Дуня. В зимний период учебного года сторож каждый день топил в школе печи, мёл полы, убирал снег на дорожке при входе в школу. Зимой он ходил в дубленом полушубке, светлорыжевато-го цвета, на голове была шапка из заячьей шкуры, на ногах большие «кухмарские» валенки [113]. Поверх полушубка он носил ремень, к которому была пришита скоба. В эту скобу закладывался топор, который всегда сопровождал «Елёса» в его дороге от дома до школы и обратно.

Отопление школы было печное, поэтому «Елёса», приходя на работу, носил на верёвке через плечо дрова со школьного двора и укладывал их довольно порядочными кучками у каждой печки. После заготовки дров, приступал к топке печей. Весь зимний вечер он проводил то у одной печки, то у другой, а когда в школу собиралась молодежь для бесед, чтения книг и на очередную репетицию, «Елёса» садился в уголок за парту, внимательно слушал о чем говорилось, время от времени высказывал свои реплики. После того как все заканчивалось и молодежь расходилась по домам «Елёса» в одном из классов расстилал на полу принесенный из дома войлок, под голову ложил нечто вроде подушки, укрывался своим немудрым полушубком и под завывание ветра в трубах печей предавался сну. В его же обязанности входила заправка керосиновых ламп. Электричество отсутствовало и поэтому классные комнаты освещались висячими 30-линейными керосиновыми лампами «Молния». Утром он подметал в классах и в коридоре, после чего помещение школы было готово к принятию детворы. Для мытья полов в школу раз в неделю приходила его дочь Дуня. Это была высокая стройная, могучая девушка, которой под силу было переставлять школьные парты. Когда был объявлен ликбез, Дуня одна из первых села за парту и удовлетворительно закончила курс обучения. Дуня до сего времени живет в Усть-Качке. Хозяйство «Елёсы» было не большое, в подушном наделе у него имелось три переезда пашни, была лошадь и корова, поэтому жалование, которое он получал от школы в размере 5 рублей в месяц, для него не было лишним.

В летний период, когда наступала пора рыбной ловли неводом, «Елёса» возглавлял артель рыбаков. В числе членов артели были мужчины средних лет, была и молодежь, если она отвечала требованиям. Нужно было иметь высокий рост, физически быть развитым, выносливым, и смелым. Эти требования диктовались условиями работы. Рыбаки неводом уезжали на двух лодках, причем одна из которых была большая, в которой укладывался невод, а вторая малая лодка, в ней находились доспехи рыбаков и провизия. Выезд из дома как правило сначала был вверх по Каме на расстоянии до 40 километров, а затем в процессе ловли рыбаки спускались по течению реки до пристани Усть-Нытва. Такие выезды происходили в течении 3-4-х дней. Каждый член артели имел пай в неводе, этот пай составлял 10 «маховых» сажень [114] и общей сложности длина невода составляла 120 «маховых» сажень, причем кроме того в середине невода вставлялся «частик с мотнёй», куда заходила вся рыба, окруженная неводом и в таком виде пританивалась [115] к берегу. Всеми операциями по этой ловле руководил «Елёса». Как правило он сидел за рулём в большой лодке и отдавал все указания – в каком месте начать выкидывать невод из лодки, с какой скоростью нужно грести, когда нужно выпрыгивать из лодки, чтобы в руках держать «верхнюю тетиву». Лодка между тем, управляемая «Елёсой» делала на реке большой круг и поворачивала к берегу для пританивания. «Елёса» знал места на Каме, где можно было закидывать невод и где удобно было пританивать. Дело в том, что дно Камы во многих местах было засорено топляками, кое-где оказывались большие камни; утерянные лоты и якоря. В таких местах было рискованно закидывать невод, т.к. его можно было сильно изорвать или же оставить на дне реки, если в этом месте была большая глубина. «Елёса» знал так же в какое время суток лучше начинать рыбную ловлю. Нужно сказать, что он редко ошибался в своих «прогнозах», поэтому среди членов артели пользовался авторитетом - его распоряжения и команды всеми выполнялись безоговорочно.

Все члены артели в полной мере удовлетворяли потребность своих семей в рыбе. Излишки рыбы продавали на проходящие пассажирские пароходы.

В семье «Елёсы» был сын Михаил, младший брат Дуни, речь о котором будет несколько ниже.

Будучи расположенным на красивом берегу Камы и окруженным как с верхней части, так и нижней части прекрасным сосновым бором, село Усть-Качка привлекало в летний период много отдыхающих, которых здесь было принято называть «дачники».

В числе дачников были жители г. Перми и Екатеринбурга (ныне Свердловск), были также приезжие из Чебоксар и Петербурга (Ленинграда).

Дачники по своему сословию были: учителя, воспитатели, преподаватели средних и высших учебных заведений. Приезжали и профессора, были также и служащие из разных учреждений г. Перми. Многие дачники приезжали в мае месяце и возвращались домой во второй половине августа. Практически дачники весь летний период проводили на лоне природы. Некоторые из них близко сживались со своими хозяевами и брали местное население под своё влияние. Так например, в течение долгих лет на отдых Усть-Качку приезжал учитель одной из школ г. Перми Шулепов Василий Михеевич. В двадцатые годы Шулепов был организатором и руководителем известного в Перми детского учреждения «Муравейник». Вместе с учителями местной школы Шулепов В.М. проводил среди молодежи культурно-массовую работу и вовлекал юношей и девушек в общественную жизнь, используя при этом также других учителей, приезжавших на летние каникулы домой – Зеленина Ивана Петровича и Мышкина Владимира Александровича.

Однажды Шулепов организовал постановку спектакля. Местом представления было избрано гумно, расположенное в верхнем конце села, это примерно там, где сейчас находится быткомбинат, обслуживающий курорт. Здесь была создана импровизированная сцена и зал. Спектакль прошёл весьма успешно и довольно удачно; заинтересовал не только молодежь, но и большую часть всего населения села. Это было начало большой работы сельской молодёжи. Присутствие в селе приезжих из города дачников, заметно оказывало хорошее влияние на местное население. Многие из них почувствовали необходимость

быть грамотными, появилась тяга к знаниям. Замечалось, что молодёжь, как юноши, так и девушки стали больше общаться с культурными людьми. Очевидно, этим следовало объяснить и то, что после свержения самодержавия в селе заметно оживилось движение вперёд. Особое место в жизни села ко всему передовому принесла Великая Октябрьская революция. Село словно переродилось, к этому времени в село возвратилось несколько солдат с фронта войны с Германией.

В числе возвратившихся с фронта летом 1917 г. был молодой солдат Зеленин Михаил Елисеевич. Первое время он выдавал себя за «отпускника». Отпуск он якобы заслужил за какие-то особые услуги. Однако, как он рассказывал позднее, его уход с фронта был вызван тем, что войну с Германией он считал бессмысленной и что на фронте среди солдат развивается стремление к сложению оружия.

К этому времени сельская молодёжь, объединённая в драмкружок, увлекалась постановкой спектаклей. Так как в селе, кроме школьного здания не было никаких других помещений, где можно было бы созывать собрания, проводить какую-то культмассовую работу, то все мероприятия проводились в начальной школе, которая состояла из двух классных комнат размером одна в пределах до 30 кв. метров, а вторая до 40–45 кв. метров, кроме того был небольшой коридор, за капитальной стеной располагалась квартира для учителя.

Сбор молодежи для проведения репетиций проводился до двух раз в неделю, причём сюда приходили не только участники, но и другая молодёжь, которая в какой-то степени имела тяготение к общественной жизни. Зачастую здесь проводились беседы на тему происходящих событий, об организации союза молодежи, о путях преобразования села и некоторые другие.

На одном из очередных сборищ молодёжи в школе был серьёзно поставлен вопрос о необходимости организовать, с этой инициативой выступил Мышкин Владимир Александрович. Зеленин Михаил Елисеевич к этому времени был уже частым посетителем драмкружка, в котором он уже принимал активное участие. И вот когда возник вопрос об организации союза молодежи, он этот вопрос активно поддержал, одним из первых вступил в его члены. На первом организационном собрании

в члены союза молодежи было записано до десятка человек. И среди них: Зеленин Николай Григорьевич, Зеленин Михаил Елисеевич, Низовцев Иван Григорьевич, Соснин Николай Сергеевич, Мышкин Николай Александрович, Зеленина Парасковья Дмитриевна, Зеленин Александр Павлович, Зеленин Павел Ефимович, Мышкина Мария Александровна, Зеленина Мария Ефимовна и др.

В союз молодежи принимались юноши и девушки с тринадцатилетнего возраста. Были установлены взносы вступительные и членские. И каждый вступающий член обязан был внести соответствующие суммы. Для руководства работы союза молодежи было избрано правление, первым председателем союза молодежи был избран Зеленин Михаил Елисеевич.

Вскоре после организации союза молодежи в Усть-Качке был организован союз молодежи в деревне Качка. Здесь инициаторами организации союза молодежи были учительницы местной школы Козырина Софья Александровна и Ждакина Зинаида Александровна.

Вновь организованный союз молодежи быстро завоевал авторитет среди юношей и девушек. Работа в драмкружке стала уже недостаточной, поэтому было принято решение об образовании хорового кружка, а так же было принято решение об издании молодежной газеты «Усть-Качкинская жизнь».

Была избрана редколлегия, в которую вошли Зеленин Н.Г., Низовцев И.Г., Зеленин Н.Е., Зеленина П.Д. Возглавлял редколлегию Мышкин В.А.

Формат газеты был установлен в развёрнутый писчий лист, размножение газеты производилось на шапирографе, который был для этой цели куплен на средства союза молодежи. В газете затрагивались разные темы, однако преобладающей темой были статьи под рубрикой «В знании – сила», где довольно пространно говорилось о том, что далеко не достаточно быть грамотным, а в то время эта грамота понималась в пределах начальной школы, и что необходимо стремиться к повышению образования в средних и высших учебных заведениях. С приходом власти большевиков такая возможность предоставляется всей молодежи и поэтому задача состоит в том, чтобы определить себя по

какому жизненному пути ты должен идти, и в зависимости от этого получить надлежащее образование. Как самые близкие к сельскому населению профессии в газете назывались: землеустроители, учителя, агрономы. Одной из первых ступеней для продолжения своего образования по тому времени была сеть таких учебных заведений, как «рабфак», куда и рекомендовались желающие продолжать образование поступать, помимо этого в газете печатались статьи на тему о поведении молодежи, о привлечении молодежи к общественному быту и т.д. В газете также освещались политические моменты, некоторые материалы из губернских газет. Газета всегда была содержательной и интересной, поэтому она охотно раскупалась местным населением. Средства на издание газеты и другие расходы составлялись в основном от продажи билетов на спектакли и концерты, и сборов членских взносов. В размножении газеты принимали активное участие многие члены (союза) молодежи. К сожалению, долго существовать газете было не суждено, выпуск её был приостановлен из-за отсутствия бумаги, которую в то время достать было не только трудно, но просто не возможно. Организованный драмкружок в своём репертуаре имел пьесы Островского А.Н., Чехова А.П. Среди пьес, которые были разучены и поставлены были: «Бедность – не порок», «В чужом пиру похмелье», «Не в свои сани не садись», «Не так живи, как хочется» и «Водевили» Чехова. Перед разучиванием ролей как правило вся пьеса зачитывалась перед кружковцами, обсуждались роли действующих лиц, а так же их отрицательные и положительные стороны; затем намечались исполнители ролей, которые каждый для себя переписывал роли и приступал к их заучиванию.

Подбор пьесы для постановки и разучивания, было поручено производить учительнице местной школы Ширинкиной Лидии Владимировне. К этой работе она относилась со всей ответственностью – с учётом сил и других возможностей, при наличии которых спектакль мог быть поставлен.

Как правило, Лилия Владимировна, как говорилось выше, перед собравшимися зачитывала всю пьесу от начала до конца, с соблюдением интонации, мимики и, соответствующих, по ходу действия, движений. Это давало возможность слушателям – будущим исполнителям, иметь полное представление о данной

роли, что в значительной степени облегчало разучивание роли и передачу типа по смыслу автора пьесы. Необходимо сказать, что Лидия Владимировна за время своей работы в школе, много времени и сил отдавала молодому поколению. Не было такого мероприятия во вне школьной работе, в котором она не принимала бы самое горячее участие. Справедливости ради следует сказать, что Лидия Владимировна была прекрасным чтецом-декламатором.

За время своей работы в Усть-Качкинской школе, что составило более трех десятилетий, Лидия Владимировна выучила и воспитала не одну сотню молодежи. Думается, что у большинства ее воспитанников до сего времени о ней сохраняются самые благодарные чувства. В работе с молодежью она и сама становилась молодой душой, и такие свои чувства передавала окружающим.

Наряду с этим начал свою работу и хоровой кружок, который привлёк наибольшую часть молодежи и лиц, более зрелого возраста. Одними из любимых песен, которые включил в репертуар хоровой кружок, были русские народные песни, революционные песни и в их числе «Интернационал», «Варшавянка», «Марсельеза» и многие, многие другие, которые в то время пользовались большим успехом и с желанием воспринимались слушателями. Струнный оркестр балалайки и гитары сопутствовали хоровикам.

Все мероприятия по постановке спектаклей, устройству концертов проводились в стенах школы, о которой мы упоминали выше. Каждый раз перед тем, как проводить мероприятия, в большом классе школы устраивалась сцена, навешивался занавес и устанавливалось всё необходимое. Разумеется, что помещение явно не удовлетворяло, как правило мест всегда не хватало, а так как желающих посмотреть и послушать было очень много, то многие присутствовавшие вынуждены проводить время стоя на ногах возле стен.

Большую поддержку в работе союза молодежи оказывали взрослые односельчане: Зеленин Василий Сергеевич, Соснин Сергей Николаевич, Зеленин Семен Иванович, Зеленин Николай Григорьевич, а так же некоторые другие.

Позднее, будучи членами партии, Зеленин Василий Сергеевич был избран в состав Пермского уездного исполнительного комитета, а Соснин Сергей Николаевич возглавлял сельский комитет бедноты.

Помимо школы, как культурного учреждения в селе, была библиотека, которая организовалась в 1908 году и первое время она размещалась в доме учителя Зеленина Ивана Петровича. Через некоторый промежуток времени библиотека была переведена в другое помещение – в дом местного крестьянина Зеленина Семёна Ивановича.

Эти лица в свое время привили многим жителям села любовь к книгам и особенно детям. С приходом Советской власти библиотека преобразовалась в избу-читальню, где проводились мероприятия более широкого масштаба, т.е. не только выдача книг, но и громкие читки газет, проведение бесед и т.п. Некоторое время избой-читальней заведовала Зеленина Анна Алексеевна, член союза молодежи.

После того, как было объявлено о проведении «Ликбеза», среди сельского населения оказалось много желающих научиться грамоте, наибольший процент неграмотных был среди женщин. За парту сели женщины среднего и пожилого возраста, наряду с ними были более пожилого возраста и мужчины. Все они школу посещали с большим желанием, заинтересованностью, но отсутствие бумаги, карандашей и других учебных принадлежностей, в виде недостатка букварей, осложняли эту работу. Однако находили выход из положения, например: чернила заменялись свекольным соком, пишущую бумагу, вырезкой полей из газет и журналов. Несмотря на все трудности учеба проводилась и желаемое было достигнуто. В качестве учителей по «Ликбезу» принимали участие учителя и активисты из числа союза молодежи. И в том числе Зеленина А.А. и Мышкина М.А.

Нет сомнения, что организованный союз молодежи, оказал большое влияние на молодежь села т.к. он проводил целый ряд мероприятий под лозунгами «В единении – сила», «Один за всех и все за одного», «В знании – сила», и что большинством эти лозунги воспринимались с большим энтузиазмом. Достаточно сказать, что уже после первого года существования союза молодежи, приняли решение о повышении образования такие члены

союза как: Зеленин Александр Павлович, Зеленин Григорий Михайлович, Зеленин Григорий Ефимович, Зеленин Евгений Алексеевич, Зеленин Александр Иванович, Зеленина Анна Алексеевна и многие, многие другие.

О некоторых из них мы уже упоминали, что получив среднее и высшее образование они занимали высокие должности и работали в разных советских учреждениях.

Период существования союза молодежи Усть-Качки со дня его образования и до декабря 1918 года запомнился как лучший отрезок времени в нашей жизни. Это был период исканий, период разнообразной, интересной работы, период наилучших стремлений и поэтому он до сего времени остаётся светлым в нашей памяти.

Как известно, интервенты, решившие задушить молодую Советскую Россию, с разных сторон вели наступление на нашу Родину. С Востока двигался Колчак, в результате его действий в декабре месяце 1918 года был занят город Пермь и продолжалось наступление белых. Село Усть-Качка также было занято белыми, с приходом которых жизнь в селе быстро изменилась. Население было запугано, многие мужчины ушли, отступая с Красной Армией. Некоторые из оставшихся были взяты в белую армию. Многие юноши с первых же дней прихода белых приняли решение укрываться от белых – они жили в овинах и гумнах, в лесу, не выходили из домов, в ожидании возвращения красных. С приходом белых существование союза молодежи было парализовано. Местная власть распущена. Члены сельисполкома Зеленин Николай Григорьевич был арестован белыми. Одновременно были арестованы: Соснин Сергей Николаевич - председатель комитета бедноты, секретарь комитета бедноты - Зеленин Михаил Елисеевич, он же в то время был председателем союза молодежи. Все они были увезены в штаб белых в село Нижние Муллы, где без суда и следствия в первые же сутки были расстреляны и изуродованы. Это было в самом конце декабря месяца 1918 года. Тела их родственники привезли домой и захоронили в Усть-Качке за кладбищем, т.к. белые хоронить их на кладбище не разрешили. Трудно выразить то тяжёлое переживание, когда стало известно, что с этими, нашими замечатель-

ными земляками сделали белые Колчаковцы. Этот случай останется неизгладимым в нашей памяти и по сей день.

В начале сороковых годов тела погибших Усть-Качкинцев Зеленина Николая Григорьевича, Зеленина Михаила Елисеевича и Соснина Сергея Николаевича, по указанию местных властей, были перезахоронены в центре села у школы [116], где их могилы по сей день бережно охраняются, а память о них будет вечной.

В заключении воспоминаний, которые изложены в кратких чертах о селе Усть-Качка и о первых молодежных организациях, хочется надеяться, что данное поколение, нынешние члены союза молодежи села Усть-Качки будут гордиться своими предшественниками и будут свято чтить память о тех, кто погиб за Советскую власть в первые годы её существования и за тех, кто сложил свои головы на полях Великой Отечественной войны.

2 октября 1978 года

Н.А. Мышкин

**Выдержки из письма И.П. Зеленина
бывшему воспитаннику детского клуба
«Муравейник» Г.М. Двасу (28.02.1958 г.)²**

Многоуважаемый Густав Михайлович!

Письмо Ваше от 19/II с/г получил. Очень рад, если смогу сколько-нибудь быть Вам полезным. Память о Василии Михеевиче Шулепове и для меня очень дорога. Старые жители нашего села вспоминают его добрым словом, но к сожалению уже немного из Усть-Качкинцев осталось в живых, которые знали его лично.

С Василием Михеевичем я (лично) знаком с 1907 г. До этого времени я только слышал от учителей о его педагогической и общественной деятельности. Знал, что он активный работник по распространению народных чтений, заведует базой световых картин для волшебных фонарей (бывших тогда в большом ходу). Благодаря живой деятельности имя В.М. всем учителям уездного земства было известно.

И вот в 1907 году он с семьей приезжает во время летних каникул в наше село на дачу, где мы с ним с этого времени становимся знакомыми до конца его жизни. Родителя его Михаила Васильевича я не знал, его уже не было в живых, а мать Ульяну Ивановну до сих пор в своей памяти ясно представляю живой и бодрой старушкой. Прежние жители нашего села хорошо помнили и Михея Васильевича и Ульяну Ивановну. Приезжая в г. Пермь, останавливались у них на квартире, т.к. дом их был

² Оригинал документа хранится в Государственном архиве Пермского края (ГАПК, Ф.р-1210, оп.1, д.21). В публикации сохранены авторские стиль, пунктуация и орфография.

недалеко от рынка. Из рассказов Ульяны Ивановны, а также от наших Усть-Качкинских старичков я слышал, что Михей Васильевич был крестьянин, приехал жить в г. Пермь из одной северной губернии, по ремеслу был бондарь, делал деревянные кадки, ведра, бочки, в прошлом держал небольшой постоялый двор.

...

Будучи ... воспитателем технического жел. дор. училища он (В.М. Шуленов – О.Г.) и приехал отдыхать в наше село.

Здесь Василий Михеевич быстро познакомился с жителями села и с крестьянской молодежью. Интересовался их жизнью, прислушивался к их запросам. В это время из молодых немало было грамотных, т.к. школа в Усть-Качке существует с 1889 года. Чувствовалось тяготение к чтению. Книги можно было получить только в школьной библиотеке, но там было их ограниченное количество, да и не всегда можно было их получить, да к тому же потребность у населения становилась шире. Многим хотелось почитать газеты, знать новости, но не каждый мог выписывать газету, на это надо средства. Явилась мысль – как бы это сделать сообща. Вот здесь-то Василий Михеевич оказал громадную помощь населению, он научил каким путем можно будет удовлетворить население печатным словом. По его совету была произведена подписка на создание денежного фонда для организации библиотеки. Сельским сходом было постановлено ходатайствовать перед Пермским уездным земством об открытии бесплатной библиотеки-читальни. В марте м-це 1908 г. было получено извещение от Пермской Земской Управы, что губернской администрацией разрешено в с. Усть-Качка открыть просимую библиотеку-читальню.

Подлинник «Подписного листа» написанный Василием Михеевичем с вложением самым первым своей лепты в фонд библиотеки с его подписью до сих пор жив и хранится у меня, как памятник краеугольного камня нашей библиотеки. Так же цело и отношение Земства о разрешении библиотеки (оно находится в Краснокамском собезе). У меня то и другое сфотографированы, фотоснимки с которых я Вам посылаю (негативы сохранены).

Библиотека существует и до сих пор. В марте м-це 1958 г. ей исполняется 50 лет. По бумагам библиотеки она носит название «Библиотека Маяковского», но нигде этого не видно ни на вывеске библиотеки, ни в самой библиотеке, нигде это название не популяризировано и никто из читателей про это название не знает. У меня лично явилась мысль нельзя ли переименовать ее «Библиотека памяти В.М. Шулепова», приурочить это к дню 50-ти летия – 22 марта – 11 апреля (это день открытия). Но возможно ли это? Я человек старый, мне 75 лет, во многом считаю себя отсталым. Современных положений не знаю. Вот Вы, Густав Михайлович, человек молодой, со свежей сообразительностью, современный, житель столицы, будьте добры безпристрастно, высказать свое мнение, – можно ли это осуществить? И если возможно, то как? Что и кому нужно будет для этого предпринять. За всё это я буду Вам весьма благодарен и очень признателен.

Часто при разговорах о дачниках, живших по селам и деревням, Василий Михеевич с сожалением говорил, что они будучи людьми более образованными, уезжая из деревни не оставляют после себя ничего кроме сора, в виде оберточной бумаги, рваных кульков и кардонных коробок. Не этого требует от нас интеллигентных людей сознательность. Надо оставлять после себя след культуры, хорошего, полезного.

И вот он организует среди дачников любительский «драмкружок». В одном большом дворе устраивается для постановки спектакля сцена. К устройству сцены привлекается местная крестьянская молодежь, которая с большой охотой помогает во всем. Летом 1908 г. силами дачников, при самой живой деятельности молодежи ставится самый первый спектакль в Усть-Качке. Поставлена пьеса Островского «На пороге к делу». Василий Михеевич играет в роли «Школьного сторожа». Население, особенно молодежь с дачниками становятся ближе друг к другу. Чувствуется что-то одно общее.

В следующее 1909 г. лето ставится ряд спектаклей из пьес Островского, Гоголя, Чехова, где центром всего объединения и организации всё тот же Василий Михеевич. Теперь молодежи уже дают небольшие роли, многие выступают на сцене. Как об-

лагораживающе это действует на молодежь, от которой теперь не слышно не только вульгарных и похабных слов, но даже и грубых. В обращении стараются быть вежливыми и услужливыми.

1910 г., лето. Организуется «Драм.кружок Усть-Качкинской крестьянской молодежи», которым руководит Василий Михеевич. Ставится первый «сезонный» спектакль из пьесы Островского «В чужом пиру похмелье» силами местной крестьянской молодежи. Спектакль ставится с благотворительной целью – вырученные деньги идут в пользу «Приюта-колонии бедных сирот детей». С этой же целью принаравливается катанье на пароходе «Почетный гражданин» до Усть-Качки. Пермская городская публика идет посмотреть на деревенский спектакль, поставленный деревенской крестьянской молодежью. Спектакль ставится в крестьянском гумне (теперь на том месте стоит столовая курорта). Переклады, балки и столбы в гумне декорированы деревенскими половиками, украшены пихтовыми гирляндами. В риге – гримерочная, перед ригой – сцена, украшенная крестьянскими гербами: на одной стороне, возле занавесы «Молотило (цеп), серп, грабли с метелкой и овсяный сноп», на другой стороне занавесы: «Литовка (коса), грабли, вилы и вязанка клеверу (травы)». Долонь (молотильный ток) был зрительным залом, в одной из мякинниц помещался духовой оркестр, в другой чайно-закусочный буфет. Помещение гумна не могло вместить всей публики. В один из антрактов спектакля пред гумном на открытом месте были сфотографированы артисты в гриме и приезжая из Перми публика. В центре сидят артисты, слева на земле в ногах артистов сидит Василий Михеевич, а в противоположной – правой стороне сидит его жена Клавдия Венедиктовна, рядом с нею, вернее за нею, сажу я. На фоне виднеется гумно, на станах которого видны афиши «катанье на пароходе», и «в чужом пиру похмелье». Чтобы удовлетворить зрителей ... ставится ряд спектаклей, сбор от которых идет на благотворительные цели: в пользу местной библиотеки, пожарной дружины, погорельцам Курашимского завода.

Как отраднo вспомнить то время, как росла взаимность интеллигентных людей ... (*нечитаемое слово*) с простыми жителями деревни, особенно с молодежью. Результаты культурной

работы с крестьянской молодежью были очевидны. Не было слышно бесшабашных разгулов, хулиганства, вульгарных песен, ругательных слов. Свободное время было занято другим. Теперь в селе есть библиотека, к услугам книги, журналы, газеты. Чтобы провести время весело, молодежь знает как поставить спектакль, самим и зрителям доставить культурный отдых и удовольствие. В центре организованности и воспитательной работы молодежи был Василий Михеевич со своей женой – постоянной его спутницей и помощницей Клавдией Венедиктовной.

В конце дачного сезона, в день отъезда из Усть-Качки, молодежью был поднесен адрес со скромными подарками. К вечернему пароходу проводить чету Шулеповых собралось так много народу, что мостки паровой пристани не могли выдержать тяжести – подломились.

Вот Василий Михеевич и Клавдия Венедиктовна на пароходе, вышли на палубу. Все было покрыто криками «ура». Пароход медленно отходит от пристани, раздаются длинные прощальные паровые гудки. Народ не расходится, - машут шляпами, фуражками, платками, до тех пор пока видны на палубе Шулеповы. Всё это я пишу для того, чтобы показать, как население ценило Шулеповых за их культурную работу и воспитание молодежи, каким почетом и уважением пользовались они живя в Усть-Качке.

Насколько я помню Василием Михеевичем было организовано при К-Мефодиевском училище «Общество Содействия Начальному образованию».

...

Вот всё, что я мог написать о В.М.

....

Прошу о получении настоящего письма и 3х фотокарточек мне сообщить. Буду благодарен, если напишите свое мнение о переименовании нашей библиотеки а также о том, что есть подходящего для Вас в посланном мною в настоящем материале.

С искренним уважением к Вам.

И.П. Зеленин.

1958 г. 28 февр., Пермская область, Краснокамский район, с. Усть-Качка, Камская №16.

*Несколько небольших эпизодов из жизни
Василия Михеевича Шфулепова*

Василий Михеевич был человеком живым, энергичным, увлекательным. Всякое дело за которое он брался доводил до конца. Во время постановок спектаклей он следил за всем, чтобы всё было в исправности, часто приходилось выходить на сцену. Следил за костюмами и гримом артистов, за бутафорией и почти всегда одевался и гримировался последним. Была постановка «Женитьба» Гоголя. В.М. играл «Кочкарева». Время подходило к началу спектакля. Артисты все были готовы, ждали распоряжения открытия занавесы. Торопливо вбегает В.М. весьма озабоченный, показывает на свои брюки, которые сидели на нем странно и смешно (костюмы были привезены напрокат из Пермского гор. театра). На животе и под коленами были странные выпуклости, носки ботинок были закрыты низко, а пятки высоко открыты, было карикатурно, вызывало смех. Выйти в таких брюках на сцену было невозможно. Где взять другие брюки? Время уже подошло начинать играть. Разсмотрев Василия Михеевича внимательнее оказалось, что он в спешке одел брюки задом наперед. Дело быстро поправилось, только с открытием занавесы опоздали минут на 5. Долго после этого перед спектаклем В.М. во время грима и костюмировки говорил артистам: «Будьте аккуратны, не наденьте брюки задом наперед».

Обыкновенно после постановки каждого спектакля артисты на второй день собирались утром разбирать сцену и все убирать и очищать двор. Приходила и сельская молодежь, разносила по дворам взятые на спектакль столы, стулья, скамейки, буфетную посуду и проч. Василий Михеевич приходил почти всегда первым, давал распоряжения. Видно было, что он до того уходил в работу, что совершенно забывал о себе, — часто на лице его были заметны следы вчерашнего грима. Когда ему об этом по дружески замечали, он шутиливо отвечал: «да ведь скоро опять гримироваться». И был таким до конца уборки сцены, которая обычно заканчивалась составлением финансового отчета. После чего В.М. чувствовал себя свободным и занимался своим туалетом.

Была поставлена пьеса Островского «Бедность не порок». Василий Михеевич играл роль «Любим Торцов». Он её провел на сцене с таким подъемом и с таким огоньком, что все были в восторге. Весь этот летний сезон В.М. звали «Любим Торцов».

Василий Михеевич любил аккуратность и четкость. Раз был такой случай. После спектакля, поставленного в пользу местной библиотеки-читальни, заведовал которой я, (мы) с В.М. составляли финансовый отчет. Был подсчитан наличный – чистый доход, который должен я был получить под расписку. В.М., подсчитав денежную сумму, велит мне дать расписку в получении такой-то суммы, причем указывает цифру. Написав расписку В.М. подает мне деньги. Я принимаю и ложу их в карман. В.М. удивленно на меня смотрит и говорит: «Вы что делаете?». Я отвечаю: «Ведь эти деньги для библиотеки». – «А Вы считали?» – «Но ведь вы их считали.» – «Я считал, мог ошибиться, насчитать более или менее, да и деньги не личные, а общественные, в которых нужен точный отчет, а вы не считая их кладете в карман. Так делать нельзя. Когда берете деньги не только от человека, а даже когда найдете их на дороге, и тогда сосчитайте, сколько подняли». Краснея за свою халатность, я пересчитал деньги. Это так мне врезалось в памяти, что до сих пор это помню и поступаю так, как говорил Василий Михеевич.

И.П. Зеленин

Рукопись «Цели и задачи драматического кружка» (1920-1930-е гг.)

Оригинал документа получен от Ираиды Ивановны Зелениной вместе с рукописью «История села Усть-Качки». Автор документа не установлен. Предположительно им могут быть И.П. Зеленин или учительница Л.В. Ширинкина.

Дата рукописи определена нами условно по орфографии. При публикации сохранены авторские стиль, пунктуация и орфография.

Безусловно, настоящий текст представляет собой черновик, – в нем много зачеркиваний, помарок и вставок. Этим же объясняются и орфографические ошибки.

В том, как тщательно прорабатывается этот регламент, чувствуются традиции драмкружка и влияние В.М. Шулепова.

Цели и задачи драматического кружка

Отмечая существующую дезорганизованность «деревенского театра», который мы считаем одним из видов широкой агит-пропаганды среди местного крестьянского населения и признаем ее как важную культурно-просветительскую работу, необходимо положить конец этой безалаберной и ничего не дающей «игре». Основываясь на вышеизложенном мы – артисты-любители драматического искусства должны принять за основу прежде всего тесное обоюдное единение. Только крепкая спайка и твердая самодисциплина может улегулировать постановку спектак-

лей. Констатируя настоящий факт мы считаем необходимым принять нижеследующее положение:

1) Драматический кружок организуется исключительно из лиц любящих драматическое искусство и вполне сознательно относящихся к своему долгу. Внего могут вступать все желающие и обязующиеся неуклонно исполнять указанные здесь правила.

2) Во главе кружка стоит «правление кружка» из трех лиц: Председателя, Казначей и Секретаря избираемых на общих собраниях членов кружка.

а) Правление кружка избирается при наличии $\frac{3}{4}$ членов всего кружка.

б) Правление кружка переизбирается не менее как через 6 месяцев и только в случае требований членов кружка, но не менее как $\frac{1}{2}$, может быть переизбрано, полностью или частично, ранее установленного срока.

в) Обязанности членов правления таковы:

Председатель – административное лицо.

Казначей ведает суммами кружка, он же совместно с бухгалтером заботится о своевременном приобретении всего необходимого для постановки того или другого спектакля, а также ведет учет имеющегося инвентаря следя за его целостью и сохранностью.

Секретарь исполняет текущую переписку и вообще ведет всю канцелярию кружка.

Правление в целом созывает периодически или по мере надобности общия собрания пред которыми и отчитывается в ведении своей работы.

Он же (секретарь) в хронологическом порядке ведет дневник кружка куда записывает название пьес поставленных данным кружком, год месяц и число когда пьеса была поставлена, число присутствующей публики ее поведение и отзывы о данном спектакле и наконец отношение артистов к той или другой пьесе и выполнение ими своего «амплуа», при чем последнее, резюмирует с заключения режиссера.

3) Общим собранием избирается режиссер который ведет подготовку пьесы. Он является ответственным лицом за поста-

новку спектаклей а потому всецело распоряжается на «сцене» артистами указывая им их недочеты и пробелы на всех репетициях, во время которых артист обязан отбросить свое «самолюбие» которое так часто вредит выполнению «амплуа».

4) Режиссер определяет число репетиций для того или другого спектакля, а также намечает роли сообразно с задатками артиста к выполнению данной роли.

5) Режиссер совместно с правлением кружка намечает пьесу для постановки, затем созывается общее собрание кружка на котором сначала производится им же читка пьесы а потом распределение ролей как было указано выше.

6) Все артисты обязаны являться аккуратно на репетиции и строго следить за подготовкой, стараясь быть внимательным(и), не отвлекая, как самого себя, так и других от игры.

7) Правлением кружка, на каждый спектакль отдельно, назначается ответственный распорядитель спектакля, из лиц не играющих в данном спектакле дабы избранный мог всецело наблюдать за порядком среди публики как во время игры так и в антрактах.

8) Ответственный распорядитель назначается правлением кружка в тот же день когда происходит читка пьесы и распределение ролей. Он обязан присутствовать на генеральной репетиции и проследить все ли готово для постановки спектакля. В тот день когда спектакль назначен, ответст. распорядитель назначает час в который все участвующие лица обязаны безоговорочно явиться к назначенному времени.

9) Ответ. распорядитель также следит за продажей билетов и поверяет контроль. А в момент игры поддерживает абсолютную тишину в зрительном зале, и наконец по его распоряжению подаются «звонки» как перед спектаклем так и во время антрактов.

10) Общим собранием кружка после того как произойдет читка пьесы и распределение ролей избираются: суфлер, сценарийус, бутафор и еще один человек для объяснения пьесы пред публикой в день спектакля, последний может быть избран из числа играющих артистов.

11) Суфлер обязан проводить все репетиции.

12) Сценариус заблаговременно переписывает «выходы» и на генеральной репетиции обязан присутствовать указывая каждому артисту момент его выхода на сцену, как и во время самого спектакля.

13) Бутафор своевременно prepares декорации, драпировки и вообще обставляет сцену, а также приобретает костюмы для данного спектакля.

14) Продажа билетов производится или казначеем или лицом которое он уполномочит, равно как и контролирование и проверка билетов.

15) Все участники как то артисты, суфлер, бутафор, сценариус и др. в течении того времени пока идет подготовка и самый спектакль действуют по указаниям режиссера и находятся в распоряжении ответственного распорядителя.

16) Во время антрактов, когда это требуется, все артисты во главе с бутафором и по указанию ответ. распорядителя производят переустановку декораций.

Послесловие

Как быстро летит время. Той Усть-Качки, которую описывал Иван Петрович Зеленин, давно нет. И той Усть-Качки, которую подростком застал я в 1960-е годы, тоже нет. Нет Усть-Качки 1970-х, 1980-х и т.д.

Теперь мы живём в насыщенном информацией мире, оттого часто пресыщены. Радио никого не удивит. Телевизор в 1950-60-е годы был диковиной – далеко не в каждой семье был телевизионный приёмник. Теперь и телевидение устарело. Сотни каналов вещают круглосуточно. Картинки мелькают послушно щёлкающему в руке пульту. В основном сериалы, реклама и прочая пошлость. Компьютер, интернет, социальные сети...

И время бежит все быстрее. Куда? Куда уж быстрее?!

«История села Усть-Качки», говоря строго, не является историей. В ней нет архивных документов, которые в частности утверждают, что задолго до «Зелениных» в устье Качки уже существовало поселение. Нет в ней попытки, скажем, разобраться в происхождении названия Качка, не описаны события 1920–30-х годов: «военный коммунизм», НЭП, коллективизация и т.п. Нет описаний колхозной жизни сельхозартели имени С.Н. Сошникова, позже переименованной в колхоз имени И.В. Сталина и того, как жило село в годы Великой Отечественной войны, тоже нет. То ли всё это было ещё очень близко и оттого не казалось историей, то ли правдиво описывать было небезопасно, а писать неправду – стыдно.

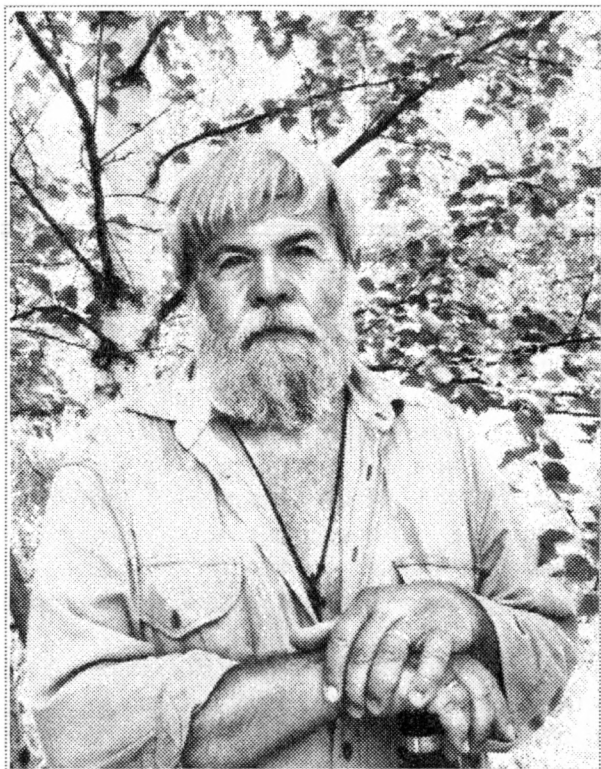
Вот и расстрел троих активистов у Ивана Петровича описан скупой, а у Мышкиных сказано, что расстреляли их в первые же сутки, а изуродованные тела привезли в Усть-Качку и похоронили за кладбищем, т.к. «белые» на кладбище хоронить не решили. А вот что случилось мне узнать совсем недавно от сво-

его старинного приятеля Александра Александровича Зеленина (Сансаныча Дунина), чей двоюродный дед – Михаил Елисеевич Зеленин был одним из троих погибших, правнука «Елёсы», внука, упомянутой у Мышкиных, Дуни – Евдокии Елисеевны Зелениной: «В первые же сутки арестованные бежали. То ли подкупили охрану, то ли среди охранявших были знакомые. Ехали в сторону Усть-Качки на санях по Каме. В районе нынешнего Краснокамска их догнали и порубили шашками. Бабушка Евдокия Елисеевна говорила, что этих троих выдал «колчаковцам» местный житель, чуть ли не её двоюродный брат, Фёдор Иванович Зеленин (Мормыш)». У Ивана Петровича Зеленина этих подробностей нет. Возможно, это было и не так. Можно только предполагать, что эти сведения были или «для внутреннего пользования», или «сор из избы» решили не выносить. Так что история Усть-Качки ещё не дописана.

Нет в «Истории» и упоминаний о начале курорта. Странно, – ведь это было для села событием громадной важности, и Иван Петрович это прекрасно понимал. Правда и то, что это уже совсем другая история. И она тоже ещё не написана. Популярные брошюры о курорте не в счёт.

Зато в тексте «Истории села Усть-Качки» И.П. Зеленина есть то непридуманное, что нельзя описать, не будучи свидетелем и участником жизни той Усть-Качки. Этот безыскусный текст – своеобразный краеведческий памятник УСТЬ-КАЧКЕ и УСТЬ-КАЧКИНЦАМ. Таким его и следует воспринимать нам, в наше переполненное цифровой информацией время. Кстати в рукописи Иван Петрович всегда писал именно так – УСТЬ-КАЧКИНЦЫ, крупно и с заглавной буквы.

А вообще: пишите дневники, храните старые письма и фотографии. Личные истории, устные рассказы и события быстрой жизни, остановленные и оставленные в самом простом и незатейливом тексте, скоро, очень скоро станут ИСТОРИЕЙ. И никакая «цифра» с этим не сравнится. Удачи Вам!

С уважением, О. Гайдаш.

Р.С. Я прожил в Усть-Качке более полувека, так что и сам стал немного «Зеленин».

Комментарии и примечания

1. Город Оханск – до этого село Оханное, еще раньше починок на Усть-Очёре, – названия отражающие этапы роста и развития поселений на месте нынешнего г. Оханска. Упоминание о поселении на месте г. Оханска относится к 1647 году. В писцовой книге воеводы Елизарова в устье реки Очёр, против устья речки Юг, значится починок на пять дворов, жители которого занимались рыболовством, применяя снасть – «охань». Оханью или оханом называют в одних случаях ставную сеть с крупной ячейей, в других – траловую сеть с кошелём, которую протаскивали по дну.

Около этого же времени Строгановыми вблизи Очёрского острожка и починка основывается по указанию Вологодской и Великопермской епархии монастырь – «Богородицкая пустынь на Охани», она же «Богородицко-Успенская-Введенская (Соловецкая) пустынь». В 1650–1660-е годы при монастыре появляются миряне. В 1678 году при монастыре числится 61 человек мужского пола. Оханский монастырь с поселением при нём становится одним из главных центров по заготовке рыбы в Строгановских землях. До революции Оханск – центр обширного Оханского уезда, теперь – районный центр.

2. Фамилия Зеленины в Прикамье возникла на территории нынешнего Оханского района. Встречается в Оханском, Очёрском, Осинском, Пермском, Большесосновском и реже в других районах края. Основатель фамилии – Андрюшка Иванов сын Зеления, живший в 1647 году с тремя сыновьями в деревне Казанка, а до того в 1623–24 годах в Очёрском острожке. В основе фамилии прозвище. «Зеления» – простак, незрелый, неразвитый человек. До сих пор определение «зелёный» используется для характеристики отдельных черт личности. «Зеления» было одним

из нецерковных имён. Ещё «Зеленей» родители называли новорожденного маленького или младшего ребёнка. «Зеленя» – это просто малыш.

В 17 веке потомки Андрюшки Зелени широко расселились по берегам Камы. Его внук Фролко Васильев сын Зеленин в 1673 году поселился в Усть-Качке, где до сих пор много Зелениных. Уроженцем г. Оханска является художник – Алексей Нестерович Зеленин (1870–1944). [Е.Н. Шумилов. Тимошка Пермитин из деревни Пермьяки: Географические названия и фамилии Пермского края. - Пермь, 1991.; Электр. ресурс. Режим доступа: http://names.neolove.ru/last_names/7/ze/zelenin.html].

3. В 1763 или 1764 году после секуляризации монастырских земель в Российской империи Оханская пустынь была упразднена. Вся собственность монастыря перешла в ведение государственной Коллегии экономии под названием Оханского экономического села. Бывшие монастырские крестьяне стали государственными. Их также называли экономическими крестьянами. Они обладали относительной личной свободой, несли государственные повинности.

Секуляризация – (от позднелат. *saecularis* – мирской, светский) – обращение государством церковной собственности (преимущественно земли) в светскую. Широко проводилась в Европе во время Реформации (XVI–XVII вв.). В России произведена в XVIII в. В широком смысле – политика, призванная уменьшить влияние, роль церкви в тех или иных сферах жизни (напр., секуляризация образования) [Большой юридический словарь. – М., 2003].

4. На межевом плане XIX века, именуемом «Геометрический специальный план дачи Пермской губернии и ея уезда деревни Усть-Качки», из описания смежных земель следует, что земли находившиеся во владении казённых крестьян деревни Усть-Качка и починка Верх-Источный (впоследствии – д. Одина) граничили с землями «...сёл Верхних и Нижних Муллов общего владения Его Сиятельства Действительного Тайного Советника, Действительного Камер-Гера и разных Орденов Кавалера князя Сергея Михайловича Голицына и племянников его Титулярных

Советников Михаила и Фёдора Александровых князей Голицыных, и ея Сиятельства Кавалерственной Дамы княгини Варвары Петровны Бутеро».

В окрестностях Усть-Качки и бывшей деревни Хмелёвки не сохранилось, возможно и раньше не было, топонимов (местонаименований), связанных с Голицыными. А вот вблизи деревни Горшки на реке Качке, ниже деревни Растягаево, зафиксирован микротопоним – «Бутеровская мельница», очевидно связанный с именем княгини Варвары Петровны ди Бутера и ди Родали, титул которой в России был сокращён и переименован – княгиня Бутеро.

5. Шерья – село в Оханском уезде Пермской губернии, ныне село Шерья в Нытвенском районе Пермского края.

6. Действительно, Усть-Качкинцевы – фамилия, встречающаяся исключительно в деревне Луговая и находящейся вблизи неё деревне Заозерье. В самой Усть-Качке такой фамилии не было. Были ли Усть-Качкинцевы по происхождению Зеленины-ми не известно.

7. В настоящее время название «Оханские луга» давно забыто и не используется. Используется наименование «Камские луга». В прошлом, ещё в 1970-80-е, даже отчасти 1990-е годы, эти луга были завидными сенокосами и сплошь выкашивались. На веретях между протоками, на широких луговинах, прилегающих к Камскому берегу и лесу, всюду стояли стога. Так как прямого пути тогда в луга не было, и через Исток устраивали временный мост, то часть сена вывозили кружным путём через деревню Гамы, а большую часть вывозили зимой по санному пути.

8. В окрестностях сохранились топонимы, указывающие на то, что в этих местах некогда велась рубка и раскорчёвка леса с последующим выжиганием порубочных остатков. В окрестностях деревни Одина это урочища Чертёж и Паленина, а возле Усть-Качки есть речка Гаревая, что может означать: вытекающая из гари, горелого места.

Позже при колхозах, а особенно с созданием совхозов (совхоз «Бумажник» – подсобное хозяйство Краснокамского ЦБК, позже преобразован в совхоз «Луговской») раскорчевки под

пашню продолжались – отсюда топоним «Центральные раскорчевки».

9. Истоком называли, и теперь местные жители иногда называют ручей, вытекающий из лесного верхового болота, старое название которого – Журавишное болото. Журавикой в северных говорах называют клюкву. Исток впадает в проточное «Одиновское озеро» и далее в Каму. Исток связан с системой проток и озер Камских лугов. Место впадения этой водной пойменной системы в Каму из-за темного цвета болотной воды называли ещё «Чёрным истоком».

10. Одина, а правильное бы – Усть-Качкинская Одина, – выселок, где прилагательное «Усть-Качкинская» обозначает место откуда выселились жители. Такое развернутое название не использовалось, свои и так знали откуда приехали. Несколько лет назад безымянную улицу в деревне Одина по предложению одного из одиновских Зелениных, Николая Григорьевича Зеленина (Коли Одиновского), в память о первопоселенцах называли улицей Зелениных.

11. Деревня Хмелёвка была в 6–7 верстах от Усть-Качки. У крестьян деревни Хмелёвка, бывших крепостных князей Голицыных и княгини Бутеро, после отмены крепостного права земель оказалось больше, чем у бывших государственных крестьян деревни Усть-Качка. «Хмелевское общество крестьян бывших помещичьих получило в надел на 126 ревизских душ удобной земли 1081 десятину 544 кв. сажен и неудобной 42 десятины 1741 кв. сажень» [цит. по: Укрепительное постановление на земельную долю Калашникову Михаилу Иванову (Ивановичу – О.Г.) с матерью Агафьей. 1913 г. // Личный архив О.Г. Гайдаша].

В Хмелёвке была начальная школа, перед которой стоял памятник (бюст) царя Александра Второго (Освободителя). Был народный дом и «Павленковская» библиотека. Хмелёвки больше нет. Она стала жертвой «оптимизации» - укрупнения сельских населённых пунктов в ходе слияния мелких колхозов и образования совхозов. В окрестностях Усть-Качки были совхозы «Луговской» и «Большевик». Теперь и их нет.

В конце XIX – начале XX веков Хмелёвка была не меньше Усть-Качки и со своим «норовом». Хмелёвские фамилии: Калашниковы, Варушкины, Коневских, Ошевы, Ощепковы, Ширинкины, Кетовы, Мазунины, Батуевы.

12. Магазия – общественный хлебный страховой фонд на случай чрезвычайных событий и происшествий [В.И. Даль. Словарь живого великорусского языка. – репринтное издание. – М., 1979].

13. Вахтур – очевидно, от слов «вахта» (чередной караул на военном судне), «вахмистр» (старший унтер-офицер в конном эскадроне, то что в пехоте – фельдфебель в роте) [В.И. Даль. Указ. соч.].

14. Лутошки – деревянные дощечки, внешне и функционально напоминающие «амбарные чётки» [Г.Н. Чагин. Народы и культуры Урала в 19–20 веках. Историко-этнографический атлас. - Екатеринбург, 2003. С.121].

15. Ревизская душа – единица учёта мужского населения Российской империи 18–19 вв. Понятие «ревизская душа» возникло в связи с введением в 1724 г. подушной подати. Каждая ревизская душа считалась наличной до следующей ревизии (переписи) даже в случае смерти человека (отсюда - «мёртвые души») [Большая советская энциклопедия. – М.:, 1969-1978].

16. Бусовой – от «бус» – мучная пыль; бусить – пылить мучкой [В.И. Даль. Указ. соч.].

17. Архимандрит Григорий (в миру Гавриил Зеленин) уроженец г. Далматова Пермской губернии. После окончания Далматовского духовного училища поступил послушником в Верхотурский Николаевский мужской монастырь. После получения увольнения из мещан г. Долматова в 1848 году официально, по указу Пермской духовной консистории, причислен «в число братства» монастыря. В 1849 году переведён в Пермский епархиальный дом на должность письмоводителя. В 1853 году принял иночество с именем Григорий. В 1880 году Указом Синода возведён в сан архимандрита и определён настоятелем Верхотурского монастыря. Неоднократно жертвовал личные средства в пользу Покровской женской богадельни, которую на собственные средства возродила, содержала и возглавляла его мать

Мириамна Зеленина (в монашестве Мария) [М.Ю. Нечаева. Возрождение Верхотурского Покровского монастыря в XIX веке // Уральский сборник. История. Культура. Религия. – Екатеринбург, 2005. Вып. 6. С. 93–108]. Вероятно Усть-Качкинские корни архимандрита Григория (Зеленина) сподвигли его оказать финансовую помощь землякам в постройке церковно-приходской школы и здания храма. Можно предположить, что за время службы в Пермском епархиальном доме Гавриил Зеленин, а после пострига инок Григорий (Зеленин) бывал в Усть-Качке по делам службы и сохранил с ней связь впоследствии. Для усть-качкинцев, и в том числе И.П. Зеленина, участие архимандрита Григория в постройке школы и храма было общеизвестным фактом.

18. Выбор имени святого или святых, или события из священной истории, во имя которого (которых) освящался храм и которым он посвящался, вероятно определялся заказчиком или жертвователем, или пожеланием общины. Имя Св. блгв. князя А.Невского было популярным во второй половине XIX века. Это время царствования Российских императоров Александра II и Александра III, при которых национальные формы в архитектуре, живописи, музыке, декоративно-прикладном искусстве были в моде.

19. Деревни Клюино и Журавли – это две обособленных деревни в 9–10 верстах от Усть-Качки. По официальным данным в 1981 году в д. Клюино проживало 3 человека, а в д. Журавли числился 1 житель. Теперь это по большей части «дачные» деревни.

20. В.М. Шулепов (1874–1922) педагог, общественный деятель. Работал учителем в школах Пашийского и Юго-Камского заводов, преподавал и заведовал Кирилло-Мефодиевским училищем в Перми. Организовывал воскресные чтения и бесплатные вечерние школы для взрослых. В 1904 году в стенах Кирилло-Мефодиевского училища организовал бесплатную школу для корейцев, перемещенных с Дальнего Востока в связи с Русско-Японской войной. Принимал участие в работе юбилейной комиссии по проведению празднования 100-летия со дня открытия (1 октября 1809 г.) первого начального училища в Перми (в

1885 году училище получило наименование Кирилло-Мефодиевского). Состоял в обществе содействия начальному образованию. В первые годы Советской власти В.М. Шулепов заведовал детской библиотекой и организовал в Перми детский клуб «Муравейник», размещавшийся в здании бывшего Кирилло-Мефодиевского училища на углу улиц Кунгурской и Большой Ямской (Комсомольский проспект, 42 – угол Комсомольского проспекта и ул. Пушкина). И до революции, и при новой власти В.М. Шулепов подвергался разного рода гонениям за свою новаторскую педагогическую и общественную деятельность.

21. И.П. Зеленин (1882–1962) – учитель, краевед, общественный деятель, автор «Истории села Усть-Качки», чистовые тетради текста которой датированы автором мартом-апрелем 1951 года. Родился в Усть-Качке в крестьянской семье. Учился в местной школе. В 1908 году сдал экзамен на звание народного учителя. С 1905 по 1922 год с перерывами учительствовал. Собрал коллекцию предметов крестьянского быта, которая была представлена в организованном им Усть-Качкинском народном музее. После его смерти часть собрания была передана в сельскую школу. Частично сохранилась документация музея и переписка И.П. Зеленина с Пермским областным краеведческим музеем.

22. Кустарно-промышленный банк Пермского губернского земства (1894–1914) был открыт в деревянном 1-этажном доме с мезонином А.В. Березина на углу улиц Покровской и Обвинской (ныне – улицы Ленина и 25-го Октября). Дом снесён в 1994 году. Инициатором создания в Перми этого банка был земский статист Е.И. Краснопёров, составивший его проект. Первоначальный капитал составлял 116 тыс. рублей. 60 тыс. рублей были получены из фонда императора Александра II, учреждённого в 1881 году в память о его трагической гибели. Главными клиентами банка являлись отдельные кустари, кустарные артели, хозяева кустарных складов. Почти все оборотные средства банка поглощались ссудными операциями (97-98%). Кредиты банка способствовали активизации экономической жизни. В 266 случаях ссуды оказали положительное действие, в 96 случаях не

оказали влияния на хозяйственную деятельность, лишь у 6 заёмщиков дела ухудшились. Кустарно-промышленный банк был единственным в Российской империи, обслуживавшим мелкого предпринимателя, а также, вероятно, единственным банком, который вызывал симпатию у общественности. Впоследствии банк заменили кассой мелкого кредита. [Е.А. Спешилова. Старая Пермь. – Пермь, 1999; Электр. ресурс. «Пермский край. Энциклопедия».

Режим доступа:
<http://enc.permculture.ru/showObject.do?object=1803914948>].

Следует отметить, что было в Перми отделение Крестьянского поземельного банка (1888–1918), который, по-видимому, не давал ссуды мелким крестьянским хозяйствам.

23. Здесь под округой следует понимать некое пространство, субъективно осознаваемое и воображаемое говорящим (пишущим), о котором у того имеются сведения и представления.

Округа – окрестность, околица, обаполье, окружность, околоток, местность вокруг [В.И. Даль. Указ. соч.].

24. Гумно – место, где ставят хлеб в кладях и где его молотят, крытый ток.

Рига (от эстлянд. – рыга) – молотильный сарай с овином; крытый ток с сушилом.

Долонь (в северн. и малоросс. говорах обозначает длань, ладонь руки) – ток для молотбы; вообще гладкое, ровное, твёрдое или убитое место.

Ток – расчищенное место для молотбы; толока, толлок посреди гумна.

Мякинница (половня, пелевня) – сарай для мякины или гущённого корма. Мякина (полова, пелева, плевелы) – вымолоченный, избитый цепами хлебный колос, от которого отваяно зерно. Используется для корма скота. [В.И. Даль. Указ. соч.].

25. Село Курашим (Пермский район) выросло при частновладельческом медеплавильном заводе, основанном в 1740 г. предпринимателем Г.П. Осокиным на землях, арендованных у кунгурских татар, и пущенном в действие 1 янв. 1742 г. Первоначально – Курашим(н)ский завод. Название получило по р. Курашим (ныне Курашимка); оно образовано от тюркского личного имени Карашим. Завод существовал до 1862 г., когда был за-

крыт в связи с убыточностью производства. После ликвидации заводского производства в среде жителей Курашима получили большое распространение кустарные промыслы, в частности сохолодный (изготовление крестьянских сох). 8 мая 1909 г. большой пожар уничтожил в селе Курашим 164 двора. [Электр. ресурс «Пермский край. Энциклопедия». Режим доступа: <http://enc.permculture.ru/showObject.do?object=1803761534>].

26. Гужевой транспорт – транспорт на лошадиной тяге.

Гуж в конской упряжи – кожаная глухая петля, укрепленная в хомутных клешнях; обносится поверх оглобель и в него вставляется нагнётom конец дуги [В.И. Даль, Указ. соч.].

27. Ближе всего к реке в Перми находился «Чёрный рынок» на пересечении улиц Торговой и Красноуфимской (ныне - улицы Советская и Куйбышева).

28. Мерёжа – вид рыболовной сети. Крупная рыболовная сеть с режью (ряжью) - дополнительной крупноячейстой сеткой; сеть-ряжёвка [Рыболовный словарь Прикамья. - СПб, 2013]. Здесь, вероятно, имеется в виду «плавная мерёжа», которая шла «плавом», по течению. Рыбак следовал рядом на лодке время от времени проверяя снасть.

29. Речное сообщение с Пермью длилось около 100 лет и практически сошло на нет в 90-е годы XX века. Теперь в Усть-Качке нет ни пристани, ни причала. Здание Речного вокзала в Перми находится в стадии реконструкции и использование его в первоначальном назначении не предполагается.

30. Устойчивое движение пароходов по Каме отразилось и в местном фольклоре. Примером тому две незатейливые частушки, записанные в Усть-Качке:

Прощай, ёлочка-пихочка,
Весь Усть-Качкинский приход,
Прощай милочка-лебедка,
Я стаю на пароход.
С парохода паду в воду –
Потону на само дно,
Потону на само дно,
Чтобы солнце не пекло...;

Пароход идет по Каме
С медными колесами
У низовских у ребят

Сапоги с калошами. [В. Малаховец. Частушки Пермской губернии (с. Усть-Качка Пермской губернии и д.Слудка, 1913-1914 гг.) // РГАЛИ, ф.1360, оп.1, д.185, л.7].

31. Еще совсем недавно, в 1950–1970-е годы, в Усть-Качке можно было встретить настоящих дачников, снимавших квартиры в селе или (позже) в курортном посёлке. Питались они в летнем кафе «Волна», которое располагалось при входе на курорт (где теперь центральная проходная) и придавало посёлку некий курортный «шарм». Некоторым дачникам удавалось устроиться с питанием в «рабочей столовой» курорта. Теперь этой категории отдыхающих в Усть-Качке почти нет. Само содержание слов «дача» и «дачники» изменилось. Теперь это владельцы добротных особняков за глухими заборами или садовых участков в садоводческих товариществах, обступивших Усть-Качку со всех сторон.

32. На «Геометрическом специальном плане дачи Пермской губернии и ея уезда деревни Усть-Качки» середины XIX века в границах села изображены два подковообразных и один округлый водоём. «Село делилось на две части – верхний конец и нижний конец. Разделяло его, расположенное посреди села, небольшое болото...» [Н.А. Мышкин. Воспоминания о селе Усть-Качка Нижне-Муллинской волости Пермского уезда. 1978. Рукопись].

33. Согра – сырой, болотистый участок леса или лес [Е.Н. Полякова. От «араины» до «яра»: Русская народная географическая терминология Пермской области - Пермь, 1988]; сырое болотистое место в пойме реки, болотистая низина. В Усть-Качке согрой называли болотистую низину в пойме устья реки Качки. Название места используется до сих пор, хотя, строго говоря, это уже не согра, а залив.

34. Скорее всего «кирпичный сарай» был на окраине деревни Замельница, вблизи которой р. Хмелёвка впадает в р. Качку.

35. Указом императрицы Екатерины II от 26 февраля 1763 года была проведена полная секуляризация монастырских

земель. Около двух миллионов душ монастырских крестьян были переданы в ведение Коллегии экономии. Бывшие монастырские крестьяне перешли в категорию государственных крестьян (экономические крестьяне), обладавших относительной личной свободой [Большой юридический словарь. – М., 2003]. Таким образом, действительно усть-качкинские крестьяне с середины XVIII века пользовались большей свободой в сравнении с соседними частновладельческими (помещичьими) крестьянами.

36. Теперь на месте кладбища находится Главный корпус курорта (корпус «Русь»).

37. Пятерик – старая русская мера в пять единиц веса или длины, а также предмет, содержащий пять каких-нибудь единиц [С.И. Ожегов Толковый словарь русского языка. М., 1949]. Скорее всего, здесь речь идет о сажени дров в пять поленьев; куб дров, одна сторона которого считалась в пять поленьев, а две других – в сажень [В.И. Даль. Указ. соч.].

38. Невод – сеть из вязанного полотна с верёвками на обоих концах для забрасывания и вытягивания; требует участия в ловле 2-х и более человек; большой бредень, который заводили, забрасывали с лодки [Рыболовный словарь Прикамья. – Спб., 2013].

39. Паром (пором) – плоскодонное, перевозочное речное судно или плот для переправы греблей или по канату [В.И. Даль. Указ. соч.].

40. Кабак – питейный дом, шинок, кружало, «Иван Ёлкин». Место продажи водки, пива, мёду [В.И. Даль. Указ. соч.]. Над входом в кабак часто прибавляли ёлку.

41. Целовальник – кабачник, приказчик, сиделец в кабаке [В.И. Даль. Указ. соч.]. Имя нарицательное «целовальник» произошло от «целовать крест, присягать». Целовальник клялся на кресте, что будет соблюдать условия винной торговли.

Имя нарицательное «целовальник» существовало в Усть-Качке еще в 1960-е и начале 1970-х гг. Целовальником называли уже не продавца вина, а летний павильон, где продавали легкие спиртные напитки – буфет. Располагался «целовальник» на набережной, в районе теперешней танцевальной площадки.

42. Казённое ведро – мера жидкости. С 1902 года ведро равнялось 12,999 литра.

43. Яр – крутой, обрывистый берег [Е.Н.Полякова. От «араины» до «яра»: Русская народная географическая терминология Пермской области. Пермь. 1988].

44. Здесь речь идёт о «винной монополии», введённой по инициативе министра финансов Сергея Витте в 1894 году. Распространялась на очистку спирта и торговлю крепкими спиртными напитками. Монополия распространялась только на водку, прочие спиртные напитки производились и продавались свободно, но облагались акцизом.

Вспоминаются две истории, рассказанные мне Марией Ефимовной и Лидией Ефимовной Зелениными: - Были в старое время в Усть-Качке две одинокие старушки. Подружки любили выпить. Бывало пропускали конец праздника, «загуливали». Но загодя подходили к соседкам и просили: «Вы уж наших коровушек подоите. Вы наш грех знаете. Мы уж потом отслужим». Звали их «пташки-канарейки», так как во хмелю они пели эту песню.

– Ехал мужик с базара. Выпил крепко, а день был будний. Рожа красная. Неловко. Соседи осудят. Заехал в лес, привязал лошадь, поспал. К вечеру ополоснул лицо и, когда соседи ушли управляться со скотом, шмыгнул домой.

45. Костёр – большая груда, ворох лесу, поленница, сложенные в клетку дрова [В.И. Даль. Указ. соч.].

46. В связи с этим вспоминается такой рассказ. Приехал хмелевчанин домой из Усть-Качки. Его спрашивают: «Ну как там Усть-Качка?» А тот: «Да-а... Всё бегают на пароходы смотреть». По-видимому, он в Усть-Качке видел, как весь народ побежал смотреть на проходящий по Каме пароход.

И еще про усть-качкинцев в Хмелёвке говорили, зная, что у тех часто хлеба не хватало до нового урожая: «Больно много рыбы едят. С рыбой-то хлеба больше съедается» (Записано со слов потомственного хмелевчанина Алексея Анатольевича Варушкина).

В этом видно некое соперничество между сельскими обществами Хмелёвки и Усть-Качки.

47. Польшко – небольшое поле, впоследствии вошедшее в состав территории курорта. Сохранилась общая конфигурация «Польшка». Это пространство между корпусом «Прикамские Нивы» и Главным корпусом «Русь» курорта «Усть-Качка», с двух других сторон ограничено лесом.

48. 21 декабря 1783 года вышел Указ Екатерины II, причисливший цыган к крестьянскому сословию. С них стали взимать налоги. При этом никаких особых мер по принудительному закреплению цыган не проводилось. Более того, им разрешалось приписываться к любому сословию, кроме дворян [Электронный ресурс. Режим доступа: <http://maxfux.livejournal.com/1060623.html>].

49. Сопать – жадно есть, хлебать, зобать [В.И. Даль. Указ. соч.].

Сопеть, ссопеть (пермск., вятск.) – есть, съесть. Иногда используется в значении пить, выпить.

50. Бичева – береговая полоса 10 сажен ширины вдоль судоходных рек, которая, по закону должна оставаться свободной для всех нужд судоходства [В.И. Даль. Указ. соч.].

Бичева, бичевник – кромка берега, по которой шли бурлаки, тянувшие судно на длинном канате, «бичеве». В бурлаки шел разный народ. Немало было и вполне опустившихся людей. Возможно от этого произошло нарицательное «бич».

51. Ближайшей железнодорожной станцией от Усть-Качки была станция Шабуничи за Камой. Вероятнее всего на этой станции и сошёл солдат-отпускник.

52. Шорох – глухой шум от трения чего-то, шорох плавающего льду [В.И. Даль. Указ. соч.]. Шорохом называли полосу шероховатого льда, шероховатый ледяной припой к берегу.

53. В 10–12 верстах от Усть-Качки, вниз по Каме некогда было две деревни – Большие и Малые Вятские. На некоторых современных картах на месте бывших деревень значатся одноимённые урочища. Сохранился целый топонимический куст: бывшие населённые пункты – Большие и Малые Вятские, Вятская гора, на Каме два одноимённых острова – Большой и Малый Вятские.

54. Родовые прозвища чаще всего происходили и наследовались по мужской линии, хотя до сих пор сохранилось родовое прозвище, произошедшее от женского имени Дуня – «Дунины». Дуня – Евдокия Елисеевна Зеленина (см. в Воспоминаниях Мышкиных о «Елёсе»).

55. Здесь вспоминается рассказ одной из нынешних Зелениных. Бабка жениха на свадьбе ходит по избе и ворчит: «Больно тонки ноги-те у девки, не спроворит по хозяйству. Вот соседи девку взяли – ножишши, что столбы!»

56. Большое промежовенье – период времени между Рождественским и Великим постом.

57. Полатями назывался дощаной настил, который устраивали в заднем (дверном, подпалатном) углу избы между печью и стеной. На полатах отдыхали, хранили и сушили вещи.

58. Русская глинобитная («битая», «хрящевая»), позже кирпичная печь ставилась слева или справа от входной двери. «Устьем» («шестком») печь была обращена к противоположной от входа стене. Печь занимала до четверти внутреннего пространства избы. На лежанке (перекрыше) печи могло разместиться несколько человек.

59. Здесь «корзинкой» названы сани с плетёным верхом. Кошевой, кошёвкой называлась повозка с плетеным кузовом.

Кош (южн.) – плетёный шалаш, кошница (сибирск.) – корзина [В.И. Даль. Указ. соч].

60. Речь, вероятно, идет о деревне Загора, некогда существовавшей в окрестностях Усть-Качки.

61. Деревня Хухрята находится в двух километрах от села Мысы в теперешнем Краснокамском районе Пермского края.

62. В пляске под гармошку пелись веселые песни и частушки, подходящего случаю содержания:

Неужели это будет:

Переменушка в году.

Золотой венец наденут

На головушку мою.

Свежа рыба семь копеек,

Стары лещики пятак.

Стары девки три копейки,
Молодые – четвертак.

У милёнка во горёнке
Все изуслано ковром.
Ты не сватайся убегом,
Отдадут меня добром.

[В. Малаховец. Частушки Пермской губернии (с. Усть-Качка Пермской губернии и д. Слудка, 1913-1914 гг.) // РГАЛИ, ф.1360, оп.1, д.185, л.7].

63. Куть, середа – один из четырёх секторов (углов), на которые делилось внутреннее пространство избы: 1. Передний (красный, чистый, святой) угол, 2. Задний (дверной, подпорожье, подпалатный) угол, 3. Кутный (куть, середа) угол и 4. Печной угол [Г.Н. Чагин. Этнокультурная история Среднего Урала в конце 17 – первой половине 19 века. – Пермь, 1996].

64. Крёсна, крёстная – полное наименование «крёстная мать». Крёстные отец, крёстная мать, кум, кума – восприемники от купели во время обряда крещения [В.И. Даль. Указ. соч.].

65. Подходить к вину – ритуал, в котором вино изначально имело сакральное (священное) значение. Вино – это «Христова кровь».

Символика винограда отражает радость и красоту сотворения семьи. Сад-виноград — это жизненная нива, на которой муж — сеятель, а жена обязана растить и ухаживать за родословным деревом. [Электр. ресурс. Режим доступа: <http://fejanitok.ru/iterest/171-administrator.html>].

66. Вероятно, так обозначались горячие блюда, холодец (студень, холодное) и разные пироги и пирожки.

67. Постель, приготовленная в переднем углу (как для покойника), вытё (как по покойнику) – всё это символы и ритуалы перехода в иной, «бабий» мир, как бы через «смерть девичества». В свадебном обряде вообще многое от древних представлений о переходных состояниях в жизни человека, в которых умирание и возрождение воплощены в обрядах и являются их содержанием. Отсюда и театральность всего свадебного действия, противостоящая обыденному, здешнему, отсюда и нездешние образы – «тысяцкий», «бояра», «дружки».

68. Здесь постель – символ покорности жены мужу и предстоящего соединения мужа и жены в браке. В браке юноша-женех становится мужчиной-мужем, девушка-невеста становится женщиной-женой.

69. Кадка с пшеницей, осыпание новобрачных пшеницей и им подобные ритуалы восходят к древней аграрной магии и являются символами плодородия.

70. Расоха, правильно – рассоха происходит от слова «соха», первоначально обозначавшее дерево с развилкой, рогатину. Рассоха – место слияния двух рек, развилка. Географическое название возникло в результате сходства сливающихся рек с рассохами сохи [Е.Н. Полякова. От «араины» до «яра»: Русская географическая терминология Пермской области. – Пермь, 1988].

71. Соха – прицепное безотвальное сельскохозяйственное орудие для обработки, вспашки земли. Сохи часто имели два зуба, на которые надевались железные наконечники – рала, также называемые сошниками. Служили для подрезания пластов земли. Позже у сох появилась лопатка – палица для отодвигания пластов в сторону, прообраз отвала. Ставилась палица и направо, и налево, и пласт отваливался или направо, или налево. Сопрягалась соха с лошастью (тяглом) посредством оглобель. К оглоблям соха ещё подтягивалась особыми тягами (притужалами, струнами) из веревок, лыка или лозы, а позже из железных прутков. Их длиной регулировали угол наклона сохи, от которого зависела глубина вспашки. Имелось множество разновидностей русской сохи: двуножка, зувка, клопик, косуля, кунгурка, курашимка, леван, лемех, мосинский сабан, пермянка, полусабанок, туташевский сабан, чегадинка, черкуша, царапулька, колесуха и другие. Соха-косуля имела свои разновидности: курашимка, туринка, крыласовка и др.

В 60-е годы XIX века кузнец Курашимского завода Пермской губернии Николай Николаевич Паюсов усовершенствовал одноральную лядовскую соху, создав соху-курашимку. Курашимка была очень популярна среди крестьян Урала и Сибири, и в конце XIX века считалась одной из лучших в России. Курашимка с железным подвоем, позволявшим регулировать ширину и глубину вспашки, имела конструктивные особенности, которые

позволили Н.Н. Блинову (1839–1917) священнику, краеведу, этнографу, педагогу, земскому деятелю из г. Сарапула Вятской губернии рассматривать её как «резкий переход от сохи к плугу» с наличием «первого существенного качества – устойчивости». В 1887 году было изготовлено 7500 штук «курашимок». [Электр. ресурс. Режим доступа: <http://kurashim.com/legendarnaya-soha/>; Л.А. Волкова. Н.Н. Блинов – просветитель и краевед // Коробейников А.В. Н.Н. Блинов о древности Сарапула. – Ижевск, 2007].

Н.Н. Паюсов – кузнец Курашимского завода, создатель «курашимки» или «железянки», характерной заменой деревянных частей железными [Творцы науки и техники на Урале. XVII – начало XX века. - Свердловск, 1981].

72. Сабан (татар.) – плуг. Отсюда «сабантуй» – дословно «праздник плуга», национальный праздник у татар и башкир. В настоящее время знаменует окончание весенних полевых работ. У И.П. Зеленина сабан скорее всего означает лемех.

73. Тюрник, тюрjak – гнутая из луба, а чаще дуплянка из липового обрубка, имеющая вид вогнутого посередине цилиндра, шпуля на оси, которую можно было быстро вертеть ладонью (турить, гнать) и наматывать на неё пряжу [В.И. Даль. Указ. соч.].

74. Основа – в ткацком деле продольные нити всякой ткани, основанные на ткацком стане, передние концы их укреплены пришвой к валу, к переднему навою, задние навиты на задний навой, середка пропущена в бёрда и в ниченки [В.И. Даль. Указ. соч.].

75. Кросна – ткацкий стан (станок). Название вероятно происходит от слов крест, перекрещивать, так как в ходе тканья происходит перекрещивание нитей.

76. Страда – работа в поле, спешная уборка хлеба или сена.

Страдать – усердно трудиться, робить (о летних полевых работах) [В.И. Даль. Указ. соч.].

77. Коса-горбуша имеет короткое, в 1,5 аршина косьё (рукоять) искривлённое буквою S; при косьбе, больше напоминавшей рубку, косец наклонялся при каждом ударе, размахивая косою посменно в обе стороны; удобна для кошения по кочкам, а так-

же при косьбе камыша или жёсткой травы [В.И. Даль. Указ. соч.]. Косили горбушей в наклон, отчего сильно уставала и болела спина.

78. Коса-литовка – большая русская коса [В.И. Даль. Указ. соч.].

Название «литовка» может указывать на её «западное» происхождение, заимствование. Косят литовкой стоя, так как косьё (рукоять) длинная. Косят на одну сторону, справа налево. Работа литовкой более эргономична, поза косца при косьбе более физиологична, выработка больше.

79. Ток – помещение или открытая площадка с ровным, твёрдым («убитым») полом для обмолота злаковых культур – ржи, ячменя, пшеницы. Вручную хлеб обмолачивали молотилами (цепами).

80. Веретено – простое ручное орудие для прядения; деревянная точёная палочка четверти в полторы (25-30 см), острая к верхнему концу и утолщённая в нижней трети, с зарубкою и круто заострённой пяткою [В.И. Даль. Указ. соч.].

Веретено имеет характерный вид, отчего произошло прилагательное «веретенovidный». Происходит от глагола вертеть. Иногда веретено дополнялось веретенником (пряслищем) – гирькой колесом, надевавшейся для тяжести, что увеличивало скорость и инерцию вращения веретена, которое в работе напоминало юлу.

Пресница – лопастная прялка, к лопасти которой крепилась куделя.

Пряха – колёсная прялка, приводившаяся в действие ножной педалью.

81. Овин – отдельно стоявшее помещение, предназначавшееся для сушки снопов. Судя по описанию, в Усть-Качке были ямные или земляные овины, в которых сушильная печь ставилась в срубе, опущенном в яму. В наземном помещении были устроены колосники из жердей, на которые садили снопы для просушки горячим воздухом от печи.

82. Бабка – несколько составленных хлебных снопов на жнитве; от 10–13 снопов комлями наружу (колосьями вовнутрь), а последним снопом бабка накрывалась шатром (комлем к вер-

ху, колосьями вниз). В Новгородской губернии – пять снопов яровых или шесть озимых (ржи). В Костромской губернии бабкой называли 16 снопов льна [В.И. Даль. Указ. соч.]

Сноп – связка, пук стеблей злаковых с колосьями в 6-8 четвертей в окружности, в который собирали и обвязывали сжатый хлеб [В.И. Даль. Указ.соч.].

83. Сибирка, борчатка – короткий кафтан, чекмень с перехватом и с сборами, неразрезной сзади, а спереди на мелких пуговках или застёжках, нередко с меховой опушкой и с невысоким стоячим воротником [В.И. Даль. Указ. соч.].

Состоятельные крестьяне шили сибирки из тонкого сукна. В Южном Прикамье и Зауралье одежду типа сибирки называли азямами и армяками (Оханский и Камышловский уезды). Сибирки были с отрезной талией, по которой нижнее полотнище собирали в складки, сборки, борки отчего и произошло одно из названий – борчатка [Г.Н. Чагин, Этнокультурная история Среднего Урала в конце 17 – первой половине 19 века. – Пермь, 1996].

84. Гарус – сученая белая или цветная пряжа; шерсть для шитья, вышивания. Гарусный – из гаруса или к нему относящийся [В.И. Даль. Указ. соч].

Гарусная опояска – тканый из шерстяной ткани пояс, часто нарядный, с кистями и помпонами на концах.

85. Петров пост соблюдается в память апостолов Петра и Павла. Начинается через неделю после дня Святой Троицы, в понедельник. Заканчивается в день Петра и Павла, 29 июня по старому стилю (12 июля по новому стилю). Может продолжаться от 8 до 42 дней, в зависимости от даты Пасхи, день празднования которой исчисляется особым образом.

86. Дикий чеснок (лук) – лук скорода (*Allium schoenoprasum*), его и теперь много в Камских лугах.

87. Катущка (от глагола катать, кататься) – ледяная горка, спуск с горы. По некоторым сведениям катушка была в продолжение нынешней улицы Октябрьской, на спуске в «согру» в нижнем конце села.

88. Последний день масленицы – это канун Великого поста, поэтому вечером этого дня заканчивались все развлечения.

89. Пестики – верхняя часть хвоща полевого (лат. *Equisetum arvense*), имеющая вид шишечки.

90. Селянка (искажённое «солянка»). Солянка – похлёбка различного состава на крутом мясном, рыбном, грибном бульоне; похлёбка («похмелка») на огуречном рассоле без добавления воды; в Пермской и Вятской губерниях селянкой называли род яичницы, омлет. Существует местное блюдо – яйца с пестиками на сковородке, которое называют «пистишница» (пестишница).

91. Кашик – род дырявого уполовника, сплетенного из прутьев для доставания из котла пельменей [В.И. Даль. Указ. соч.].

92. Сусло – сладковатый навар из муки и солода. Солод (мальтоза) – продукт из пророщенных зёрен ячменя, реже ржи.

93. Парёнка (вятск., пермск., сибирск.) – пареная в печи репа либо пареная морковь в сусле [В.И. Даль. Указ. соч.].

94. Заговенье – пост; прекращение на время поста есть скоромную пищу – мясо, молоко, сливочное масло. Говеть – поститься. Заговины – последний день мясоеда, канун поста. [В.И. Даль. Указ. соч.].

95. Холст – простая грубая ткань, льняная или конопляная, толстое полотно [В.И. Даль. Указ. соч.].

96. Пестрядь – грубая пеньковая (конопляная) или льняная ткань, пёстрая или полосатая, более синеполосая; идёт на шаровары, рабочие халаты, тюфяки и пр. [В.И. Даль. Указ. соч.].

97. Набивная ткань – ткань, на которую рисунок набивается специальным штампом с узорчатым рисунком.

98. Дубас – безрукавый рабочий сарафан толстого сукна, дублёный, выкрашенный дубом (корьём); простой крашенный сарафан [В.И. Даль. Указ. соч.].

99. Сукманина – крестьянская полушерстяная домотканина, полусукно, сермяга, пониток, саржа или понитчина. Сукман – сукманный кафтан [В.И. Даль. Указ. соч.].

100. Пониток – 1. Крестьянское полусукно, то же, что сукманина. 2. Одежда из понитка – зипун, сермяга, рабочий кафтан [В.И. Даль. Указ. соч.].

101. Армяк – широкий, просторный крестьянский кафтан халатного покроя; азам; балахон.

Зипун – крестьянский рабочий верхний кафтан из сукманины или сукна; тяжёлко.

Бешмет – стёганое татарское полукафтанье; простой суконный кафтан с кожаной оторочкой, обшивкой на рукавах, у кисти, а иногда по краю полы, на груди [В.И. Даль. Указ. соч.].

102. Лапти – обувь плетёная из лыка или бересты. «Русские крестьяне Среднего Урала знали лапти только одного способа плетения – с прямой головкой (носком). Поэтому лапти можно было надевать на любую ногу» [Г.Н. Чагин, Этнокультурная история Среднего Урала в конце 17 – первой половине 19 века. – Пермь, 1996].

103. «Коты и бахилы являлись мягкой бескаблучной обувью. Швы делались внутренними. Подошвы имели закруглённые носки и пятку. Коты шились низкими, не выше щиколотки, а бахилы с голенищами, поднимающимися до колен. По краю котов пришивались чаще красные опушни. Опушни стягивались вокруг ноги плетёным шерстяным пояском, вставленным во внутреннюю складку. Коты плотно облегали ногу. Бахилы с помощью кожаных ремешков, вставленных во вшитые петли, закреплялись вокруг щиколотки. Коты и бахилы носили мужчины и женщины в будни и праздники» [Г.Н. Чагин, Этнокультурная история Среднего Урала в конце 17 – первой половине 19 века. – Пермь, 1996].

104. Плис (англ.) – мягкая, толстая, очень ворсистая шерстяная ткань. Фланель (англ.) – мягкая ворсистая ткань, тонкая байка. Кашемир (англ.) тонкая шерстяная ткань похожая на азиатские шали. Шаль (англ.) – долгий (большого размера) платок на плечи; полушалок, подшалок – маленькая шаль в ½ шали [В.И. Даль. Указ. соч.].

105. Шамшур (шамшура) – головной убор, носившийся под платком. Основу составлял твёрдый верх (на простёганном и клеёном холсте с берестой) округлой, квадратной или трапециевидной формы, к которому по окружности пришивалась мягкая красивая ткань с завязками на затылке. Праздничные шамшуры украшались полосками лент, позументом, золотыми и серебряными вышивками [Г.Н. Чагин, Этнокультурная история Среднего Урала в конце 17 – первой половине 19 века. – Пермь, 1996].

Кокошник (кокуй, кокошка) – народный головной убор русских женщин в виде опахала или округлого щита вокруг головы, носится и женщинами и девицами [В.И. Даль. Указ. соч.]. Они появились вместе с сарафаном в период первоначального заселения русскими среднеуральских территорий и сохранялись до тех пор, пока существовал сарафанный комплекс [Г.Н. Чагин, Этнокультурная история Среднего Урала в конце 17 – первой половине 19 века. – Пермь, 1996].

Наколка – головной убор, носившийся под платком и «преимущественно в составе нового костюма – юбки и кофты. Шили из ситца, сатина, шёлка, бархата без подклада, спереди слегка присборенным, сзади на вздёржке. Сшитую из дорогих тканей наолку натягивали на проклеенный холщевый каркас с внутренней обтяжкой из ситца или сатина. По наружной стороне пришивали до семи цветных лент, кружева, банты [Г.Н. Чагин, Этнокультурная история Среднего Урала в конце 17 – первой половине 19 века. Пермь, 1996].

106. В то время улицы были безымянны и дома не имели номеров. Скорее всего, здесь приведен простой счет домохозяйств. Очевидно в пересчет домохозяйств вкралась ошибка, т.к. встречаются двойные номера: 1, 2, 3, 4, 5, 9. Всего в списке 71 домохозяйство.

107. 15 сентября 1896 г. в г. Перми по ул. Сибирской было открыто училище, которое в ознаменование дня рождения Великой княжны Ольги было названо Ольгинским. Изначально училище выполняло функции обычной городской школы, где в нач. 20 в. ученикам преподавали как дисциплины гуманитарного профиля, так Закон Божий и математику.

В настоящий момент в здании бывшего Ольгинского училища находится Пермский педагогический колледж физической культуры и спорта (ул. Сибирская, 55) [Электр. ресурс. «Пермский край. Энциклопедия». Режим доступа: <http://enc.permculture.ru/showObject.do?object=1804188424>].

108. Шапирограф – усовершенствованный гектограф, прибор для размножения рукописных или печатных оттисков [Большой словарь иностранных слов. – М., 2007].

109. В Государственном архиве Пермского края, в фонде Пермского исправительного арестантского отделения Тюремного отделения Пермского губернского правления (г. Пермь) хранится дело заключенного С.М. Футлика (ГАПК, ф.169, оп.1, д.15). Можно предполагать, что это и есть тот самый Футлик. Вероятно С.М. Футлик – родственник (брат?) И.М. Футлика. Иуда Менделеевич Футлик и его будущая жена Лия Шустеф в Пермь приехали в 1916 году. Он – из города Шклова, она – из Курляндии. Вероятно, были высланы из прифронтовой полосы как неблагонадежные. Выпускники Пермского университета, I выпуск медицинского факультета. Всю жизнь прожили и проработали в Перми. Он как врач ЛОР, она – педиатр. Их сыновья: Лев – режиссер пермского телевидения, Мендель – пермский архитектор (библиотека им. Горького, 1966, памятник П.Д. Хохрякову в театральном сквере, 1969 и др.) [Электр. ресурс: Режим доступа: http://unperm.myl.ru/load/mendel_futlik_permskij_arkhitektor/1-1-0-5; Вайман Д.И. Евреи Перми: история и культура. – Спб., 2016].

110. Урядник – нижний чин уездной полиции в России в 1878-1917 гг., ближайший помощник станового пристава [Большой юридический словарь. – М., 2003].

111. При строительстве курорта «Усть-Качка» опасность наводнений учитывалась. От паводковых вод Усть-Качка была ограждена противопаводковой дамбой. В 1979 и 1991 годах были паводки, угрожавшие Усть-Качке, повреждавшие дамбу (1979 г.) и размывавшие дороги. Причиной были паводки реки Качка из-за больших запасов снега и резкого потепления.

112. В районе деревни Луговая остановочный пункт для речных пассажирских судов местных линий до сих пор носит название «Незабудка».

113. Кукмор – село в Мамадышском уезде Казанской губернии (ныне г. Кукмор Республики Татарстан). Исстари славилось пимокатным промыслом. Кукморские валенки в свое время – «знак качества».

114. Маховая сажень – в размах обеих рук, по концы средних перстов [В.И. Даль. Указ. соч.].

115. Пританивать – вытягивать невод. От слова «тоня» – рыбная ловля; одна закидка, одна тяга невода [В.И. Даль. Указ. соч.].

116. Одноэтажное деревянное школьное здание 1889 года постройки было разобрано в конце 2017 года. Снесли его тихо, не догадавшись устроить хотя бы нечто вроде прощания со старой школой. Еще немало в Усть-Качке тех, кто учился в ее стенах. Строение было старым и ветхим, но попрощаться с ним всё же было надо.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Иван Петрович Зеленин (Вместо предисловия) (О.Г. Гайдаш)	4
Зеленин И.П. История села Усть-Качки	
Тетрадь первая. Март 1951 года.....	9
Тетрадь вторая. Апрель 1951 года.....	33
Рукописи, не вошедшие в основной текст «Истории села Усть-Качки»	61
Приложения	
Н.А. Мышкин. Воспоминания о селе Усть-Качка Нижне- Муллинской волости Пермского уезда. Рукопись. 1978 г. / Извлечение из «Воспоминаний о селе Усть-Качка...» семьиМышкиных.....	71
Выдержки из письма И.П. Зеленина бывшему воспитан- нику детского клуба «Муравейник» Г.М. Двасу (28.02.1958 г.)	94
Рукопись «Цели и задачи драматического кружка» (1920–1930-е гг.)	101
Послесловие (О.Г. Гайдаш)	105
Комментарии и примечания (О.Г. Гайдаш).....	108

Иван Петрович Зеленин

История села Усть-Качки

Рукописи 1951 г.

Составление, предисловие, послесловие,
комментарии и примечания, рисунок на обложке «Погост»
и рисунки в тексте О.Г. Гайдаша

Дизайн обложки, макет Е.В. Чуйкиной

Издатель П.Г. Богатырев
Технический редактор Н.В. Шабалина

Подписано в печать 13.03.2018.
Формат 60х84. Усл. печ. л. 7,78. Тираж 150 экз.

Отпечатано с оригинал-макета на ризографе
предпринимателем П.Г. Богатыревым. ОГРН 304590427400071.

**Принимаем заказы на тиражирование печатной продукции
и изготовление книг и брошюр.**

Адрес: г. Пермь, ул. Пушкина, 110, оф. 122.
Тел./факс 236–53–53
E-mail: klenprint@yandex.ru

